

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

486

**ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ
ЯЗЫКА И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Серия лингвистическая

XXX

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893 a. VIINIK 486 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Серия лингвистическая

XXX

ТАРТУ 1979

Редакционная коллегия:

Б. М. Гаспаров, Е. И. Гурьева, П. С. Сигалов, М. А. Шелякин (отв. редактор)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ СИСТЕМО-СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ * [2]

М. А. Шелякин

VI

Как известно, советская методология науки рассматривает системно-структурный подход как одну из форм конкретизации принципов материалистической диалектики. Это означает, что в компетенцию диалектической логики входят не только формы и законы мышления, отражающие развитие объективной действительности, но и познание системно-структурной организации явлений и предметов реальности в их устойчивых состояниях.

С данной точки зрения грамматические категории языка в плане содержания представляют собой отражение соответствующих фактов действительности в результате познавательной деятельности диалектического по своей природе мышления. Поэтому по отношению к семантической структуре грамматических категорий применимы понятия и законы диалектической логики.

Диалектическая (или субъективная) логика изучает область действия (применения) законов объективной логики в мышлении и познании. Законы диалектики едины и одни и те же для мышления и объективной реальности. Диалектика, писал Ф. Энгельс, — «наука о наиболее общих законах *всякого* движения. Это означает, что ее законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления» [39/232]. По словам Ф. Энгельса, успехи естествознания 19 в. доказали тот факт, что «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой» [39/231], а философия Гегеля «доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами

* Продолжение. Первую часть статьи см. в «Уч. зап. ТГУ, Труды по русской и славянской филологии». XXIX, серия лингвистическая, Тарту, 1977.

мышления и процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов» [там же/232]. Следовательно, диалектическая логика как наука о диалектической природе мышления и познания опирается на одни и те же законы объективного мира и мышления не только со стороны их содержания, но и со стороны проявления их в формах мышления. Такой вывод вытекает из того, что идеальное как продукт мышления представляет собой, по выражению К. Маркса, «не что иное, как материальное, пересажённое в человеческую голову и преобразованное в ней» [17/21]. Как известно, это преобразование материального в мышлении осуществляется в специфических формах — понятиях, суждениях и умозаключениях. Поэтому тождество законов диалектики проявляется между содержанием мышления, его формами и законами движения объективных вещей.

Однако субъективная диалектика имеет дело и со специфической субъективного отражения действительности. Эта специфика выражается, во-первых, в дискретности и устойчивости идеального, связанных с абстрактной природой мышления. «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. . . и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [15/163—164]. И далее В. И. Ленин подчеркивает: «Мы не можем представить, выразить, смерть, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия» [15/233]. Вместе с тем дискретность, устойчивость, упрощение идеального, по сравнению с объективной реальностью, нельзя абсолютизировать, в противном случае развитие познания мира было бы невозможно. Понятия человека, пишет В. И. Ленин, — «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» [15/131].

Указанная специфичность отражения субъективного определяет и специфичность диалектического метода познания действительности — восхождения от абсолютного к конкретному, предполагающего в качестве первой ступени живое созерцание конкретных предметов действительности. Если в объективной действительности есть только развитие конкретного в конкретное, то «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения

конкретного» [18/727]. «Духовно конкретное» является, по словам К. Маркса, синтезом многих определений и, следовательно, единством многообразного: «В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [18/727]. В. И. Ленин связывал путь восхождения от абстрактного к конкретному с особенностями самого абстрактного. «Значение *общего* противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [15/252].

Другой специфической чертой субъективного отражения является его творческий, активный характер, т. е. избирательный, опережающий, целенаправленный характер. «Сущностная основа идеи опережающего отражения (биологического, психологического и логического), — пишет Т. Павлов, — заложена в самом диалектическом характере объективно-реального процесса развития мира, при котором прошлое порождает настоящее, а настоящее содержит в себе ростки будущего» [23/39]. Этим свойством субъективного отражения объясняется наличие таких понятий, которые зависят не только от отображаемого, но и от субъекта. С другой стороны, активность субъективного отражения проявляется в различных мыслительных действиях с понятиями (ср. абстракцию отождествления, сравнения, переносы и др.). По словам В. И. Ленина, «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [15/226—227].

Сказанное о природе и особенностях субъективного отражения реальной действительности позволяет рассматривать семантику грамматических категорий следующим образом:

1) Она является результатом диалектического познания определенных явлений реальной действительности в форме абстрактных языковых значений, характеризующихся дискретностью и устойчивостью (мы отвлекаемся здесь от проблемы различия грамматического и лексического значения).

2) Грамматические категории выступают в качестве средства, способа воспроизведения конкретного в мышлении и речи, т. е. как абстрактные определители лексических значений, позволяющие воссоздать «духовно конкретное», актуализировать виртуальные значения системы языка, связать их с конкретно-предметными речевыми значениями. См. об актуализирующей функции грамматических категорий у Ш. Балли [3/93], а также следующее понимание назначения грамматических элементов в системе языка у С. Д. Кацнельсона: «Они (грамматические элементы — М. Ш.) призваны восстановить живые связи, утра-

ченные однозначными словами в момент их вычленения из образов целостных событий. Уточняя содержание однозначных слов, грамматические формы придают абстрактным денотативным значениям более конкретные референциальные черты и уточняют отношения между ними в предложении» [14/70]. Сам механизм актуализации грамматических категориями, как представляется, хорошо раскрыт Ш. Балли. Он обратил внимание на то, что актуализация виртуального понятия происходит путем его локализации во времени и пространстве разными языковыми и ситуационными средствами [3/88—102]. С этой точки зрения все грамматические категории так и или иначе локализуют предметные значения лексем в пространстве и времени через свои граммемы, составляющие семантическую структуру категорий.

В связи с понятием актуализации следует сделать одно существенное замечание. Функция актуализации виртуальных значений не сводится к выражению только конкретно-единичного. Конкретным может быть и объективно-реальное множество предметов, явлений, действий. Подчеркнем, конкретное — это все, что может быть локализованным в пространстве и времени в широком смысле слова, в отличие от абстрактного, которое обобщает свойства предметов, явлений, действий. Это различие между конкретным и абстрактным важно иметь в виду при классификации высказываний на актуальные, в которых грамматические категории выступают в актуализирующих инвариантных значениях, и виртуально-обобщающие, в которых снимается актуализирующая функция грамматических категорий и сохраняются их логико-языковая функция формирования обобщающей семантики частей речи вместе с синтаксической функцией установления отношений между предметами мысли. Таким образом, при нейтрализации актуализирующих значений грамматической категории не происходит полного освобождения ее от каких-либо семантических функций и перехода ее в чисто формально-синтаксическую категорию. Как будет показано ниже, при нейтрализации грамматических значений могут использоваться их вторичные семы для придания высказыванию определенного стилистического и семантического ракурса.

3) В типологическом отношении грамматические категории, представленные в регулярном формальном выражении, характеризуются принципом избирательности [см. об этом: 29/64 и далее]. То, что в одном языке является грамматической категорией, в другом относится к лексическим или словообразовательным значениям и наоборот. Поэтому многие лингвисты считают, что принципиальной разницы между грамматической и лексической семантикой не существует. В свою очередь, это означает, что к исследованию грамматической семантики и установлению

отношений между грамматическими значениями может быть применен логико-понятийный аппарат, который используется при анализе лексических значений и их отношений.

4) Так же, как и лексические значения, значения грамматических категорий не неподвижны, а в силу своей соотносительности могут транспонироваться в область друг друга, обрастать вторичными семантическими функциями и нейтрализоваться. Это положение имеет принципиальное значение для установления инвариантного содержания грамматических форм и их частных, контекстуальных разновидностей, разных типов функционального употребления и функциональных позиций грамматических категорий. Попытки свести все многообразие синтагматического употребления грамматических категорий к одному обобщенному знаменателю не учитывают подлинной жизненности и динамичности грамматических значений и могут привести лишь к смешению парадигматического и синтагматического плана языка, к растворению первого во втором, и в конечном счете — к постулированию грамматических «нулей».

С другой стороны, функциональная подвижность грамматических значений не позволяет видеть в грамматической форме отношения взаимодозначного отображения плана содержания и выражения. Мысли С. Карцевского об асимметричном дуализме языковых знаков касаются не только лексических единиц, но и всех других языковых элементов. Поэтому нам представляется правильным выделение Н. Д. Арутюновой минимальной единицы грамматической системы как единицы плана содержания, а не плана выражения или полной соотнесенности двух планов. «Система плана содержания реализуется через систему плана выражения, — отмечает Н. Д. Арутюнова. — Однако при своем соединении эти две системы совмещаются лишь весьма приблизительно, причем в разных точках и аспектах языковой структуры разрыв между ними может быть большим или меньшим, абсолютным или относительным. Поэтому невозможно одновременное и параллельное описание системы выражения и системы содержания при моделировании знаковой системы языка. Все отношения, в совокупности своей создающие систему, связывают между собой не двусторонние единицы языка, а либо их означающие (точнее, их частицы), либо означаемые знака. Поскольку означающие знаков не образуют системы, на знаковом уровне системные отношения могут быть намечены только применительно к плану содержания» [2/42—43].

В дальнейшем, при рассмотрении системно-структурной организации грамматических категорий с точки зрения понятий и законов диалектической логики мы будем придерживаться указанного взгляда на минимальную единицу грамматической системы, интерпретируя грамматическую категорию в содержательных, а не формальных терминах. Однако это вовсе не озна-

чает полного игнорирования роли формальных критериев в выделении самих грамматических категорий, так как, по определению А. М. Пешковского, «формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику» [25/27].

VII

Какие же понятия и законы диалектики применимы к системно-структурному изучению грамматических категорий как идеальных образований? К ним относятся, на наш взгляд, следующие:

1. Имманентное происхождение различий и развитие их во взаимоисключающие и взаимообуславливающие противоречия, состоящие из противоположностей единой сущности. К. Маркс, приводя пример *север-юг*, называл такие противоположности различиями «одной сущности на высшей ступени ее развития». Они представляют собой *дифференцированную* сущность. Они суть то, что они суть, лишь как *различное* определение, а именно как *это* различное определение сущности» [19/321]. В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике» писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики... Тожество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их *самодвижении*, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» [15/317]. Ср. также следующее высказывание Ф. Энгельса: «Взаимоположность рассудочных определений мысли: поляризация. Подобно тому как электричество, магнетизм и т. д. поляризуются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность, о чем не думает ни один естествоиспытатель, так и здесь тоже» [39/182].

2. Имманентное происхождение различий и противоположностей определяет необходимость их связей между собой. В. И. Ленин отмечает знаком NB в конспекте «Наука логики» Гегеля: «В старой логике перехода нет, развития (понятий и мышления), нет *внутренней, необходимой связи* всех частей и «*Ubergang'a*» одних в другие» [15/88]. Говоря о тождестве противоположностей отдельного и общего, В. И. Ленин в «К вопросу о диалектике» подчеркивает: «*Уже здесь* есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc.» [15/318].

3. Природа и проявление необходимых связей и взаимообусловленность противоположностей заключается в переходе их друг в друга. В. И. Ленин пишет: «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, а *это самое важное*» [15/128]. Этот переход противоположностей друг в друга выступает непосредственно в определениях их противоречивых отношений. В. И. Ленин выписывает из «Науки логики» Гегеля следующее место: «Если в движении, импульсе и т. п. противоречие скрыто от представления за *простотой* этих определений, то, наоборот, в определениях отношения противоречие выступает непосредственно. Тривиальнейшие примеры: верх и низ, правое и левое, отец и сын и т. д. до бесконечности, все содержит противоположность в одном определении. Верх есть то, что не есть низ; определение верха состоит лишь в том, чтобы не быть низом, а первое есть постольку, поскольку есть второе, и наоборот; в каждом определении заключается и его противоположность. Отец есть другое сына, а сын — другое отца, и каждый есть лишь это другое другого; и вместе с тем каждое определение имеется лишь в отношении к другим» [15/127].

4. Диалектическое противоречие проходит в своем развитии три основных, качественно определенных стадии — тождества, различия и противоположности. Каждая из этих стадий потенциально существует в предшествующей и обнаруживается в действительности через диалектическое отрицание друг друга.

Под тождеством (конкретным) в объективной диалектике понимается сама вещь (непосредственно данное), сущность, субстанция, основание, содержащие в возможности диалектическое отрицание и характеризующиеся временным совпадением противоположностей. Ср. следующее высказывание В. И. Ленина в «Философских тетрадах»: «В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (*an sich*), сущности, субстрата, субстанции, — от явления, «для-других — бытия» [15/227]. В. И. Ленин ставит знак «NB» к цитате из Гегеля: «Разрешенное противоречие есть, следовательно, основание, сущность как единство положительного и отрицательного» [15/122]. Выписывая рассуждение Гегеля о диалектике противоположности истины и заблуждения, В. И. Ленин определяет словами «само по себе сущее» следующую характеристику Гегелем понятия неведения: «... есть или нечто безразличное к истине и заблуждению и тем самым не определенное ни как положительное, ни как отрицательное» [15/123]. Ср. еще: выписывая слова Гегеля о том, что в $+A$ и $-A$ есть нечто третье, а именно само A , В. И. Ленин отмечает: «Это остроумно и верно. Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, его, бывает самим собой и другим» [15/124]. В другом

месте В. И. Ленин определяет рассуждение Гегеля о первом, непосредственном как понятии «в себе», как различии, которое полагается внутри его, формулировкой: «в себе» в потенции, еще не развито, еще не развернуто» [15/208].

В диалектической логике исходной «клеточкой» мышления, которая проходит диалектические стадии своего развития, считается первичная абстракция, основанная на переработке эмпирических данных. Она характеризуется простотой определенности, общим представлением о классе предметов, их качестве и количестве и содержит в себе потенциально, в неразвернутом виде противоречие. Однако затем в процессе дальнейшего познавательного отражения путем восхождения от абстрактного к конкретному и диалектики отрицания в ней появляется новая определенность, развивающаяся вплоть до своей противоположности. «Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, — отмечает В. И. Ленин, — Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение» [15/98].

Языкознание располагает фактами, подтверждающими указанный путь развития понятия от простого к сложному через стадии различия и противоположности. Мы имеем в виду, например, известную работу В. И. Шерцля «О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)» [37]. В. И. Шерцль приводит много примеров на совмещение в словах древних языков прямо противоположных значений: лат. *altus* значит «высокий» и «глубокий» (*altum mons* — высокая гора, *altum flumen* — глубокая река), др. инд. *aktu* — «свет» и «ночь» и т. д. Причину этого явления автор работы видит в том, что «корни и происходящие от них слова в древние эпохи имели общие, весьма обширные и крайне неопределенные значения» [37/260]. В качестве особой и типичной разновидности энантиосемии В. И. Шерцль отмечает случаи, когда «из общей сферы данного понятия путем дифференцирования выделяются более конкретные оттенки основного значения, переходящие постепенно в область противоположных друг другу слов» [37/261]. Ряд примеров на энантиосемию из русского и других славянских языков приводит Л. А. Булаховский во «Введении в языкознание» [5/§29].

Сказанное, конечно, нельзя расценивать как признание того, что все существующие абстрактные понятия генетически первичнее более конкретных понятий. В этом отношении не следует упускать из вида первичную основу всякого познания — движения от отдельного к общему, о чем свидетельствует весь опыт наук, развитие которых идет по пути установления более широких и глубоких обобщений. Причем это происходит не только в форме образования новых, более абстрактных понятий, но и в углублении первичных абстрактных понятий через их усложнение и уточнение. К. Маркс писал: «... хотя более

простая категория исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может быть присуща как раз более сложной общественной форме, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой общественной форме» [18/729]. Здесь К. Маркс подчеркивает тот факт, что ход развития абстрактных понятий не всегда соответствует действительному историческому процессу. Поэтому при определении логической последовательности познания недопустимо брать ее из соответствия исторической последовательности. Понимается, это не отрицает и таких отношений, в которых логическая и историческая последовательности совпадают.

5. Сам путь усложнения и обогащения первичной абстракции, а также ее сохранение, но уже в новом виде, как известно, раскрывается в диалектике законом отрицания отрицания. Он содержит в себе четыре основные черты: развитие как отрицание, поступательный характер развития, ступенчатость развития и известное повторение на последней ступени существенных черт первой ступени, но на новой основе [см. 27/69].

Первый момент заключается в появлении нового содержания как снятия предшествующего и сохранения последнего в преобразованном виде в новом. В. И. Ленин, отмечая словами «Это очень важно к пониманию диалектики», выписывает следующее место из «Науки логики» Гегеля: . . . «Но это другое есть по существу не пустое отрицательное, не ничто, **признаваемое обычным результатом диалектики**, а другое первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как опосредствованное, вообще содержит внутри себя определение первого. Тем самым первое, по существу, также сберегается и сохраняется в другом. — Удерживать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, вот что есть самое важное в разумном познании. . .» [15/207].

Что касается остальных моментов закона отрицания отрицания; то они, по сути дела, обобщающе показаны в следующем отрывке из книги Гегеля, который В. И. Ленин считает «своего рода итогом тому, что такое диалектика»: . . . «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает

выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя»... [15/212].

6. Развитие диалектических противоречий носит опосредованный характер. По словам советского философа З. М. Оруджева, «опосредствование противоположностей — специфическая особенность диалектических противоречий в отличие от формально-логических» [22/244]. «Для такой стадии развития естествознания, — писал Ф. Энгельс, — где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления. Диалектика, которая... признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности, — является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [39/181].

Таким образом, одной из форм проявления опосредствования диалектических противоречий являются промежуточные звенья, для которых характерно сочетание различных свойств противоположностей и приводящее состояние. В этом заключается сущность диалектических переходов от одного к другому. В опосредствовании осуществляются и разрешаются противоречия действительности и соответственно мышления.

Другой формой проявления опосредствования противоречий можно считать самую основу противоречия, т. е. то, что определяет в противоречии как «в одном и том же отношении, в одно и то же время», или иначе: в субъективной диалектике — это первичная, генетически или логически, абстракция как исходная для развития конкретного, проходящего путь развития по закону отрицания отрицания. Эта форма опосредствования противоречий сохраняется как общее (основание) на всех стадиях диалектического развития, обогащаясь за счет этого развития. В. И. Ленин выписывает у Гегеля следующее подразделение основания: «(1) абсолютное основание — die Grundlage (основа). «Форма и материя». «Содержание» (2) определенное основание (как основание (для) определенного содержания). [Переход его в обусловливающее посредствование die bedingende Vermittelung [15/128—129]. Ср. еще: ... «Она» (das Wesen) «есть движение через различные моменты, абсолютное опосредствование собой» [15/120]. Единство основания для противоречий как форму их опосредствования интерпретировал и Л. Фейербах: «Непосредственное единство противоположных определений, возможно, имеет силу только в абстракции. В действительности противоположности неизменно связаны через «средний термин».

Этот средний термин составляет предмет, субъект противоположностей [35/194].

VIII

С точки зрения изложенных в предыдущем разделе понятий и положений диалектической логики грамматические категории представляют собой результаты исторического развития первоначальных простых абстракций, возникших на основе переработки соответствующих конкретно-чувственных представлений о качестве, количестве, времени, пространстве и др. (см., например, 31). Их конкретизация, связанная с появлением отдельных грамматических значений, отражающих стадии различия и противоположностей, шла путем восхождения от абстрактного к конкретному по закону отрицания отрицания, и тем самым они стали служить абстрактными определителями лексических значений. Это, в свою очередь, привело к тому, что грамматические значения по тому же принципу восхождения от абстрактного к конкретному позволяли актуализировать общие предметные значения слов в речи, — воссоздать «духовно конкретное», не изменяя в силу своей понятийной природы лексических значений.

Таким образом, если засвидетельствовано одно грамматическое значение, то оно неизбежно предполагает и наличие другого взаимосвязанного однородного грамматического значения, находящегося с первым в каких-то отношениях различия или противоположности на основе общего или обуславливающего опосредствования, так как различие и противоположности суть результаты снятия одной определенности и появления другой определенности с сохранением первой в преобразованном виде и наличием обогащенной общей основы. Вот почему, на наш взгляд, в плане содержания грамматических категорий не может быть грамматических «нулей». Специфика грамматической категории заключается как раз в обязательном наличии последовательно противопоставленных значений (с промежуточными значениями или без них) и опосредствующего значения как основы противопоставления, в совокупности составляющих ее содержание. Видимо, это связано и с категориальной природой грамматической семантики, так или иначе отражающей диалектические категории, представляющие собой, по выражению В. И. Ленина, «ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею» [15/85], и имеющие характер единства противоположностей, ср. конечное и бесконечное, одновременность и последовательность, возможность и действительность, случайность и необходимость и др.

Здесь уместно привести классификацию Ю. С. Степанова грамматических значений по трем типам абстракции: номина-

ции, предикации и локации. Номинация, как ее определяет Ю. С. Степанов, основана на сравнении внешнего мира с человеком [32/130] и несомненно соответствует категории качества. Локация, представленная в категориях времени, лица, числа и падежа и указывающая на те или иные отношения к говорящему как центральному ориентиру, соответствует диалектическим категориям времени, пространства, количества. Можно спорить по поводу отнесения отдельных грамматических категорий к выделенным типам, но в целом осмысление Ю. С. Степановым грамматических значений в трех функциональных планах позволяет соотносить их с диалектическими категориями и видеть в них собственно языковое выражение и интерпретацию последних.

Сейчас пока трудно сказать, следует ли настаивать на том, что грамматические категории всегда представлены только противоположными значениями (с промежуточными членами или без них), но во всяком случае большинство из описанных грамматических категорий действительно состоит из комплементарных или контрарных значений, и нам неизвестны категориальные грамматические значения, которые на парадигматическом уровне были бы синонимичны, т. е. в них преобладало бы общее над различием. Видимо, допустимо признать, что в системе языка могут быть, по терминологии Л. Ельмслева, отношения не только взаимозависимости (интердепенденция), но и односторонней зависимости (детерминация). Однако они несколько подрывают положения об общей необходимости связей, взаимосключения и взаимопредполагания односторонних грамматических значений, так как детерминация — это проявление относительности в принципе всеобщей взаимосвязи [см. 38].

В связи с бытующими взглядами на немаркированный член грамматической оппозиции как семантически неотмеченный, нейтральный по отношению к специфическому, отмеченному члену или как имплицитный противоположный, сильный член, или, наконец, как родовой по отношению к видовому, специализированному, встает вопрос о том, не приложима ли к таким отношениям диалектика общего и особенного (родового и видового), общего и отдельного или целого и части. На наш взгляд, не приложима. И вот почему.

Диалектика общего и особенного, как известно, сводится к проявлению общего через особенное и наоборот — особенного в общем. В. И. Ленин назвал «прекрасной формулой гегелевское определение понятия «всеобщее»: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» [13/90]. Следовательно, в случае понимания одного из членов грамматической оппозиции как семантически неотмеченного («пустого») вообще снимается отношение общего и особенного, так как особенному нечего проявлять в общем и наоборот. В случае понимания од-

ного из членов грамматической оппозиции как имплицитующего противоположный, общее должно включать, но не проявлять, воплощать особенное, а особенное должно быть частью, но не формой проявления общего. Однако общее на самом деле никогда не включает особенного, не является чем-то целым по отношению к его частям, как земля не есть вид Солнечной системы, а есть только ее часть. Данный вопрос был специально обсужден советским логиком Е. К. Войшвилло [6]. Он обратил внимание на то, что «общее лишь в том смысле включает особенное, что позволяет объяснить его», «осознать отдельное как специфическое проявление общего». «Причем сама специфика этого проявления не может быть ... выведена из общего», что «понятие способствует познанию богатства отдельного, но не включает его» [6/214]. В противном случае, «если бы это понятие (капитализма — М. Ш.) содержало «все богатство особенного и единичного», тогда лишь посредством простой дедукции возможно было бы вывести отсюда все черты английского, американского и т. д. капитализма на всех стадиях из развития. И, конечно, В. И. Ленину не потребовалось бы специального фактического и теоретического исследования специфики монополистической стадии капитализма» [6/217].

Если интерпретировать члены грамматической оппозиции в плане отношений целого и части, то один из членов окажется либо объединяющим два разных значения (ср. отношения: супруги — муж и жена), либо омонимичным, что противоречит языковым фактам, так как немаркированный член парадигматически не является ни тем и ни другим.

Остается рассмотреть приложимость к грамматическим оппозициям отношений общего и особенного, без понимания их в плане импликации. Теоретически такие отношения вполне возможны для грамматических значений. Более того, они могут быть изоморфны отношениям, свойственным начальным этапам формирования грамматической категории, когда из первичной абстракции появляется более конкретная разновидность, дающая затем противопоставленную определенность. Однако при этом следует говорить не о родовых и видовых значениях в строго логических терминах, а об общем и общем + определенный признак, как определял подобные отношения Н. С. Трубецкой, который рассматривал немаркированный член как «архифонему + ноль», а маркированный — как «архифонему + признак» [34/90]. Кстати сказать, эти отношения могут отражать случаи и лексической синонимии, не характерной, как уже отмечалось, для грамматических категориальных значений. Но главное препятствие для признания грамматических оппозиций с общим и особенным значением заключается в том, что в таком случае общее не может употребляться в значении, противопоставленном специализированному, без поддержки контекста.

Языковые же факты, показывают как раз наоборот: существуют одинаковые позиции, в которых грамматические значения явно противопоставлены друг другу, и существуют контекстуально обусловленные позиции нейтрализации для выражения именно общего значения как основы для противопоставленных значений.

IX

Таким образом, можно утверждать, что обычно интерпретируемый в семантическом плане немаркированный член есть не один из членов грамматической оппозиции, а сама основа противопоставления, соответствующая первичной или развитой ступени определения диалектического общего в результате действия закона отрицания отрицания.

О существовании и выражении таких общих грамматических значений по отношению к противопоставленным значениям лингвисты догадывались давно. Приведем на этот счет ряд характерных высказываний.

К. С. Аксаков писал: «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается род вообще (порода), все общее значение имени ...» [1/66]. Ф. Ф. Фортунатов выделяет уже в общеиндоевропейском языке форму настоящего времени со следующими двумя значениями: значением собственно настоящего и значением общим изъявительного наклонения без отношения к какому-нибудь определенному времени, «т. е. самое сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось такое, которое бывает в различные времена» [36/263—264]. Г. Пауль, анализируя отдельные грамматические категории, говорит об абсолютных формах, назначение которых состоит в выражении безразличности к дифференцированным значениям грамматических категорий: ср. «Названия веществ ... употребляются большей частью в форме единственного числа, которая должны здесь заменить отсутствующую в языке безразличную к числу абсолютную форму» [24/326]. «Прежде чем были образованы грамматические времена, вместо них функционировала одна форма, а временное отношение либо выражалось особыми словами, либо угадывалось из ситуации. Особой, вневременной формы более не существует, но наряду с указанием на настоящее время функцию такой вневременной формы отчасти выполняет презенс, как наименее характерное глагольное время... Как абсолютное время презенс функционирует прежде всего в абстрактных предложениях» [24/329]. Э. Сепир также различает в грамматической системе времен дифференцированные значения и общее значение, предупреждая об ошибочности их смешения, несмотря на то, что они выражаются одной и той же формой: «Мы в английском языке настроили свой ум таким об-

разом, что всякое действие должно мыслиться в отношении к одному из трех стандартных времен. Поэтому, если мы желаем высказать суждение, которое соответствует и вчерашней и завтрашней действительности, мы должны сделать натяжку, будто настоящий момент может быть растянут в обе стороны, охватывая таким образом целую вечность» [28/77], и далее в сноске: «Поэтому: «корень квадратный из 4 есть два» совершенно так же, как «мой дядя сейчас находится здесь». Многие «первобытные языки» более философичны, различая доподлинно «настоящее» время от «обычного» или «общего» времени» (там же). О. Есперсен почти во всех грамматических категориях выделяет значения, отвлеченные от различия между отдельными грамматическими значениями и называемые им «общим числом» или «обобщенным единственным и множественным числом», «общим и родовым лицом», «общим полом», «обобщенным временем» [10/228, 235, 250, 269, 303].

Показателен также тот факт, что в последнее время в работах по языкам агглютинирующего и изолирующего строя исследователи пересматривают характер семантических оппозиций ряда грамматических категорий в связи с наличием в этих языках нулевых форм, индифферентных к противопоставленным значениям, выраженным особыми показателями. Так, например, В. Г. Гузов и Д. М. Насилов, вслед за К. М. Любимовым [16], строят отношение грамматических значений числа в тюркских языках по следующей схеме: «форма без показателей, немаркированный член» (at) и «формы с показателями категории числа, маркированные формы» (bir at, форма единичности — atlar, форма множественности), доказывая, что форма без показателя не несет информации о количестве обозначаемых предметов [8].

По сути дела, о подобных отношениях в области категории вида китайского языка пишут Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев [30/100—102], а в области категории времени самодийских языков — Н. М. Терещенко [33/145—146]. В китайском языке, наряду с аспектуальными суффиксированными формами, указывающими на однократность, многократность, совершенность, длительность и др., функционирует нулевая в аспектуальном отношении форма, обладающая рядом собственных значений (длительности вообще, обычности, предстоящего действия) и способная при определенных условиях употребляться вместо суффиксированных форм. В самодийских языках выделяется три времени: неопределенное, прошедшее и будущее. Неопределенное время не имеет никакого специального форманта и определенного временного значения: оно может употребляться в функциях всех трех времен (настоящего, прошедшего, будущего).

Наконец, понятие основы противопоставления является краеугольным камнем теории нейтрализации, как ее разрабатывали

Н. С. Трубецкой в фонологии и сторонники концепции изоморфизма языковых уровней — в грамматике. Например, В. Брендаль постулирует три типа членов грамматических категорий: контрастные, представляющие отношение положительного/отрицательного; промежуточный член, не являющийся ни положительным, ни отрицательным; комплексный член, содержащий признаки как положительного, так и отрицательного члена [40/15—16, 99—100]. Подобную точку зрения высказывает Е. Куррилович в общей работе [41/19] и применительно к категории вида: «Полная система видов, основанная на главном противопоставлении «несовершенности» (негативной член): «совершенности» (позитивный член) предполагает, кроме того, существование нейтральной формы (ни совершенной, ни несовершенной) и сложной формы (сочетающей элементы несовершенного и совершенного видов)» [13/144]. В лексической системе языка нейтрализованным членом считают, например, название класса предметов. Так, Вяч. В. Иванов, изучавший речь афатиков, которые при отождествлении предмета (напр., льва, собаки и т. п.) не могут дифференцировать отдельные слова и используют название класса («животное»), замечает: «Название класса выступает в качестве представителя архисемы, возникшей благодаря снятию противопоставлений между семами» [11/83]. Все это свидетельствует о том, что при анализе системных отношений в языке нельзя пользоваться законом исключенного третьего. В общем плане это заметил еще Л. Ельмслев, справедливо подчеркнувший, что «... вся терминология, построенная на логическом законе исключенного третьего, если взять ее буквально, весьма приблизительна, и такие оппозиции, как одушевленность-неодушевленность, личность-неличность, мужскость-женскость и т. п. — это отнюдь не точное обозначение того, что через них определяется..., а всего лишь обманчивые упрощения, не соотносящиеся точно с лингвистической реальностью» [9/118].

Что же представляет собой форма с нейтрализованным грамматическим значением в плане содержания и выражения? Освобождается ли она вообще от каких-либо содержательных функций и не сводится ли ее назначение только к формальным синтаксическим функциям? Для ответа на этот вопрос, рассмотрим соответствующие рассуждения Гегеля о диалектической связи противоположных отношений. Говоря о противоположных величинах арифметики, Гегель пишет: «+ а и — а суть противоположные величины вообще: а — это лежащая в основании обеих в — себе — сущая единица, которая безразлична к самому противоположению» [7/51]. В итоге Гегель формулирует следующее положение о третьем в противоположных отношениях + А и — А: «Это А не есть ни + А, ни — А, но равным образом есть и + А, и — А. — Нечто, которое должно быть

либо + А, либо не — А, соотносено, стало быть, и с + А, и с не — А. . . . Итак, само нечто есть, то третье, которое должно быть исключено. Так как противоположные определения столь же положены в нечто, как и сняты в этом полагании, то третье, имеющее здесь образ безжизненного нечто, есть, если постичь его глубже, единство рефлексии, в которое как в основание возвращается противоположение» [7/64].

Из этого следует, что основа противопоставления — это сам предмет противопоставления, который может быть либо + А, либо — А и который в диалектическом развитии обогащается, уплотняется. Такой основой для грамматических значений, на наш взгляд, является та область значений, которая может охватываться и дифференцироваться данной грамматической категорией. Например, для категории числа существительных — общее значение отдельной предметности или в частном случае — значение класса предметов, элементы которого получают актуализирующую квантитативную характеристику (волк — волки — хищное — хищные животное — животные), для категории рода — общее значение существительных, противоположных по биологическому полу (она — учитель, учительница), для категории вида — название самого действия без аспектуальной характеристики (кто читал этот роман?) и др. Важно подчеркнуть, что в позиции нейтрализации представлены диалектически обогащенные значения предметности, лица, действия и т. д. Эти значения имеют в системе языка самостоятельный статус: они не просто появляются в речи, а существуют в системе языка и используются в тех случаях, когда высказывания не нуждаются в информативных характеристиках грамматических значений. Одна из причин речевой синонимии грамматических форм и заключается в использовании нейтральной грамматической формы, в сочетании с которой контекстуальные или ситуативные эквиваленты грамматического значения могут передать функции последнего.

В плане выражения нейтральное значение может быть представлено различным образом: в константной форме, аналогичной только одной из грамматических форм, и в вариантной форме, аналогичной всем грамматическим формам (20). Видимо, сам способ репрезентации нейтрального значения зависит от характера семантической маркированности грамматической формы и специфики ее содержания в системе языка. Не исключено, конечно, и существование особой формы для выражения нейтрального значения. Однако при субституции нейтрального значения грамматические формы не освобождаются от имеющихся в них дополнительных признаков, стилизующих высказывания с нейтральным значением или вносящих в них соответствующие функционально-семантические особенности [см. об этом 26].

Таким образом, если говорить о семантической маркированности/немаркированности грамматической формы, то данное понятие следует относить не к означаемому формы, а к ее означающему, которое может или не может совмещать нейтрализованное и грамматическое значение. С другой стороны, при установлении инвариантных значений грамматических форм следует «выводить за скобки» их функцию репрезентации нейтрализованного значения и учитывать ее только в функциональной модели употребления грамматических форм в речи. В этом случае понятие оппозиции, если придавать ему диалектический смысл и функциональную ориентацию, предстанет в трехчленной системе отношений функций грамматических форм и отпадет необходимость различать оппозиции на уровне значимости грамматических форм и уровне категориальных значений [см. 4], что, в свою очередь, делает ненужным постулировать привативные оппозиции с семантически немаркированным членом.

Функциональные оппозиции грамматических форм могут носить не только указанный трехчленный характер. Они могут включать и комплексные, по выражению В. Брендаля, значения, отражающие промежуточные звенья в противопоставлении грамматических значений и содержащие одновременно признаки последних. Таким промежуточным членом нам представляется, например, значение собирательности в формах числа существительных. Двусторонность значения собирательности подтверждается его грамматическим выражением: оно может выступать в формах обоих чисел и нарушать синтаксическое согласование по числу [см. 10]. Видимо, таковой была и форма двойственного числа в момент своего возникновения для обозначения естественной собирательной парности предметов. В триаде временных значений прошедшее — настоящее — будущее настоящее время занимает «среднее» положение, что нашло свое отражение в учении А. В. Добиша о раскрытом и нераскрытом настоящем и объясняет легкость его транспозиции во все времена. Спор о статусе повелительного наклонения в системе наклонений может быть решен в пользу признания его промежуточным между ирреальным и реальным наклонением и др.

Применение понятий и положений диалектической логики по-новому ставит вопрос о типах и классификации грамматических оппозиций. Теоретически здесь, как и в лексической системе [см. 21], могут быть: комплементарные оппозиции (без промежуточного члена); контрарные оппозиции (с промежуточным членом); градуальные оппозиции (имеющие характер различия, а не противоположности значений, ср. степени сравнения прилагательных). Что касается широко бытующих терминов «привативные» и «эквиполентные» оппозиции, то по отношению к грамматическим оппозициям их следует использовать, вслед за Ж. Кантино [12], для характеристики противопоставления зна-

ковых маркеров, когда «привативные оппозиции дают экономию в одном показателе» [12/82] и немаркированный член их полифункционален.

Таковы некоторые соображения по поводу разработки понятийного аппарата системно-структурного описания грамматических категорий на основе принципов диалектической логики. Метаязык этого аппарата должен отражать динамическую систему грамматических значений в функционирующем языке и тем самым обеспечить единство системного и функционального анализа языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Полное собр. соч. Т. 3. Сочинения филологические. Ч. II. М., 1880.
2. Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы. — В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
4. Бондарко А. В. О категориальных значениях видов русского глагола. — «Вопросы русской аспектологии», вып. 3. Тарту, 1978.
5. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. III. М., 1953.
6. Войшвилло Е. К. Понятие. МГУ, 1967.
7. Гегель. Наука логики. Т. 2. М., 1971.
8. Гузов В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 3.
9. Ельмслев Л. О. О категории личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. — В сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
10. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
11. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и исследование афазии. — В сб.: Структурно-типологические исследования. М., 1962.
12. Кантино Ж. П. Сигнификативные оппозиции. — В сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
13. Курилович Е. Вид и время в истории персидского языка. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
14. Кацнельсон С. Д. О грамматической семантике. Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. — Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974.
15. Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965.
16. Любимов К. М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных. — «Советская тюркология», 1972, № 5.
17. Маркс К. Капитал. Т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23.
18. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 12.
19. Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1.
20. Мартин А. Нейтрализация и синкретизм. — ВЯ, 1969, № 2.
21. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
22. Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973.
23. Отражение, познание, логика. Главный ред. акад. Тодор Павлов. София, 1973.
24. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
25. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

26. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке. — ВЯ, 1969, № 3.
27. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962.
28. Сепир Э. Язык. М.—Л., 1934.
29. Серебренников Б. А. К проблеме типов логической и грамматической абстракции. — В сб.: Вопросы грамматического строя, М., 1955.
30. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках. — В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975.
31. Спиркин А. Происхождение сознания. М., 1975.
32. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
33. Терещенко Н. М. Грамматические категории глагола в самодийских языках. — В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975.
34. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
35. Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1955.
36. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.
37. Щерцль В. И., О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии). Воронеж, 1884. Цитируется по «Хрестоматии по истории русского языкознания». Составитель. Ф. М. Берзин. М., 1973.
38. Шляхтенко С. Г., Бушуева Н. А. Принцип всеобщей взаимосвязи и направление развития. — В сб.: Проблемы диалектического материализма, вып. I. ЛГУ, 1974.
39. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1975.
40. Brøndal V. Essais de linguistique générale. Copenhagen, 1943.
41. Kurylowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

СТРУКТУРА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОГРАММАТИКУ)

Статья вторая. Морфология имени

Б. М. Гаспаров

В предыдущей статье¹ была рассмотрена типология глагольных категорий в европейских языках. Были выделены два типа категорий: **дескриптивные** и **реляционные**. Первые описывают фактическое содержание сообщения, характеризуют сообщаемое событие как таковое. Вторые осуществляют отнесение содержания сообщения к действительности. Смена дескриптивной формы приводит к изменению содержания сообщаемого события; смена реляционной формы меняет позицию участников акта коммуникации по отношению к сообщаемому событию.

Реляционные категории занимают основное место в глагольной парадигме; к ним относятся категории времени, наклонения, лица, а также противопоставление актива и пассива. Дескриптивными категориями являются вид и такие залоговые формы, как возвратная, взаимная, средняя и т. д. Объективным показателем различия между двумя типами является тяготение дескриптивных категорий к словообразованию: различные дескриптивные формы легко обособляются в отдельные лексемы. В то же время различные реляционные формы, как правило, устойчиво сохраняют чисто грамматическую соотносительность.

С точки зрения отношения к реляционным и дескриптивным категориям, все европейские языки могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся языки Западной Европы — романские и германские; для этой группы характерно сильное развитие реляционных и слабое развитие дескриптивных категорий. Вторая группа, представленная прежде всего восточнославянскими языками, характеризуется значительным развитием дескриптивных категорий и заметной редукцией в ходе

¹ Б. М. Гаспаров. Введение в социограмматику. Статья первая. «Уч. зап. ТГУ. Труды по русской и славянской филологии», XXIX, Тарту, 1977.

исторического развития реляционной части глагольной парадигмы. Ряд языков Центральной Европы типологически занимает промежуточное положение между двумя основными группами.

Языковые типы, представленные данными группами языков, обозначены в работе соответственно как ЗЕС (западно-европейский стандарт) и ВЕС (восточно-европейский стандарт). В настоящей статье описывается соотношение этих типов в области именных категорий.

В отличие от глагола, парадигма имени образуется преимущественно из дескриптивных категорий. К дескриптивной сфере относятся такие центральные для морфологии имени явления, как категории рода, числа, падежа, а также ряд других. Развитие этих категорий в различных европейских языках обнаруживает картину, в целом хорошо согласующуюся с тем выделением двух типологически противопоставленных языковых областей, которое было первоначально намечено на основе рассмотрения глагольных категорий.

1. Насколько редукция глагольной парадигмы, имеющей преимущественно реляционный характер, является характерным процессом в истории русского языка и других языков ВЕС, настолько же редукция именной парадигмы, дескриптивной по преимуществу, типична для развития языков ЗЕС. Это прежде всего относится к **категории падежа**. Дескриптивный характер этой категории в целом (за некоторыми частными исключениями, которые будут специально рассмотрены ниже) достаточно ясно проявляется как в ее семантических, так и формальных свойствах. По своему значению основная масса падежных форм обнаруживает тесную связь и параллелизм с предлогами и, подобно последним, участвует в выражении непосредственного фактического содержания сообщения; смена падежной формы, так же как и смена предлога, ведет к изменению фактической стороны описываемого события². С точки зрения формальных свойств дескриптивный характер категории падежа проявляется в том, что различные формы косвенных падежей; а также предложно-падежные конструкции легко обособляются, выделяются из падежной парадигмы и превращаются в отдельные лексические единицы — наречия.

Все без исключения языки ЗЕС обнаруживают сильную редукцию категории падежа. В ряде языков имеется двухпадежная система (англ., скандинавские языки); причем второй падеж (притяжательный) выполняет строго ограниченную функцию и в этом смысле не является равноправным коррелятом основного (прямого) падежа. Также два падежа различаются в румын-

² Ср. трактовку семантической функции падежей у Е. Куриловича (5).

ском и новогреческом языках (не считая звательного, который будет ниже рассмотрен особо). В большинстве романских языков категория падежа полностью отсутствует и соответствующие значения выражаются чисто аналитически. Из языков западноевропейского типа лишь нем. обнаруживает относительно развитую систему (четыре падежа); однако характерно, что именно нем. расположен наиболее близко к области ВЕС и в отношении некоторых других признаков, в частности в синтаксических структурах также обнаруживает несколько большее сходство с восточным типом. Наконец, южнослав. языки, как и другие, уже названные выше языки Балканского ареала, также обнаруживают редукцию падежной системы и в этом отношении оказываются ближе к ЗЕС; напомним, что и в отношении развития глагольных категорий южнослав. языки явно тяготеют к западному типу. Редукция склонения наиболее очевидным образом проявляется в болгарском и македонском языках. Только сербохорватский язык сохраняет древнейшую падежную систему, которая, однако, обнаруживает тенденции к редукции в современной разговорной речи.

Описанное состояние не является для языков ЗЕС первичным. Оно возникает как результат исторического развития в определенном направлении. В истории всех без исключения языков ЗЕС имеет место большее или меньшее сокращение падежной парадигмы. Достаточно напомнить о 5-падежной системе латинского языка, 4-падежной древнегреческого, 4—5-падежной системе в различных ветвях общегерманского, 6-падежной системе древнеболгарского, чтобы представить масштабы редукции падежной системы, которая имела место в новое время в истории языков западноевропейского типа.

С другой стороны, по мере продвижения в направлении восточноевропейской языковой области, обнаруживается заметная тенденция к возрастанию сложности падежной системы. При этом у языков, тяготеющих к ВЕС, количество падежей либо устойчиво сохраняется по сравнению с древнейшим состоянием, либо даже увеличивается, т. е. развиваются новые падежи. Так, западнослав. и балтийские языки сохранили древнейшую 6-падежную систему. В восточнослав. языках (т. е. в ядерной области ВЕС) в историческую эпоху наблюдается образование новых падежей. Укр. и белорус. языки развили один новый падеж (второй родительный). Наконец, русский язык развил два новых падежа — второй родительный (ср. противопоставление сахара — сахару) и второй предложный, или местный (о снеге — в снегу)³.

³ Ср. целостное представление 8-падежной системы русского языка и установление системных корреляций для новых падежей у Р. О. Якобсона (12).

Новые падежи развились на базе распавшегося типа склонения на -й, в результате использования некоторых флексий этого типа в рамках основного склонения имен мужского рода на -о и развития семантической корреляции у образовавшихся дублетов. Интересно, что распад древнейшей системы именных классов и соответствовавших им типов склонения — процесс, имевший место в истории всех европейских языков, принадлежащих к индоевропейской семье, — в данном случае не только не привел к редукции падежной системы, но даже способствовал ее увеличению. В итоге в русском языке сложилась восьмипадежная система; правда, два новых члена этой системы входят в парадигму лишь некоторых существительных и поэтому образуют периферийный участок системы.

Финно-угорские языки, расположенные на территории Центральной Европы, обладают многопадежной системой, значительно превосходящей падежную парадигму любого из индоевропейских языков, в том числе и языков ВЕС. Так, в эстонском языке 14 падежей, в финском 15, в венгерском 22 падежа. Эта особенность западных финно-угорских языков связана с ареальными закономерностями более широкого масштаба, далеко выходящими за рамки европейской языковой области⁴. Укажем, в частности, ряд характерных общих черт между финно-угорскими и кавказскими многопадежными языками: наличие агглютинации, преобладание послелогов (а не предлогов, как в индоевропейских языках), развитие симметричных серий локативных падежей. Во всяком случае, можно констатировать, что по данному признаку финно-угорские языки Центральной Европы принадлежат к восточноевропейскому типу.

На фоне столь сильного развития категории падежа в языках ВЕС обращает на себя внимание факт устранения вокатива в истории русского языка, тем более примечательный, что вокатив сохраняется в большинстве других славянских языков. В этой связи следует заметить, что функции вокатива существенно отличаются от функций остальных падежей: они не связаны с определением места имени в синтаксической структуре. С помощью вокатива выражается апелляция, и тем самым устанавливается связь между говорящим и предметом апелляции, утверждается присутствие данного предмета в акте коммуникации. Таким образом, вокатив определяет «топографию» сообщаемого факта относительно говорящего и в этом качестве, в отличие от других падежных форм, обнаруживает функциональное родство с реляционными категориями. Функциональная специфика вокатива по отношению к основной падежной системе находит также подтверждение в наличии параллелизма

⁴ См. рассмотрение общих закономерностей в распределении числа падежей в языках Евразии и Африки в работе (2, стр. 51).

между данной формой в сфере имени и формой императива в сфере глагола [13] — параллелизма, в котором обнаруживается связь вокатива с категорией модальности, имеющей несомненно реляционный характер. Наконец, вокатив, в отличие от других падежей, обычно не дает застывших адвербиальных образований (русские формы Господи и Боже являются исключениями, характерными именно на фоне утраты вокатива в целом как живой формы в данном языке).

По своей семантике вокатив родственен другой именной категории, имеющей реляционный характер — артиклю, и именно — **определенному артиклю**. Апелляция к предмету, передаваемая с помощью вокатива, обязательно содержит в себе идею определенности данного предмета, и таким образом в значении вокативной формы содержится, как ее неотъемлемая часть, значение определенного артикля. Это обстоятельство не только подтверждает реляционный характер вокативной формы, но и объясняет, почему вокатив отсутствует в большинстве языков ЗЕС; для которых в принципе характерно интенсивное развитие реляционных категорий: его функции в этом случае перекрываются артиклем. Дополнительность артикля и вокатива наглядно проявляется в тех немногих языках, которые содержат оба данных явления. Так, в древнегреческом языке вокативная форма употреблялась всегда без артикля; в румынском вокатив возможен только при определенном артикле. Данное ограничение, отсутствующее у всех остальных падежей любого языка, знающего артикль, подчеркивает обособленное положение вокатива в падежной системе и его взаимодействие с артиклевой функцией.

Говоря о тенденциях в развитии падежной системы, следует также упомянуть особенности употребления именительного падежа в современном русском языке. В принципе именительный падеж, так же как и вокатив, занимает в падежной системе обособленное положение: он не связан с глагольным управлением и всегда строго соответствует определенной синтаксической функции (подлежащего и присвяточной именной части), независимо от семантики предиката, к которому он отнесен. Однако в русском языке наблюдаются характерные сдвиги в употреблении номинатива, ведущие к частичному переосмыслению его статуса в падежной системе. Во-первых, следует отметить невозможность употребления номинатива в безличных предложениях в сочетании с безличными глаголами (случай, довольно часто встречающийся в речи) и замену его формой «косвенного субъекта» — чаще всего дательным, иногда и другими косвенными падежами: Мне не спится, Меня знобит и т. д. Ср. данное положение с обязательностью местоимения в форме номинатива в безличных предложениях языков ЗЕС. В результате номинатив теряет свое специфическое свой-

ство неуправляемого падежа, постановка которого не зависит от свойств глагольной лексики: он оказывается возможен не при всех глаголах, т. е. обладает избирательной сочетаемостью, как и все косвенные падежи.

Второй случай, когда номинатив теряет свои специфические свойства и приобретает функции, сопоставимые с функциями косвенных падежей, связан с позицией присвяточной части. В этой позиции в русском языке возможна альтернатива именительного и творительного падежей, а у прилагательного также краткой формы. При этом чередование форм связано с частичным изменением значения; именительный падеж, наряду с другими падежами, служит здесь для специфического сообщения факта, т. е. функционирует как дескриптивный падеж.

Отмеченные тенденции в трактовке номинатива развиваются еще дальше в современном употреблении. В этой связи имеет важное значение факт широкого распространения в современной речи конструкций с зависимым именительным падежом, выполняющим атрибутивную функцию, типа рейс Москва — Киев, проблема «Солнце — Земля», и т. д.⁵ Во всех этих случаях номинатив конкурирует с другими падежными формами, выражая специфические оттенки передаваемого смысла; ср. отличие по смыслу таких атрибутивных конструкций, как рейс из Москвы в Киев, проблема соотношения Солнца и Земли и т. п.

Итак, номинатив в русском языке утрачивает свою исключительную роль сигнала определенной синтаксической позиции и все в большей степени служит средством смысловой спецификации сообщения, наряду и в сопоставлении с другими падежами. Можно констатировать, что два первоначально обособленных члена падежной парадигмы — номинатив и вокатив — подверглись в процессе исторического развития языка воздействию в определенном направлении, в результате которого один из этих падежей был ликвидирован, а другой частично ассимилирован общей дескриптивной падежной системой. Данное направление преобразований наблюдается на протяжении длительного времени и обнаруживается также в современных речевых процессах.

Наряду с развитием падежной системы и укреплением ее дескриптивных свойств, в русском языке наблюдается неуклонное увеличение числа несклоняемых заимствованных имен и аббревиатур. Данный процесс, в особенности интенсифицировавшийся в двадцатом столетии, на первый взгляд противоречит описанным выше тенденциям. Однако все несклоняемые слова имеют четкие признаки принадлежности к определенным, специфическим подклассам имен, и поэтому увеличение их числа не

⁵ См. 9, с. 262 и сл.

подрывает общего статуса падежной системы, действующего для основного массива имен. Более того, распространение несклоняемых слов способствует укреплению конструкций с атрибутивным употреблением именительного падежа, т. е. благоприятствует развитию у последнего дескриптивных функций; ср. очевидный параллелизм конструкций типа цвет электрик, юбка плиссе, с одной стороны, и таких, как система Солнце — Земля, с другой. Как в древнерусский период язык использовал распад старой системы склонений для того, чтобы сформировать два новых падежа, — так и в современных процессах рост числа аналитических несклоняемых форм не только не подрывает падежную систему, но используется языком для усиления дескриптивных моментов. Поэтому, отмечая рост «аналитизма» в современном русском языке (ср. 1), следует учитывать данную специфику, делающую этот процесс совершенно непохожим по результатам на развитие аналитизма в языках ЗЕС. Аналогично, распад древней системы склонений дал совершенно различные результаты в западной и восточной языковой области. Данные примеры показывают, что любые исторически складывающиеся ситуации используются языком в соответствии с общими тенденциями его структуры.

Итак, развитие дескриптивной падежной системы и в то же время ликвидация и редукция тех ее компонентов, которые связаны с реляционным началом, оказывается на протяжении длительного периода характерно для языков восточной области, в первую очередь для русского языка. Данное направление противоположно тенденциям, действующим в отношении категории падежа в сфере ЗЕС. В то же время и для русского языка, и для языков ЗЕС смысл описанных явлений хорошо соответствует той картине, которая была ранее обнаружена в развитии глагольной системы для каждого из этих языковых типов.

2. Категория рода также относится к числу дескриптивных именных категорий. Правда, у большинства имен форма рода десемантизирована и означает в настоящее время лишь принадлежность имени к определенному согласовательному классу. Однако наряду с этим имеется также значительное количество существительных, у которых категория рода взаимодействует с вещественным значением. С наибольшей очевидностью к последнему разряду принадлежат одушевленные существительные, у которых форма рода указывает на пол. Дескриптивный характер рода подтверждается также его формальным статусом лексико-грамматической категории: различные формы рода имен существительных принадлежат разным лексемам. Принадлежность рода к дескриптивному категориальному классу обуславливает особенности распределения данной категории в европейских языках.

Только единичные языки ЗЕС сохраняют три формы рода: немецкий, румынский (причем в последнем третий «обоюдный» род конституируется лишь смешанным типом склонения, использующим формы м. р. в ед. и ж. р. во мн. числе). Абсолютное большинство языков ЗЕС имеет двуродовую систему, и некоторые (англ.) вообще не различают род в сфере имени. Отсутствует категория рода также у финно-угорских языков, которые по этому признаку, таким образом, тяготеют к ЗЕС; данная особенность финно-угорских языков, так же как и наличие у них многопадежной системы, связана с более широкими ареальными закономерностями, выходящими за пределы европейской языковой области [см. 2, стр. 40].

С другой стороны, славянские языки четко выдерживают трехродовую систему. Характерно при этом, что родовые противопоставления не только устойчиво сохраняются в качестве оформителей имени, но даже частично актуализируют в современном употреблении свою смысловую ценность. Этот процесс проявляется в широком распространении в современной русской речи родовых согласований по смыслу и, в связи с этим, в активизации той роли, которую играет в языке специфическая группа слов «общего рода»: врач сказала. В этих случаях только согласование по роду указывает на пол, и таким образом дескриптивная ценность родового оформления оказывается подчеркнутой. Следует также отметить в современном русском языке практическое исчезновение из употребления слова дитя в ед. числе, т. е. единственного слова русского языка, у которого идея лица противоречиво совмещалась с формой среднего рода; ср. в нем. языке, сохраняющем средний род, наличие целой группы таких существительных, у которых форма рода не указывает на пол, т. е. теряет свою дескриптивную ценность: das Kind, das Mädchen, das Weib, das Freulein, а также все диминутивы от одушевленных существительных. Наконец, еще одним примером семантизации рода может служить распространившееся в современном русском языке осмысление рода у аббревиатур не по внешней их форме, а по роду главного слова: ср. женский род слов на согласный типа ООН, ТЭЦ и т. д. [9, стр. 63].

С категорией рода тесно связана категория одушевленности. В языках ЗЕС данная категория не представлена в качестве самостоятельного явления в сфере имен. Правда, в некоторых языках ЗЕС с идеей одушевленности могут быть связаны собственно родовые корреляции; например, средний род в скандинавских языках — это фактически род неодушевленных имен, противопоставленный общему роду, немаркированному с точки зрения одушевленности. Однако специальные формы одушевленных vs. неодушевленных имен, отличные от родовых противопоставлений, в языках ЗЕС не встречаются.

В славянских языках формальное противопоставление одушевленных — неодушевленных слов в разных вариантах, с различной разграничительной линией внутри данной категории, развивается в историческую эпоху, насланываясь на более древнюю систему родовых классов и образуя в результате более сложную и дифференцированную систему лексико-грамматической спецификации имен. При этом структура категории одушевленности (разграничительные линии между противопоставляемыми классами имен) может быть различной в разных славянских языках. Наименее широкое развитие эта категория получила в южнослав. языках, которые и в отношении других именных категорий больше тяготеют к ЗЕС. Она охватывает здесь названия лиц и животных только в мужском роде и при этом проявляется только в единственном числе. В сербохорватском языке слова данной группы имеют в ед. ч. форму Вин., совпадающую с Род.. В болгарском и македонском, где склонение имен в целом утрачено, некоторые существительные м. р., обозначающие лиц, имеют в ед. ч., в виде исключения, особую форму Вин. п.; эта форма, однако, для современного употребления является факультативной.

Сильнее развита категория одушевленности в западнослав. языках (кроме чешского, в котором границы этой категории совпадают с сербохорватским). Правда, здесь также спецификация по признаку одушевленности действует только для имен мужского рода. Однако имена, обозначающие лиц, имеют особые формы уже не только для единственного, но и для множественного числа; имена, обозначающие животных, различаются только в ед. ч.

Наконец, наибольшего развития категория одушевленности достигает в восточнослав. языках. Здесь подкласс одушевленных существительных выделяется не только для мужского, но и для женского рода, причем данные подклассы имеют особую форму Вин. как в единственном, так и во множественном числе. Время формирования данной категории в русском языке (XV—XVII вв.) совпадает со временем развития целого ряда других процессов (окончательный распад системы прошедших времен, развитие категории вида и т. д.), в наибольшей степени определивших специфику восточноевропейского языкового типа.

Интересен с рассматриваемой точки зрения еще один процесс, относящийся уже к новой истории русского языка (XIX—XX вв.) и показывающий, что спецификация различий, связанных с идеей рода, одушевленности, пола, имеет тенденцию к постоянному развитию в этом языке. Таким процессом является формирование правила для иностранных фамилий, оканчивающихся на согласный: данные слова склоняются в том случае, если обозначают лиц мужского пола, и не склоняются при обозначении лиц женского пола, — еще один пример исполь-

зования формальных различий для выражения дескриптивной информации. В этом случае вновь проявилась имеющаяся в языке тенденция использования даже «отрицательных» феноменов несклоняемости и аналитизма в качестве средств дескриптивной спецификации.

Таким образом, дескриптивный категориальный комплекс «род — одушевленность» распределяется у европейских языков в целом в соответствии с принципами распределения других дескриптивных категорий: он подвергается различной степени редукции в западной области и обнаруживает значительное развитие и наличие постоянных живых процессов интенсификации в языках восточной области, прежде всего в русском языке.

3. Структура категории числа на первый взгляд не обнаруживает существенных различий между восточным и западным языковым типом: как в западной, так и в восточной языковой области почти у всех языков (за исключением литовского, словенского и лужицких) произошло сокращение первоначальной системы трех чисел за счет отмирания двойственного числа и установление бинарной корреляции единственного и множественного числа. И сам этот процесс (упрощение дескриптивной категории), и его конечный результат хорошо коррелируют с системой ЗЕС, но не соответствуют, как будто бы, основному направлению развития восточноевропейских языков. Это несоответствие становится особенно заметным в связи с тем, что распад двойственного числа происходит в славянских языках после XIV в., т. е. в тот самый период, когда в восточнославянской области обнаруживается целый ряд языковых процессов, имеющих отчетливо выраженную «антиреляционную» направленность.

Данное явление, однако, может быть объяснено, исходя из особенностей исторического развития формы двойственного числа⁶. Древнейший пласт функционирования этой формы, по-видимому, составляет так называемый свободный дуал — форма, употребляемая у существительного вне сочетания с числительным 'два', т. е. не подкрепляемая лексическим определением количества. Свободный дуал употреблялся первоначально для обозначения парных предметов ('глаза', 'руки' и т. п.). Впоследствии развивается употребление связанного дуала, оформляющего существительное в сочетании с числительным 'два'. В результате употребление формы двойственного числа расширяется, и эта форма становится универсальным количественным определителем, который может быть придан любому существительному.

В связи с тем, что теперь оказывается возможным придать значение 'два, пара' любому конкретному существительному,

⁶ См. подробный обзор данного явления, сделанный П. С. Сигаловым в кн. (3).

имена, обозначающие собственно парные предметы, развивают особое добавочное значение в форме двойственного числа, которое позволяет им сохранить положение особого маркированного подкласса в рамках дуала. Форма дв. ч. у таких слов, как 'глаз', 'рука' и т. п., получает значение 'глаза одного человека' — в отличие от формы мн. ч., которая обозначает множество безотносительно к его принадлежности одному лицу. Таким образом, формы двойственного vs. множественного числа соответствуют в этом случае не столько количеству, сколько **определенности vs. неопределенности** предмета; их употребление частично напоминает функции определенного и неопределенного артикля: ружь — руки \approx the hands — hands.

Следует заметить, что в свободном употреблении двойственное число и в позднейшую эпоху было связано главным образом с названиями парных предметов. Таким образом, утрата свободного дуала несла с собой не столько сокращение возможностей количественных определений, сколько устранение одного из средств выражения определенности, т. е. данный процесс частично находился в плане редукции реляционных функций языка. Впрочем, следы значения связанного дуала в современном языке проявляются в том особом значении, которое принимает форма мн. числа у парных предметов: *глаза, руки* и т. п. При отсутствии дополнительных указаний данная форма понимается как 'пара глаз', 'пара рук'; ср. также аналогичную трактовку формы мн. числа при обозначении единичных предметов с парной внутренней расчлененностью (*брюки, очки* и т. п.).

С другой стороны, связанный дуал, дающий собственно количественное определение, не только сохранился в восточнослав. языках, но и получил здесь своеобразное развитие. Во-первых, реликты трехчленной системы чисел и осознания формы мн. ч. не просто как множества, а как «большого множества» (> 2), сохраняются при осмыслении этой формы в современном языке. А именно, в тех случаях, когда форма мн. числа не подкрепляется никакими добавочными указаниями в тексте (напр., наличием числительного два, местоимений эти, такие, мои, какие-то и т. д.) или в ситуации сообщения, она естественным образом осмысляется как 'большое множество' (по крайней мере > 2). Услышав фразу *На столе лежат книги, Там за стеной люди, Он сдал экзамены*, — говорящий представляет себе ситуацию со «многими» (> 2) объектами; в то же время фразы типа *Эти книги лежат на столе, Там какие-то люди, Он сдал свои экзамены*, предполагают уже возможность наличия любого множества (> 1) объектов. Этот оттенок особенно ясно проявляется у слов, обозначающих меры веса, расстояния, времени и т. д., которые, при отсутствии специального уточнения, обязательно обозначают «большое множество»: *прошли годы; минуты про-*

шли с тех пор, как мы расстались (хотя и мало минут, но все же больше 2); остались последние километры.

Во-вторых, реликтом формы двойственного числа является конструкция типа два стола, в которой форма имени по происхождению является формой Им. дв. (ср. Им. мн. столы). Правда, специфическое употребление этой формы имени как формы двойственного числа в языке утрачено, поскольку эта форма появляется не только при числительном два, но также в сочетании со словами три и четыре. Поэтому в современном языковом сознании не сохранилась первоначальная функция данной именной формы, и в настоящее время форма стола при числительных воспринимается говорящими как форма Род. ед. Однако, при всех этих изменениях, сохранился сам принцип членения семантической области количественных определений не на два, а на три класса, сохранилось расчленение множественного числа на две части, каждой из которых соответствуют особые языковые формы. Специфика современного состояния состоит в том, что это расчленение опирается не на морфологический признак (формы двойственного и множественного числа), а на синтаксический признак — характер сочетаемости существительного с числительным: числительные 2—4, с одной стороны, и числительные 5—20, с другой, управляют соответственно Род. падежом единственного и Род. множественного числа существительного. В итоге в языке формально вычленяется область «малого множества» (2—4) и область «большого множества» (≥ 5). (Данное противопоставление последовательно выдерживается для всех несоставных числительных, т. е. до 20 включительно; составные числительные, как вторичный и производный феномен, строят синтаксические отношения с существительными в зависимости от своей последней части). Данная система является своеобразной репродукцией в современном языке древнейшей системы троичных количественных определений.

Интересно при этом, что класс «большого множества» начинается с '5', т. е. с числа, которое лежало в основе одной из древнейших счетных систем (пятеричной), связанной с числом пальцев на руке — ср., в связи с этим, во многих языках образование слова для обозначения числа 'десять' по принципу 'дважды пять'⁷. Таким образом, «память» об этом древнем членении семантической области множества так или иначе сохраняется у самых различных народов. Но в восточнославянских языках реликты данной счетной системы не только оказались сохранены в этимологии отдельных числительных, но закрепились также в грамматической структуре.

⁷ Анализ семиотики числа '5' и его связи с понятием 'рука' см. в работах (7; 11).

Говоря о противопоставлении числовых классов, следует также заметить, что в восточнославянских языках не только специфицированы два подкласса множественного числа, но и противопоставление единственного — множественного выражено сильнее, чем в языках ЗЕС, в связи с тем, что для выражения этого противопоставления используются не только формы числа, но также и формы падежа имен: в сочетании с числительными, представляющими множество (т. е. начиная с '2'), используется Род. падеж существительного, в то время как в сочетании с числительным один используется Им. падеж. Иначе говоря, единичность синтаксически оформляется как согласование, множественность (в обеих разновидностях) — как управление, в отличие от ЗЕС, где оба эти случая представлены в однотипном синтаксическом построении и различаются только формой числа: one boy — two boys. О том, что специфическое синтаксическое выражение множественности в языках ВЕС подчеркивает числовую корреляцию, косвенно свидетельствует тот факт, что данное различие выражено в «заглавной», наиболее важной синтаксической позиции, при форме Им. падежа числительного, т. е. тогда, когда количественная конструкция выполняет функцию подлежащего; это различие, однако, снимается (подвергается нейтрализации) в периферийной синтаксической позиции, для косвенных падежей числительного (один стол — два стола — пять столов, но одного стола — двух столов — пяти столов). В последнем случае троичная числовая корреляция заменяется бинарной (нейтрализуется различие малого и большого множества), и само противопоставление единственного и множественного опирается только на различие формы числа у существительного, при сохранении однотипной синтаксической структуры. Этот слабый случай точно соответствует общему положению в языках ЗЕС и по контрасту позволяет лучше понять специфику «сильного» случая.

Другой ряд фактов, показывающих относительную значимость количественных определений в русском языке по сравнению с ЗЕС, связан с существованием и развитием в языке значения **собирательности**, или, точнее, ряда явлений, так или иначе восходящих к этой смысловой категории. Собирательность выступает в качестве дополнительной спецификации значения множественности (совокупное множество как разновидность общей идеи множественности); она занимает в отношении категории числа примерно такое же место, какое занимают семы одушевленности, пола и т. п. по отношению к категории рода.

На уровне лексики собирательность в большей или меньшей степени представлена во всех европейских языках и проявляется в наличии особого подкласса существительных, обозначающих нерасчлененное множество и имеющих только одну форму чис-

ла (чаще всего ед. ч., но ср. также собирательные слова *pluralia tantum* в нем. типа *Gebrüder*). Однако в языках ВЕС имеется тенденция к выведению собирательности на грамматический уровень, т. е. к развитию специальных морфологических форм и синтаксических конструкций, служащих для различения дискретной vs. совокупной множественности.

Данная тенденция реализуется в славянских языках в наличии двух или даже трех параллельных конструкций со значением количества: кроме собственно количественных числительных, аналогичные значения выражаются при помощи собирательных числительных и собирательных наречий (*вдвоем, всемером* и др.). Данные три ряда количественных оборотов позволяют по-разному представить одно и то же множество в зависимости от степени дискретности vs. слитности составляющих это множество элементов. Конструкция с колич. числительным (*пришли пять человек*) обозначает дискретное множество; конструкция с собир. числительным (*пришли пятеро*) обозначает совокупное множество, элементы которого образуют единую группу; наконец, конструкция с собир. наречием (*пришли впятером*) выражает еще более тесную совокупность: если для совокупности, выражаемой собир. числительным, достаточно чисто внешнего впечатления единства (напр., расположения предметов рядом друг с другом), то употребление собир. наречия предполагает наличие **внутреннего единства**, обязательной связи между объектами.

Противопоставление дискретного и совокупного множества в количественных сочетаниях русского языка опирается не только на различие количественных и собирательных числительных, но также и на возможность количественного сочетания с глаголом; глагол может стоять в форме множественного числа, либо в форме среднего рода ед. ч. (обычно данное различие имеет место в прошедшем времени). Первая форма имеет более дискретный, вторая — собирательный смысловой оттенок, причем данное различие является более тонким, чем различие в значении количественного и собирательного числительного. В результате в языке оказываются возможны четыре конструкции, различающиеся между собой степенью выраженности значения собирательности и дискретности: *вошли пять человек, вошло пять человек, вошли пятеро, вошло пятеро*. Первая из этих конструкций наиболее полно выражает дискретность, последняя — собирательность, а две промежуточные конструкции дают более сложное сочетание значений 'совокупное' и 'дискретное' vs. 'недискретное множество'.

Еще один момент, связанный с более детальной спецификацией количественных различий, как кажется, проявляется в развитии в современном русском языке формы Им. мн. на *-а́ у* существительных мужского рода (типа *учителя*). Как изве-

стно, данная форма постепенно распространяется в языке, однако большинство употреблений до сих пор в различной степени сохраняют просторечную окраску (ср., например, в порядке возрастания просторечной коннотации: трактора, и инженера, матеря)⁸. Интерес исследователей к стилистической стратификации и к процессу проникновения в литературный язык данной формы, вполне понятный в связи с ее развивающимся характером и довольно бурной историей в языке советской эпохи, оттеснил на второй план вопрос о смысловой специфике этого явления. Между тем форма на **-а/-я** имеет определенное семантическое отличие от формы на **-ы/-и**, состоящее в наличии у первой **собирательного оттенка** значения, который отсутствует у второй: трактора, офицера и т. п. показывают не просто множество, но совокупное множество предметов. Ср. одну из немногих пар, стабилизировавших смысловое различие в рамках литературного употребления: учителя (сословие, совокупность представителей данной профессии) — учителя (лица, стоящие во главе какого-либо учения). Ср. также, при общем господстве формы профессора, неудовлетворительность фразы типа *На конференции выступили профессора Иванов и Петров, которая может быть объяснена тем, что перечисление лиц, составляющих группу (т. е. представление группы в качестве дискретного множества) противоречит собирательному значению формы мн. ч. на **-а**.

Характерно, что одним из источников проникновения форм на **-а** в литературный язык явилось их употребление в профессиональной речи (ср. 9, с. 200 и сл.), где потребность в специфицированном выражении идеи совокупного множества может ощущаться наиболее сильно. Действительно, профессионализмы на **-а** имеют в ряде случаев отчетливо выраженное собирательное значение: прииска, выхода ('результаты серии опытов' либо 'выходы на сцену в спектакле'), выпуска ('концы проводов'), веса ('весовые категории') и т. д. Можно сделать вывод, что форма на **-а** служит весьма продуктивным средством образования слов со значением собирательности; ср. просторечную коннотацию, присущую часто и другим группам собирательных слов в русском языке.

К этому надо добавить, что исторически форма на **-а** восходит к окончанию двойственного числа. Свободный дуал, как уже говорилось, имел значение парной совокупности. Таким образом, историческая память о предшествовавшем состоянию системы в скрытом виде сохраняется в языке, даже в том случае, если на поверхности имеет место полная перестройка и функциональное переосмысление. Характерно также, каким образом в языке,

⁸ См. подробное исследование распространения данной формы: (9, гл. 9).

обладающем определенной общей тенденцией развития, даже разрушительные, деструктивные моменты реинтерпретируются в таком направлении, что после цепи формальных и функциональных превращений все эти моменты оказываются в конечном счете включены в рамки господствующей тенденции. Разрушение древней системы трех чисел, так же как и разрушение древней системы именных классов, в конечном счете послужило импульсом дальнейшего развития и детализации дескриптивных определений в морфологической структуре русского языка.

Противопоставление дискретного — совокупного множества в языках ВЕС находит формальное выражение не только в сфере имен. Сходное явление наблюдается также у глаголов, где имперсональность (в широком смысле) выражается двумя различными глагольными формами — 3 л. ед. ч. (безличные предложения) и 3 л. мн. (неопределенно-личные предложения), — в отличие от языков ЗЕС, у которых соответствующий круг значений опирается только на одну глагольную форму 3 л. ед. Ср. выражения с подлежащими *es* и *man* в нем., *il* и *on* во франц., *it* и *one* в англ. и т. д., которым соответствуют выражения с 3 л. ед. и 3 л. мн. в русском языке: нем. *Es läutete* и *Man läutet*; рус. *Звенит* и *Звонят*. Данное формальное противопоставление выражает различие между недискретным, принципиально невычленимым субъектом безличного предложения, выступающим в виде стихийной силы, сам источник и границы которой в принципе не могут быть отчетливо определены, и субъектом неопределенно-личного предложения, хотя и неизвестным говорящему, но в принципе обладающим вычленимостью и дискретностью.

Итак, рассмотренные факты показывают, что в рамках категории числа русский язык, с одной стороны, развивает новый тип троичной корреляции, своеобразным образом используя разрушение древнего дуала; с другой стороны, в рамках семантической области множественности активно распространяется и получает значительное развитие выражение различных оттенков значения собирательности и/или недискретности (совокупности) vs. дискретности (расчлененности). Можно констатировать усиленное развитие данных тенденций в рамках восточноевропейской языковой области на протяжении длительного периода в истории языка, вплоть до активных процессов, имеющих место в современной речи.

4. Важнейшей реляционной категорией в сфере имени является категория определенности/неопределенности, основным средством выражения которой служит артикль. Присоединение к имени определенного либо неопределенного артикля не меняет характеристики обозначаемого этим именем предмета как такового, но изменяет положение этого предмета по отношению к ситуации речи. Определенный артикль показывает, что предмет

представлен в этой ситуации как данный, известный, либо благодаря его непосредственному присутствию в речевой ситуации, либо благодаря тому, что он был уже упомянут перед этим в речи или является заведомо известным говорящему и слушателю. Неопределенный артикль показывает, что предмет не представлен непосредственно в ситуации речи или в презумпции участников акта коммуникации. Таким образом, артикль отражает тот угол зрения, под которым предмет предстает перед участниками данной коммуникации, а не свойства этого предмета самого по себе. Реляционной семантике артикля соответствуют его формальные свойства: лишь очень редко, в единичных случаях противопоставление артиклей дает сдвиг лексического значения у имени, так что существительное с различными артиклями расщепляется на две различные лексемы. Данный процесс имеет место, например, у некоторых вещественных существительных. Однако в подавляющем большинстве случаев корреляция по признаку определенности — неопределенности сохраняет регулярный характер и устойчиво реализуется в сфере грамматики.

Если в развитии категорий падежа, рода и числа, имеющих дескриптивный характер, языки восточноевропейской зоны обнаруживали явное преобладание над языками ЗЕС, то в распространении и развитии артикля наблюдается отчетливо выраженная противоположная тенденция. Все языки западноевропейского типа имеют противопоставление определенного и неопределенного артикля у существительных. Характерно при этом, что артикль появляется в ходе исторического развития этих языков. Так, все романские языки имеют артикль; в то же время латинский язык, из которого развилась данная языковая группа, не имел артикля; появление артикля является результатом самостоятельного развития романских языков⁹. Отсутствовал артикль и в общегерманском языке; готский язык еще в IV веке не знает артикля [6, стр. 133]; в то же время артикль развивается в новых германских языках.

Распространение артикля охватывает не только ядерную область ЗЕС, но и некоторые переходные области. Так, артикль имеется у всех языков Балканского полуострова. В частности, болгарский и македонский языки, первоначально выражавшие, подобно всем остальным славянским языкам, значение определенности/неопределенности только в сфере прилагательных, в историческую эпоху развили постпозитивный определенный артикль у существительного; соответственно, нулевая форма (без артикля) была осмыслена как неопределенная. Артикль сохраняется также в новогреческом языке, где он унаследован от

⁹ Ср. культурологическое объяснение данного процесса у К. Фосслера (13).

древнегреческого. Сербохорватский, единственный из балканских языков, не имеет артикля при существительных, однако в нем устойчиво сохраняется противопоставление членных — нечленных прилагательных, выполняющее аналогичную функцию. В результате различие определенности — неопределенности оказывается в с.-х. выражено у имен в том случае, если они выступают в сочетании с прилагательным. Отметим также, что все балканские языки сохраняют вокатив, который, как было показано выше, имеет функцию, частично сходную с определенным артиклем.

Такую же ограниченную сферу действия категории определенности — неопределенности, какая представлена в с.-х. языке, имеют балтийские языки — латышский и литовский: при отсутствии артикля при существительном, в этих языках имеется различие членной и нечленной формы прилагательного, а также вокатив.

Следующий шаг в ослаблении артиклевой функции наблюдается у языков, находящихся по своим типологическим параметрам ближе к ядру восточноевропейского типа, а именно, в западнослав. и восточнослав. языках (кроме русского). Данные языки утратили различие членных и нечленных форм прилагательного, и таким образом потеряли способность выражать определенность vs. неопределенность даже в тех ограниченных пределах, в которых эта категория представлена в древнейшем состоянии славянских языков. В то же время все эти языки сохранили вокатив — последний реликт артиклевой функции.

Наиболее радикальное подавление артиклевой функции имеет место в русском языке. Здесь оказался устранен вокатив. Что касается членной и нечленной (полной и краткой) формы прилагательного, то это различие в языке сохранилось, однако его функциональное значение резко изменилось в современном употреблении и не имеет ничего общего с определенностью — неопределенностью. Благодаря тому, что противопоставление полной и краткой формы имеет место только в присвязочной части сказуемого (в позиции определения при существительном возможна только полная форма), данные формы приобрели способность выражать различные оттенки качества, приписываемого грамматическому субъекту предложения. Полное прилагательное образует более тесное семантическое единство с субъектом; обозначаемое им качество входит в характеристику субъекта, как неотъемлемое свойство последнего. Краткая форма обозначает качество, которое приписывается данному субъекту, но при этом в принципе вычленяется как отдельное дискретное понятие. В конструкции с полной формой субъект и его свойство сливаются в единый нерасчленимый образ; в конструкции с краткой формой приписываемое субъекту качество вычленяется как один из свойственных данному субъекту признаков:

Петр был добрый (доброта составляет не столько отдельное свойство, сколько целостную характеристику Петра) — Петр был добр (доброта — один из признаков, которыми обладал Петр). Не случайно в безличных предложениях, где субъект отступает на второй план, будучи выражен косвенным падежом, и самостоятельность, независимость признака (состояния) от субъекта оказывается особенно подчеркнутой, употребляется только краткая форма: Петру весело.

Описанное различие отчасти напоминает тонкие оттенки дифференциации дискретного — совокупного множества, которые имеются в русском языке в рамках категории числа. Таким образом, формальное различие, первоначально выполнявшее реляционную (артиклевую) функцию, было переосмыслено в языке так, что стало служить для обозначения дискретного — недискретного признака, т. е. для выражения дескриптивных оттенков смысла.

Итак, на двух полюсах европейской языковой области наблюдается, с одной стороны, развитие артиклевой функции, с другой — подавление даже тех ограниченных средств выражения определенности/неопределенности, которые первоначально были присущи языку, и переосмысление этих средств в дескриптивном плане. Конечно, определенность или неопределенность имени может быть при необходимости выражена и в современном русском языке. Однако язык не располагает концентрированным набором грамматических средств, специально предназначенных для этой цели. Соответствующая функция оказывается в языке распылена, она получает косвенное выражение, выступая в качестве побочного эффекта употребления различных морфологических форм и синтаксических конструкций, основное значение которых лежит в другом плане. Так, например, определенность имени может быть связана с формами вида того глагола, к которому это имя относится: Мальчик читал книгу (НСВ глагола соответствует значению неопределенности субъекта действия) — Мальчик прочитал книгу (форме СВ глагола соответствует значение определенности субъекта). Обычно значение определенности имеют детерминанты, т. е. обстоятельственные либо объектные конструкции, вынесенные в начало предложения и выступающие в функции темы высказывания: В городе живет мой хороший приятель (значение определенности у слова город) — Мой хороший приятель живет в городе (значение неопределенности у слова город) [4, стр. 46]. Как и в сфере глагольных форм, различие между восточноевропейским и западноевропейским типом проявляется здесь не в специфике того набора значений, который в принципе может быть выражен в каждом языке, а в том, какая часть семантической области получает наиболее регулярное выражение в формах языка, а какая может

быть выражена только косвенными, нерегулярными и неспециализированными средствами.

Переосмысление в дескриптивном плане форм, первоначально выполнявших реляционную функцию, проявляется в русском языке не только в сфере определенности. Аналогичный характер имеет также история **степеней сравнения** прилагательных, и в частности история суперлатива. В языках ЗЭС степени сравнения последовательно трактуются в качестве реляционной категории. Они не относятся к абсолютной степени качества, а выражают относительное положение предмета на шкале ценностей, которая избирается говорящим. Иначе говоря, компаратив и суперлатив обозначают не качество предмета как таковое, а оценку качества в перспективе, заданной говорящим. Фраза *Иван умнее Петра* не содержит позитивной информации об уме Ивана (можно сказать — *Иван умнее Петра, но все же он достаточно глуп*); она только показывает место данного признака в той перспективе, под тем углом зрения, который был избран говорящим. Этот статус категории степеней сравнения подтверждается также их неучастием в словообразовательных процессах, т. е. почти полным отсутствием лексикализации данных форм.

Несколько иная ситуация наблюдается в русском языке. Здесь морфологическая форма суперлатива (с суффиксами *-ейш*, *-айш*) оказалась почти полностью лексикализованной: она обозначает абсолютно 'очень высокую степень качества', а не относительную, 'самую высокую' степень. Ср. *длиннейший путь*, *скучнейший разговор*, *красивейшее платье*, *безобразнейший поступок* и т. д. Единственная возможность придать суперлативу относительный характер состоит в прибавлении конструкции с предлогом *из* (*длиннейший из ... и т. п.*), т. е. в использовании дополнительных описательных средств. Сам по себе, как морфологическая форма, суперлатив в современном языке данным свойством не обладает. Лексикализация древнейшей синтетической формы суперлатива привела к вытеснению ее более новой аналитической формой, образуемой при помощи вспомогательного слова *самый*. Однако в современном употреблении, в определенности в разговорной речи, и эта форма имеет тенденцию осмысляться как абсолютная, обозначающая просто высокую степень качества, безотносительно к сравнительной шкале. Ср. выражения типа *самый обыкновенный*, *самый настоящий*, *самый первый*, в которых форма *самый* имеет значение 'совершенно, в высшей степени', т. е. обозначает абсолютное качество.

5. Таким образом, обзор морфологических категорий имени и глагола в европейских языках позволяет обнаружить четкую противопоставленность двух языковых типов. Все реляционные

категории представлены в западноевропейских языках разветвленной системой форм, которая в истории этих языков обнаруживает постоянную тенденцию к дальнейшему расширению и дифференциации. В то же время все дескриптивные категории, унаследованные от праязыкового состояния, обнаруживают более или менее сильную тенденцию к редукции. Восточноевропейские языки демонстрируют диаметрально противоположную линию развития, результатом которой является преобладание дескриптивных категорий как в сфере имени, так и у глагола, столь же резкое, каким является преобладание реляционных категорий у языков ЗЕС.

Переходные области обнаруживают смешанную тенденцию, причем центральноевропейский ареал (западнослав. языки) в целом оказывается ближе к восточному, балканский ареал — к западному типу. Что касается языков Восточной Прибалтики (балтийских и прибалтийско-финских), то для них картина оказывается неоднородной с точки зрения именных и глагольных категорий: в то время как структура глагола у этих языков находится в рамках ЗЕС, структура имени обнаруживает значительные черты сходства с восточноевропейским типом.

Дескриптивные категории находятся в целом гораздо ближе, чем реляционные, к лексическим значениям слов: так же как и лексические значения, данные категории оперируют частицами вещественного смысла, из которых складывается фактическое содержание сообщения. Можно сказать, что грамматическая информация, полученная из дескриптивной категории, суммируется с лексическим значением слова, в то время как грамматическая информация, вводимая реляционной категорией, наслаивается на вещественное значение и придает последнему определенную смысловую перспективу. Поэтому в языках ЗЕС, у которых дескриптивные категории представлены в крайне редуцированном виде, гораздо резче выражена противоположность между лексикой и грамматикой, дифференциация и специализация того круга значений, которые выражаются, лексемами, с одной стороны, и грамматическими формами, с другой. В то же время в языках ВЕС сфера грамматических значений не специализирована в такой степени, поскольку основу морфологического строя составляют дескриптивные категории. В результате информация, получаемая из структуры предложения и из его лексического наполнения, более четко разделена в языке западноевропейского типа; в языке ВЕС суммарный семантический результат высказывания имеет более диффузный характер, поскольку и структура, и лексическое наполнение фразы генерируют информацию, принадлежащую к одному и тому же смысловому плану и сливающуюся в единое смысловое целое. Это различие имеет важнейшие последствия для общего характера и направления развития синтаксических структур в языках

двух типов. Рассмотрению типологических особенностей синтаксического строя, базирующихся на соотношении морфологических категорий, будет посвящен следующий раздел исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
2. Гаспаров Б. М. Система языковых ареалов и ее значение для типологии культуры. — «Труды по знаковым системам», X. Тарту, 1978.
3. Гаспаров Б. М., Сигалов П. С. Сравнительная грамматика славянских языков, II. Морфология. Тарту, 1974.
4. Крылова О. А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса. — ВЯ, 1976, № 2.
5. Курилович Е. Принципы классификации падежей. — Рус. перев. в кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
6. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
7. Мучник И. П. Грамматические категории имени и глагола в современном русском литературном языке. М., 1971.
8. Огибенин Б. Л. Дополнительные данные к индоевропейскому *penk^we 'пять' в связи с символом руки. — В кн.: 3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968.
9. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
10. Русский язык по данным массового обследования. Под ред. Л. П. Крыкина. М., 1974.
11. Топоров В. Н. К предьстории двух архаических концепций. — В кн.: 3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968.
12. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением. М., 1958.
13. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Рус. перев. в кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
14. Vossler K. Frankreichs Kultur und Sprache, 2. Aufl. Heidelberg, 1929.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

П. С. Сигалов

1. Обоснование отнесения различных способов словообразования к синхронии или диахронии дала впервые применительно к русскому материалу Е. А. Земская [5, 170—172]. К синхронному словообразованию она относит морфологический (аффиксальный) способ. Лексико-семантический способ относится ею к диахронному словообразованию, сюда же включается и лексико-синтаксический способ. К синхронии из последнего способа относится, по мнению Е. А. Земской, только образование прилагательных типа **быстрорастворимый, долгоиграющий**. Из морфолого-синтаксического способа к синхронии относятся «регулярные виды перехода слов какой-либо части речи в иную часть речи», в частности субстантивация — «образование существительных на базе прилагательных, мотивирующих их формально и семантически» [5, 171].

Положительно оценивая необходимость разграничения синхронии и диахронии применительно к способам словообразования, мы вместе с тем не во всем можем согласиться с реализацией этого в работе Е. А. Земской.

Прежде, чем перейти к рассматриваемому вопросу, необходимо остановиться на соотношении способа словообразования и словообразовательного типа. Способ словообразования есть общий принцип формирования новых лексических единиц на основании старых. Так, например, выделяется т. н. лексико-семантический способ: образование нового слова в результате расщепления семантики исходного слова. Под морфологическим способом словообразования (аффиксальным словообразованием) понимают образование новых слов путем взаимодействия производящей основы и аффиксов. В этом случае нужно выделять субспособы: префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный, нулевую суффиксацию (о других разрядах речь будет идти ниже). Словообразовательный тип — это образец,

схема, по которой от слов данного лексико-грамматического значения с помощью данного форманта образуются слова данного обобщенного лексического значения. Например, от существительных (кроме названий частей тела человека и животного) с помощью префикса **без-** и суффикса **-н-** образуются прилагательные со значением «лишенный того, что обозначено производящей основой», ср. **беспольный, безвредный**; от неопределенных глаголов с помощью приставки **по-** образуются глаголы с ограничительным значением, ср. **посидеть, походить**. Это обозначает, что образование новых слов носит аналогический характер, что можно прогнозировать порождение новых слов по данному словообразовательному типу. Совсем не обязательно, чтобы такое слово реально существовало в языке, но оно потенциально возможно: ведь недаром понятие потенциального слова существует только для аффиксального словообразования. Понятие словообразовательного типа применимо только к аффиксальному словообразованию: аффиксальные субспособы и сам аффиксальный способ есть обобщение изоморфных (для каждого конкретного субспособа, а в более широком плане — для всего способа) словообразовательных типов. К другим способам словообразования понятие словообразовательного типа неприменимо. Так, например, в случае лексико-синтаксического способа словообразования существует только общий принцип формирования слова: словосочетания, объединенные по смыслу, обычно служащие средством выражения какого-то одного понятия, в результате частого употребления превращаются первоначально в штамп, изолируются в свободном потоке речи, а затем сливаются в одно слово, ср. **сегодня, сумасшедший, снова**. Сказать, что какое-либо из слов такого типа возникло по образцу другого слова, появилось по аналогии к нему, нельзя, как и нельзя прогнозировать появление новых слов по этому способу. Поэтому, в отличие от Е. А. Земской, мы считаем, что лексико-синтаксический способ словообразования (сращение) действует только как диахроническое средство образования слов. Это относится в равной мере и к словам **долгоиграющий, быстрорастворимый**, которые являются не аналогическими образованиями, а графическим закреплением узуальных концептуальных сочетаний. Здесь графика закрепляет узус, ср. колебания в случаях типа **(мало)изученный, (мало)плодотворный** и т. д. Может быть, определенную роль в графическом оформлении таких слов играет их омонимность со сложными словами с соединительным гласным.

Наличие словообразовательных типов в данном способе словообразования, т. е. возможность регулярного (с учетом возможных ограничений разного рода), аналогичного образования слов и является условием признания действия данного словообразовательного типа в синхронном плане. Исходя из этого, рас-

смотрим способы русского словообразования в их отношении к синхронии и диахронии.

2. Суффиксальное, префиксальное, префиксально-суффиксальное (включая префиксально-постфиксальное), т. е. аффиксальное, словообразование относится к области синхронии. Это же касается и т. н. нулевой суффиксации. Сказанное не означает, что аффиксальное словообразование не функционирует диахронически: все, что действует синхронически, действует и диахронически, но не все, что действует диахронически, действует синхронически. Так, по крайней мере, в словообразовании.

3. Двойная мотивированность деривата может быть следствием его анализа с различных позиций: диахронической и синхронической. Так, **безбилетник**, **безлошадник**, **дождевик**, **доильник** и т. д., которые обычно признаются словами с множественной мотивацией, с точки зрения диахронической являются результатом суффиксальной субстантивации (**безбилетный пассажир** — **безбилетник**, **безлошадный крестьянин** — **безлошадник**, **дождевой плащ** — **дождевик**, **доильный аппарат** — **доильник**), а с точки зрения синхронической — это суффиксальные дериваты. Объяснение слова **безгрешный** как результата суффиксации предложного оборота «без греха» и как префиксально-суффиксального образования от «грех» в равной мере верно. Но как показал в своих работах В. М. Марков [10], специально занимавшийся изучением префиксально-суффиксального форманта и предложивший для него термин «конфикс», первое объяснение относится к историческому словообразованию, а второе — к синхроническому. Последовательное применение этого принципа поможет в ряде случаев определить однозначно направление производности слова в системе современного языка.

Другая особенность последующих способов словообразования, на которой нужно предварительно остановиться, заключается в следующем. Обычно под производящей основой понимают и собственно основу, и целое слово, и словосочетание. Оказывается, что в функционировании разного типа производящих основ существует определенная закономерность: собственно аналогическое образование слов происходит лишь в том случае, когда в качестве производящей основы выступают слово либо его часть. В случае же образования слов от производящей основы, представляющей собой словосочетание, процесс не имеет аналогического характера (это особенно видно в словосложении, субстантивации и суффиксальной субстантивации), поэтому правильнее его рассматривать как феномен диахронического словообразования.

4. Морфолого-синтаксический способ обычно относят к диахроническому словообразованию, ср. явления адъективации, адвербиализации, прономинализации, которые представляют

собой длительный процесс перехода слов одной части речи в другую. Однако было обращено внимание на то, что слова такого типа могут возникать не только в результате опущения существительного в соответствующем словосочетании, но и минуя ступень словосочетания, непосредственно по аналогии к существующему субстантивату. Такой вывод сделал Л. В. Перльмуттер в связи с появлением слова **бутербродная** [11]. В специальной работе, посвященной субстантивации, В. В. Лопатин стремится доказать возможность рассмотрения субстантивации как синхронического словообразовательного способа, словообразовательным средством которого «являются функционально преобразующиеся флексии — специфические «синтаксические» морфемы» [7, 208—299]. К его мнению присоединяется Е. А. Земская [5, 171]. В плане методическом В. В. Лопатин прав: для более удобного описания субстантивации не столь важно (да и далеко не всегда возможно) разграничение слов рассматриваемого типа на субстантиваты и аналогические образования, но при последовательном противопоставлении фактов синхронии и диахронии такое разделение, по нашему мнению, необходимо. При образовании существительных из данного словосочетания действует лишь общий принцип — опущение существительного в узуальном словосочетании и преобразование флексии. Прогнозировать, предвидеть появление слова, образованного таким путем, нельзя. Такой путь обычно проходят общеупотребительные концептуальные словосочетания. Но какое-либо слово, возникшее эллиптическим путем, может стать образцом, по которому возникают новые слова. Так формируется словообразовательный ряд с общим словообразовательным значением (т. е. словообразовательный тип), причем в качестве исходного материала используется имеющееся прилагательное, ср., например, названия комнат, предприятий общественного питания, вин, песен, денег. Только в этом случае можно предвидеть семантику деривата. Такие ряды аналогического образования существовали еще в древнерусском языке: названия повинностей и пошлин, названия грамот. В. А. Низинская считает, что слово **челобитная** возникло аналогическим путем [1, 1, 237]. В. В. Лопатин отмечает возможность формального обособления отдельных типов прилагательных и в качестве примера приводит образования на **-ово́й** типа **лампово́й, краново́й**, которые формально отличаются от соответствующих прилагательных. Особенно отчетливо аналогический характер приобретает образование слов при отсутствии исходного словосочетания, вызванного исчезновением существительного. Это хотя и редкий, но очень показательный случай, ср. продуктивный в современном языке ряд: **бутербродная, чебуречная,пельменная, сосисочная, рюмочная** — возникший по образцу **булочная, чайная** после исчезновения слова **лавка**. Характерно выделение рассматриваемого (и

других) разряда как **суффиксального** словообразовательного типа в работе В. И. Максимова «Суффиксальное словообразование имени существительных в русском языке»: «Так, в названиях специализированных помещений, образованных от одушевленных существительных, систематически употребляется суффикс **-ск(ая)**: **учительская, ассистентская, диспетчерская**. В таких же названиях, образованных от неодушевленных существительных, обычно используется суффикс **-н(ая)** (**гардеробная, насосная, чертежная, шашлычная**), **реже -ов(ая)** (**кубовая, душевая...**) [9, 7]. Авторы работы «Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen» в разделе «Названия налогов и оплат» пишут о суффиксальном типе (формант **-né** или его расширенный вариант **-ovné**), оформляющем эти названия: «Существительные среднего рода с формантом **-né/-ovné** по своему происхождению являются субстантивированными прилагательными, поэтому еще сейчас у некоторых из них существует более или менее тесная связь с прилагательными, напр. **školné**. Во многих же случаях прилагательные не засвидетельствованы, редки и т. д., поэтому нужно предполагать здесь непосредственное самостоятельное отсубстантивное или отглагольное образование с помощью форманта **-né(-ovné)**» [17, 672—673].

Таким образом, явление, называемое субстантивацией, имеет две стороны. Первая — эллиптическое образование слов из словосочетаний «прилагательное + существительное» — является неаналогическим, непрогнозируемым, длительным процессом и относится к диахроническому словообразованию. Другая сторона — аналогическое образование слов по образцу уже существующих, при этом появляются ряды со сходной семантикой и общим формантом, т. е. появляется новый — суффиксальный — словообразовательный тип. Это уже область синхронического словообразования.

5. Значительные трудности представляет разграничение сфер синхронии и диахронии в смешанном способе словообразования, который называют сведением, конденсацией, универбацией. Речь идет, прежде всего, об образовании существительных из определительных словосочетаний путем присоединения суффикса к прилагательному (причастию) и опущения существительного. Точнее выражает существо процесса термин «суффиксальная субстантивация», применяемый польскими лингвистами [18]. Например, определительные словосочетания **зенитная пушка, передовая статья, манная крупа** превращаются в существительные **зенитка, передовица, манка**, получая при этом, в отличие от обычной субстантивации, формальный признак существительного, суффикс и систему флексий существительного. Семантика деривата равняется семантике словосочетания. Суффиксальная субстантивация отлична и от собственно суффиксации: суффикс, используемый при этой трансформации словосо-

четания в слово, не имеет реального, семантического значения, его роль ограничивается т. н. структурной функцией, функцией превращения словосочетания в идентичное ему семантически существительное, тогда как формант в суффиксальном словообразовательном типе обычно семантически определен.

Суффиксальная субстантивация сходна с «обычной» субстантивацией: в плане формальном она представляет собой переоформление прилагательного (различающего члена словосочетания), в плане семантическом их результаты одинаковы: и субстантиват и суффиксальный субстантиват имеют значение словосочетания, ср. **передовая статья — передовая — передовица**; с другой стороны, суффиксальная субстантивация противостоит лексико-семантическому словообразованию: в первом случае появляется новая материальная единица, но не возникает новое значение, во втором — новое значение возникает в старой материальной оболочке. В обоих типах субстантивации появлению производного слова предшествует функционирование в качестве номинативной единицы словосочетания, ср. древнерусские примеры: **мастерок свой портной и сапожной; вы де старцы черные, а наши Бельцы**, ср. параллельное чернецы [12, 40, 51]. Появление суффиксального субстантивата, как и создание субстантивата, представляет собой результат длительного и неаналогического процесса. Тем самым суффиксальную субстантивацию, как и собственно субстантивацию, нужно отнести к компетенции диахронического словообразования.

Отдельные суффиксальные дериваты могут стать образцами, по которым создаются новые слова, т. е. превратиться в родоначальников новых словообразовательных типов. У суффиксальных субстантиватов это явление более частое, чем у субстантиватов. Причем поскольку обычно параллельно с таким аналогическим (т. е. суффиксальным) образованием существует словосочетание с тем же значением, нередко очень трудно отделить результат суффиксальной субстантивации от суффиксального деривата. Ср. существовавшие в древнерусском языке ряды семантически однотипных образований: а) наименования лиц женского пола: **блоудница, дверьница** (сторож), **именитица** (знатная женщина), **изборница** (невеста), **пущеница** (разведенная жена), **небывалица** (неопытная женщина), **веденьница** (законная жена), **грЕшьница, безоумница, лишеница, старица, мньшица** (младшая жена), **горьчица** (несчастливая женщина), **мужатица** (ср. параллельное употребление: **жена мужатая, жена мужатица, мужатица** — СМ, II, 188), **вдовица, бЕдница** (бедная женщина), **бЕлица** (не монахиня); б) названия церковных праздников, служб, молитв: **навечерница, полоунощница, оутреница, вербьница, масляница, пятидесятьница** (ср. в этой функции субстантиваты словосочетаний с полными и краткими прилагательными типа **масленая, заутреня**; в) названия звезд: **дньница,**

прЕходьница, блистальница; г) названия монет: сребрьница, златица, мЕдьница; д) названия грамот: по́словица, даница, жалобьница, рядьница; и другие разряды (причем приводились только случаи, когда в качестве форманта выступал суффикс **-иц-а**). Ср. с этим ряды, выступающие в современном языке (где в качестве суффикса субстантивации при образовании названий нелица монополюно закрепился суффикс **-к-а**): а) названия помещений: **курилка, раздевалка, сушилка, читалка, анатомичка, Ленинка, Публичка, Мариинка**; б) названия оружия: **кремневка, одностволка, двустволка, шомполка, снайперка, трехлинейка, самоходка, зенитка**; в) названия работ: **двухсменка, трехсменка, поденка**; г) названия дорог: **однопутка, шоссейка, узкоколейка, канатка**; д) названия настоек: **анисовка, перцовка, вишневка**, и т. д. В связи с возможностью появления таких однотипных семантических рядов представляет интерес предположение В. Дорошевского о том, что некоторые суффиксы первоначально выступали только в структурной функции и лишь впоследствии приобретали семантическую специфику (15).

Но в отдельных случаях возникновение словообразовательных типов на базе суффиксальных дериватов прослеживается. В древнерусском языке выражения, состоявшие из прилагательного и существительного и служившие названиями земельных участков, владений, разновидностей наследства, могли трансформироваться в существительные с помощью суффикса **-ина**. Таково, по-видимому, происхождение слов **цЕлина, краина, украинна, верховина, ручевина, дЕдина, прадЕдина, родина** (не отмечено в словаре И. И. Срезневского), **низина, долина, опричьнина, вотьчина** (в польском в этой функции выступает суффикс **-izna**, ср. заимствование из польского **отчизна**). Суффикс **-ина** в структурной функции получил распространение в украинском и белорусском языках для обозначения земель, называемых по главному их городу. Из слов типа **Київщина, Брацлавщина** (**Київська земля, Брацлавська земля + -ина = Київщина, Брацлавщина**) выделился суффикс **-щина**, который превратился в топоформант. С этого времени начинается его самостоятельное функционирование в украинском языке, хотя и здесь отграничить его структурную функцию от функции семантической трудно. В недавнее время суффикс **-щина** в качестве топоформанта проник из украинского языка в русский, появились названия типа **Ржевщина, Рязанщина** [8, 51—57]. Очевидно, в русском языке выступает суффиксальный тип образования топонимов (к тому же заимствованный) на **-щина**, хотя отграничить и здесь эти явления трудно.

Таким образом, мы и для суффиксальной субстантивации предполагаем ее отнесение к историческому словообразованию, а ее ответвления, выступающие в качестве суффиксальных типов, включаем в синхроническое словообразование, хотя и

видим, что это, пожалуй, наименее убедительный случай разграничения синхронического и диахронического словообразования, что объясняется смешанным характером суффиксальной субстантивации: это одновременно субстантивация (явление диахронного плана) и суффиксация (явление синхронного плана). Зато, как представляется, суффиксальная субстантивация может служить убедительным примером того, что синхрония и диахрония должны быть отнесены «не к плоскости объекта, а к плоскости исследования» [Э. Косериу — 120, 145], являются различными подходами к исследованию того же объекта.

6. Как говорилось выше, лексико-синтаксический способ (сращение) целиком относится к области диахронического словообразования. Но слова, образованные сращением соположенных элементов, могут стать образцами, по которым возникают новые слова, т. е. могут стать ядром новых словообразовательных типов. Таково происхождение ряда современных словообразовательных типов, по которым создаются наречия. Например, наречия типа **по-старинному** первоначально возникали как результат опущения существительного в сочетаниях типа **по старинному обычаю (образцу)** и сращения прилагательного с предлогом. Затем от образований подобного рода вычленился рамочный формант **по-ому**, с помощью которого от прилагательных в современном языке образуются наречия. Либо другой тип: наречия типа **добела, докрасна** возникли путем сращения из сочетаний типа **до бЕла, красьна (тЕла)**, впоследствии из таких наречий, в результате их словообразовательной соотносимости с основой прилагательного, выделяется формант **до — а**, дающий образования от основ прилагательных [13]. Такие формальные словообразовательные типы, естественно, находятся в сфере синхронического словообразования.

7. Лингвисты, изучающие словосложение (имеем в виду как «чистое» словосложение типа **железобетон**, так и словосложение с нулевой или ненулевой суффиксацией типа **скороход, канатоходец**), часто обращали внимание на соотносительность таких образований со словосочетаниями и на встречающиеся случаи несоответствия (формального или семантического) словосложения имеющемуся словосочетанию либо даже на невозможность его конструирования. Не касаясь вопроса о генетической связи словосочетания и сложного слова, остановимся только на соотношении синхронии и диахронии в словосложении. В этом смысле заслуживающими внимания представляются соображения, высказанные В. П. Григорьевым [3]. Он исходит из того, что в подавляющем большинстве случаев сложные слова образованы от сочетаний слов и именно наличие соответствующего сочетания обуславливает возможность появления сложного слова, ср. **делать брак — бракодел**. Одного наличия ряда слов типа **винодел, маслодел** недостаточно для появления рассматри-

ваемого слова, тогда как для суффиксального словообразовательного ряда наличие нескольких слов такого типа было бы достаточно для аналогического образования. «Из сказанного вытекает еще два важных положения: 1) если данное «сложное существительное» действительно образовано по аналогии с другими; то, очевидно, один из его компонентов уже превратился в аффикс; 2) всякое сложное существительное, например, **водопровод**, **газопровод** и под. в общем до тех пор будет оставаться сложным словом современного русского языка, пока давшее ему жизнь и соотносительное с ним словосочетание, напр., **проводить воду**, **проводить газ** и т. д. сохраняется в качестве живого и общеупотребительного в той или иной сфере» [3]. Предложенный В. П. Григорьевым критерий разграничения сложного и суффиксального слова может быть использован для разграничения явлений синхронии и диахронии в словосложении. При образовании сложных слов от данного словосочетания создаются новые слова по неким общим принципам, а не по конкретным моделям, т. е. для появления такого слова совсем не обязательно, чтобы ему предшествовало другое слово с аналогичной составной частью. Такой способ образования слов — преобразование словосочетаний — следует считать диахроническим. Но, как и в предыдущих случаях, диахронически действующий способ словообразования может дать начало аналогическим рядам — суффиксальным словообразовательным типам. Как при субстантивации аналогический характер образования новых слов наиболее очевиден при отсутствии опускаемого при эллипсисе существительного, ср. **бутербродная**, **пельменная**, так и в случае словосложения образование слов по аналогии особенно заметно при несоотносительности слова и словосочетания. Так, аналогическим путем образуются в современном языке слова на **-вед** и **-вод**. Можно, конечно, сопоставлять их со словами типа **разводить рыбу**, но это не изменит факта аналогического образования этого слова, ср. **садовод**, **полевод**, **овцевод**, **чайевод** и т. д. Для современного языка **-вод** и **-вед** — это суффиксы. Суффиксальным является для настоящего времени образование топонимов с элементом **-град** во второй части. Еще более очевидно это в случае таких слов, как **картотека**, **аэродром**, где новые образования типа **иконотека**, **ракетодром** возникают по аналогии к исходным словам, т. е. для русского языка **-тека** и **-дром** — суффиксы. Уже давно было обращено внимание на существующую в различных языках тенденцию к превращению вторых компонентов различных слов в суффиксы; таков один из путей происхождения суффиксов, так возникли многие топонимические и антропонимические форманты. По мнению В. П. Даниленко [4, 83], в русском терминологическом словообразовании используются такие аффиксы (аффиксоиды): «**-бур** (**турбобур**), **-воз** (**электровоз**), **-вод** (**световод**), **-лет** (**планетолет**),

-мер (светомер), -ход (атомоход) и мн. др.» «Некоторые отглагольные основы во всех (славянских — П. С.) языках часто употребляются в качестве вторых компонентов сложных слов (-mĕr, -lov, -kop, -var, -met, -vĕd, -vod, -jed и др.); некоторые из них стоят на пути превращения в словообразовательные форманты. В украинском языке, например, наряду с другими, часто встречаются в сложных словах компонент — *mĭr*: *землемĭr*, *дошомĭr*, *секундомĭr* и др., в русском -вод: *лесовод*, *человод*, *хлопковод* и т. д.; в чешском -*kaz*: *dřevokaz*, *řĕvokaz*, *kořenokaz* и под.; в сербо-хорватском -*боља*: *грлобоља*, *зубобоља*, *окобоља* и под.» [2, 166]. Среди вторых компонентов сложных слов, функционирующих в современном французском языке в качестве суффиксов, Ж. Дюбуа указывает -*clé* (от *clĕ* — ключ), -*pilote*, -*choc* (удар), -*soc* (лемех), ср. [16, 71, 91].

Суммируя сказанное, можно отметить, что словосложение представляет собою двустороннее словообразовательное явление: как процесс образования новых слов из словосочетаний по данной схеме оно относится к диахронии, как создание новых лексических единиц по аналогии к уже существующим, т. е. при переходе в словообразовательные типы, оно должно быть включено в синхроническое словообразование. Но это, собственно, уже суффиксальное словообразование.

8. Способ образования т. н. сложносокращенных слов относится к диахроническому словообразованию. В этом случае слова образуются не по аналогии к другим словам, а на основании одной из общих схем из имеющегося словосочетания, т. е. здесь, как и в случае суффиксальной субстантивации, возникает новая материальная единица, но нет нового значения. Это касается таких типов слов, как *стенгазета*, *комсомол*, *эсинец*, *ЦСУ*. Но и здесь существуют разряды слов, создаваемых по аналогии, т. е. образуются формально тождественные ряды, но общий элемент ряда, формант, выступает не в качестве второй, а в качестве первой части слова. Исследователь этого явления Г. П. Уханов выделяет две группы «сложных слов», образуемых таким путем: «... в) сложносокращенное слово создается по определенной модели из «морфем» типа *Глав-*, *сбыт-*, *пром-* и слов как параллельное словосочетание, но независимое от него в структурном отношении наименование организации, предприятия, учреждения и т. п.: *Мосгорсовет*, *Главвостокэнерго*... г) сложносокращенное слово создается по определенной модели «морфем» и слов; словосочетания с той же предметной отнесенностью отсутствуют; так образуются только окказиональные сложносокращенные слова типа *Главсметана*, *Райграбли*» [14, 195—196]. Г. П. Уханов считает, что эти два типа нельзя подвести под обычное определение сложносокращенных слов. В этом случае правильнее, очевидно, говорить об аналогическом образовании, то-есть о формировании «префиксальных» словообра-

звательных типов, создающих слова определенной семантики. Это сфера действия синхронного словообразования.

9. Таким образом, к синхронному словообразованию относятся только образование слов по словообразовательным типам, по аналогии к уже существующим словам, т. е. префиксальное, суффиксальное, префиксально-суффиксальное образование слов. Производство слов из словосочетаний (словосложение, сокращенное сложение, сращение), лексико-семантический способ, морфолого-синтаксический способ (включая суффиксальную субстантивацию) относятся к диахроническому словообразованию. И лишь в той мере, в какой отдельные разряды слов, образуемых по этим способам, становятся образцами для регулярного, аналогического производства слов (в большинстве случаев — «суффиксального», в отдельных — «префиксального»), такие возникающие словообразовательные типы могут быть отнесены к синхронному словообразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы русского словообразования, I—II. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972.
2. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Київ, 1966.
3. Григорьев В. П. О взаимодействии словосложения и аффиксации. — ВЯ, 1956, № 4.
4. Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании. — ВЯ, 1973, № 4.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: «Новое в лингвистике». Вып. III. М., 1963.
7. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
8. Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973.
9. Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. АДД, Л., 1973.
10. Марков В. М. Замечания о конфиксации. — «Język rosyjski», 1968, № 3.
11. Перльмуттер Л. Б. Переход прилагательных в существительные. — РЯШ, 1948, № 1.
12. Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Г. И. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., 1974.
13. Тихонов А. Н. Образование наречий в синхронном освещении. — «Труды Самаркандского университета». Новая серия, вып. 170, 1969.
14. Уханов Г. П. Об отношении сложносокращенных слов к словосочетанию с той же предметной отнесенностью. — ФН, 1962, № 1.
15. Doroszewski, Witold. Struktura a znaczenia wyrazów. — «Poradnik językowy», 1958, nr. 6.
16. Dubois, Jean. Étude sur le dérivation suffixale en Français moderne et contemporain. Paris, 1962.
17. Tvoření slov v češtině. 2. Praha, 1967.
18. Z woliński. Przemysław. Substantywyzacja sufiksalna przymiotników słowiańskich. — «Z polskich studiów slawistycznych», Seria druga, Językoznawstwo. Warszawa, 1963.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ (Вопросы формирования и развития)

А. Д. Дуличенко

Славянские литературные микроязыки (СЛМ-Я) все еще остаются вне поля зрения исследователей. Большинство из этих языков попросту неизвестно широкому кругу лингвистов и славистов в частности. А между тем существует настоятельная необходимость их описания, вытекающая из объективного свойства науки — не дать исчезнуть тому или иному явлению бесследно и не оставлять, в этой связи, «белых пятен», поскольку любой материал может быть полезным при решении вопросов как частного, так и общего характера. Однако значение СЛМ-Я состоит «не только в синхронно-описательном плане, но и в плане сопоставительном при рассмотрении аналогичных ситуаций в период, предшествующий формированию национальных литературных языков (НЛЯ) и даже в более ранние эпохи»¹. СЛМ-Я, чья история формирования как литературных языков протекает буквально на наших глазах, могут помочь, таким образом, при освещении вопросов становления старых НЛЯ и построения общей теории литературных языков.

Общетеоретическим вопросам СЛМ-Я нами посвящается особая работа, поэтому здесь мы ограничимся лишь дачей определения этой лингвистической категории, носящего пока предварительный характер: СЛМ-Я мы обозначаем литературные языки (т. е. языки, имеющие письменность, обладающие нормой, использующиеся в ряде сфер традиционного применения литературных языков, и др.), которыми пользуются осознающие свою языковую и этническую специфичность группы и ответвления от ряда известных славянских этносов, обладающих НЛЯ.

СЛМ-Я — категория историческая: часть из этих языков не выдержала испытания времени, исчезла; другие упрочили свои позиции и продолжают функционировать до настоящего времени; появляются и совершенно новые литературные микроязыки. Так, стали достоянием истории славистики: банатско-болгарский литературный язык (просуществовал в течение при-

мерно-одного века вплоть до второй мировой войны), прекурско-словенский литературный язык (с XVIII в. до конца второй мировой войны), попытки литературного языка на говорах (преимущественно земплинском и шарншском) восточнословацкого диалекта (с XVIII в. до второй мировой войны) и др. Ныне функционируют в качестве литературных микроязыков: русинский, или югославо-русинский, чакавский и кайкавский в Югославии, градищанско-хорватский в Австрии, кашубский в Польше и некоторые др.

Первый очерк, посвященный становлению и развитию югославо-русинского литературного языка и опубликованный нами в 1972 г., оказался вне рамок настоящей серии.² Здесь мы начинаем очерком о молизско-славянском (или молизско-хорватском) литературном микроязыке в Италии.

1. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии

Ne mojte zabit naš lipi jezík!

«Не забывают наш чудесный язык!»

Таким пламенным призывом обращался Никола Нери (1761—1799), молизско-славянский патриот XVIII в., к своим соотечественникам, славянам южной Италии. Два века, прошедшие с того момента, доказали решимость горстки славянских переселенцев сохранять и развивать свой язык, а следовательно, и сохранять самих себя.

* * *

*

Появление славян в южной Италии относится к весьма ранним эпохам. Русский славист В. В. Макушев (1837—1883), основываясь на архивных материалах, обнаруженных им в большом количестве в архивах различных городов Италии, указывал на упоминания в них о славянах, состоящих на службе у неаполитанцев начиная с XI в.; в XIII—XV вв. источники фиксируют различные славянские поселения на землях, расположенных в средне-южной Италии³.

Славяне, о которых пойдет речь, появились в районе нынешней области Молизе в XV—XVI вв. Это была волна (или волны) беженцев, которых заставил переправиться через Адриатическое море натиск турок на Балканах. В этом миграционном потоке участвовали и албанцы, многочисленные поселения которых до сих пор сохраняются в южной Италии. Первые славянские переселенцы, выходцы, по-видимому, из Далмации, образовали в южной Италии (в нынешней области Молизе)

ряд поселений: Тавенна (Tavenna), Палата (Palata), Сан Джакомо дельи Скьявони (San Giacomo degli Schiavoni), Монтелонго (Montelongo), Сан Бьязе (San Biase), Мафальда (Mafalda) и др. Во всех этих поселениях (и в ряде не названных здесь) славяне полностью итальянизировались. Некоторые итальянские авторы XVIII—XIX вв. указывали, что процесс итальянизации этих славян завершился в основном к XVIII в.; но и позднее отмечалось, правда, небольшое число славян, преимущественно людей старшего поколения, которые еще помнили славянский язык и между собой им пользовались. В настоящее время следы славян в названных селениях достаточно хорошо сохранены и проявляются в наличии большого числа славянских топонимов, в удержании некоторой частью населения сознания своего славянского происхождения и др.

Лишь три общины со славянским населением и славянским языком сохранились до наших дней: это Аквавива Коллекроче (итал. Acquaviva Collecroce), Сан Феличе Славо, сейчас — Сан Феличе дель Молизе (итал. San Felice Slavo; San Felice del Molise) и Монтемитро (Montemitro). Все три общины именуется молизскими славянами соответственно как: Жива Вода Круч (Ziva Voda Kruč), или сокращенно Круч (Kruč), Стифилич (Stifilić), или сокращенно Филич (Filić) и Мундимитар (Mundimitar).

В соответствии с официальным изданием «Dizionario dei comuni del regno d'Italia», вышедшем в Риме в 1883 г., в южной Италии насчитывалось около 16 тыс. чел. славянского происхождения, из которых лишь около 4,5 тыс. говорили по-славянски. Известный итальянский языковед Г. И. Асколи (1829—1907) предполагал, однако, что число славян здесь достигает примерно 20 тыс. чел., а говорящих по-славянски — 4,5—5 тыс. чел.⁴ В настоящее время в трех указанных славянских общинах, как указывают некоторые авторы, проживает 4328 чел., из которых 3543 чел. говорит по-славянски⁵. По другим данным, основывающимся на новейшей итальянской статистике, число молизских славян достигает 4973 чел., 4 тыс. из которых пользуется славянским языком⁶. Следует добавить, что несколько сот молизских славян в поисках работы временно эмигрировали в ряд стран Европы, Америки и в Австралию.

В соответствии с нынешним административным делением Италии, все три славянские общины входят в провинцию Кампобассо (итал. Campobasso, мол. славян. Кампаваша), находящуюся в составе области Молизе (итал. Molise).

Сами себя молизские славяне называют просто славянами (итал. Slavi): в итальянской диалектной форме Ščavuni или Šklavuni (Schiavuni). Вместо лингвонима, т. е. названия языка, молизские славяне пользуются выражением «govorit na našu», т. е. «говорить по-нашему». Этнонимы «хорват» или «серб» им

не известны, хотя в последние годы, в связи с установлением прародины и возникшими тесными культурными связями с Хорватией, все большее распространение получает этноним «хорват», а язык часто называют (в печати) молизско-хорватским. В настоящей работе, нисколько не игнорируя этой тенденции, мы предпочитаем пока пользоваться традиционным этнонимом «славяне» («молизские славяне») и соответственно этому лингвонимом «молизско-славянский язык (микроязык)».

* * *

Впервые на факт проживания славян в Южной Италии указывали в XVIII в. неаполетанские авторы, составлявшие исторические и географические описания мест, находившихся в составе Неаполетанского королевства. Открытие для науки славянских островов в романском море принадлежит выходцу из молизских славян, учителю из Аквавивы Джованни де Рубертису (итал. Giovanni de Rubertis, мол.-славян. Jivan de Rubertis), которого, впрочем, «открыл» во время поездки в Италию в 1852—1853 гг. сербский поэт и писатель из Дубровника М. Пуцич (1821—1882). Возникшую между ними переписку, объектом которой составляли вопросы истории и современного им положения молизских славян, М. Пуцич опубликовал в задарском журнале «Osservatore Dalmato» в 1856 г. под названием «О славянских колониях в Неаполетанском королевстве» («Delle colonie Slava nel regno di Napoli»). Своими письмами де Рубертис привлек к молизским славянам внимание ученой общности многих стран Европы⁷.

Первым, кто обратился к языку молизских славян и попытался сравнивать его с южнославянскими диалектами («serbo-dalmate»), был итальянец Дж. Веджецци-Рускалла; он же отметил влияние неаполетанского диалекта итальянского языка на диалект молизских славян⁸. Из лингвистов первым (в 1864 г.) посетил молизско-славянские острова Г. И. Асколи, записав там несколько произведений устного народного творчества (см. сноску 4).

Русские слависты первыми проявили живой интерес и поняли важность для науки изучения молизско-славянской ситуации. Уже в 1858 г. письма де Рубертиса были переведены с итальянского на русский и изданы О. Бодянским (1803—1877), который до того, путешествуя по славянским землям, слышал о славянах южной Италии⁹. В 1870 г. русский славист В. В. Макушев (с которым был также славист, болгарин по происхождению, М. С. Дринов, 1838—1906) непосредственно побывал в Аквавиве, где собрал материал по фольклору, составил грамматический набросок языка молизских славян и высказал (на основе дан-

ных языка) предположение о том, что южноитальянские славяне вышли из смешанной сербско-болгарской области¹⁰. Пожелание В. В. Макушева о том, что следует немедленно всесторонне описать диалект славянских колоний Италии, было осуществлено И. А. Бодуэном де Куртенэ (1845—1929), который посетил Молизе дважды — в 1895 и в 1911 гг.¹¹ Собранный им материал по языку, а также словарная картотека (состоявшая из 3981 карточки) не были изданы; что касается текстов, записанных И. А. Бодуэном де Куртенэ, то они опубликованы в монографии М. Решетара «Сербско-хорватские колонии южной Италии» (стр. 299—322), до настоящего времени являющейся самым полным историко-этнографическим и грамматическим описанием славянских колоний; к монографии приложены также тексты и словарь¹².

Из южнославянских исследователей среди молизских славян побывали также Р. Ковачич¹³, Й. Барач¹⁴, И. Смодлака¹⁵; писали о молизских славянах, основываясь либо на непосредственных наблюдениях, либо на других источниках, В. Кланч (1880 г.), Г. Гелцич (1908), Б. Братанич (1939), Т. Бадурина (1950), П. Ивич (1958), М. Храсте (1963), Дж. Скотти (1965), Р. Видович (1967), П. Славич (1968), Д. Брозович (1968), В. Врчич (1973) и др.

Из итальянских авторов в общем плане на тему писали Э. Троило (1899), В. Гион (1907, 1912), Бальдаччи (1908), А. Крониа (1933, 1958); фольклорно-этнографические исследования принадлежат А. М. Чирезе (1955, а также 1957 и др.), в том числе собрание практически всех произведений устного народного поэтического творчества молизских славян¹⁶; имеется небольшая работа Б. Мериджи о вовлечении молизско-славянского материала в создающийся Общеславянский лингвистический атлас (1970).

Наконец, отметим также работы Я. Гануша (1887), записавшего на месте два текста на молизско-славянском диалекте, Й. Аранцы (1892) и Г. Райхенкрона (1934), пытавшихся определить происхождение молизских славян и влияние на их диалект итальянского языка. Специально возникшему в 60-х гг. среди молизских славян движению за литературный язык посвящена интересная работа современного польского слависта А. Зарембы¹⁷.

* * *

Как мы уже заметили, призыв Н. Нери сохранять язык нашел живой отклик у его соотечественников, ибо это был призыв человека, чья жизнь была отдана ради свободы: борец против феодализма, пропагандист идей французской революции,

он был повешен в 1799 г. вместе с неаполетанскими якобинцами¹⁸. Нам неизвестно, писал ли Н. Нери по-славянски; знаем только, что, работая врачом среди своих земляков, он говорил с соотечественниками на родном диалекте.

Первым, кто попытался осуществить заветы Н. Нери, был Дж. де Рубертис (1813—1889). Об этой личности написано немного, вклад де Рубертиса в развитие молизско-славянского литературного творчества до сих пор по достоинству не оценен; не оценена и его попытка поднять родной диалект до уровня литературного языка. Нам удалось собрать материал, который позволяет осветить основные стороны деятельности де Рубертиса.

Дж. де Рубертис был крупнейшим просветителем и «будителем» молизских славян в XIX в. Он слыл известным поэтом и переводчиком. Стихи де Рубертис писал на двух языках — на молизско-славянском и на итальянском. Г. И. Асколи назвал его «врожденным поэтом» («*che nasce poeta*»)¹⁹. Переводы де Рубертис делал с итальянского на молизско-славянский и с сербского на итальянский. На итальянском языке он издал несколько поэтических сборников, среди которых также перевод с сербского поэзии М. Пуичича с приложением (во втором издании) стихов И. Сундечича (1825—1900) и нескольких сербских народных песен²¹. В предисловии к сборнику переводов М. Пуичича де Рубертис выражал надежду, что «вскоре будет учреждена на нашей родине школа, в которой учащаяся молодежь будет иметь возможность вместе с языком Данте изучать язык Вука и Гундулича...» Из итальянской поэзии де Рубертиса выделим сонет, посвященный Н. Нери²².

Для нас, однако, важна та сторона литературной деятельности де Рубертиса, которая связана с молизско-славянским диалектом. Как признавался сам де Рубертис, мысль писать на родном языке пришла ему во время спора с албанским писателем Доменико Мавро, утверждавшим, что «наш язык принадлежит к числу гортанных и шероховатых, поэтому поэтические произведения славян не могут отличаться прелестью гармонии стиха и размера». Молодой де Рубертис сделал все, чтобы доказать «самым осязательным образом, что язык славянский ни мало не уступает в гибкости и гармонии греческому»²³. Так, где-то в 30—40-х гг XIX в. появилось и в 1856 г. впервые опубликовано в задарском издании «*Osservatore Dalmato*» первое поэтическое произведение на молизско-славянском диалекте, названное «Влюбленная итальянка» («*Vlahinja zljubljenja*»). Содержание этого стихотворения, правда, не соответствует его названию: речь в нем идет о влюбленном итальянце, или чужаке («*vlah*» в молизско-славянском — это первоначально «итальянец», затем любой «не свой», т. е. не славянин; в девичьих песнях это слово может употребляться со значением «возлюб-

ленный», «любимый», соответственно «vlahinja» — «возлюбленная», «любимая»). Это стихотворение (мы помещаем его текст в приложении к настоящей работе) настолько стало популярным среди молизских славян, что со временем превратилось в народную песню и бытует до сих пор в нескольких вариантах²⁴.

В разделе «Литературные опыты де Рубертиса», помещенном в монографии М. Решетара, находим колыбельную песню де Рубертиса «Грубая колдунья, уходи подальше» («Gruba vištic roj zdoleko»). Текст этой песни М. Решетару был предоставлен дочерью де Рубертиса Розиной²⁵. М. Решетар склонен считать, что автором записанной в 1884 г. Р. Ковачичем любовной песни «Почему твое сердце...» («За што је срце твоје...»)²⁶ был также де Рубертис²⁷. С этим предположением вполне можно согласиться, поскольку как в ранее указанных стихах (песнях) де Рубертиса, так и в этом заметно влияние литературного сербско-хорватского языка, который де Рубертис знал (напомним о переводах сербских стихов М. Пуцича) и элементы которого пытался вносить в родной диалект, срав. в последней песне взятое из литературного сербско-хорватского языка существительное среднего рода *srce* «сердце», в то время как в молизско-славянском существительные утратили категорию среднего рода, а данное существительное должно было бы иметь форму *srca* или *srц'*, т. е. мужского рода; с этим связана и необходимость изменения родовой формы притяжательного местоимения *tvoji!*

Переводил на молизско-славянский де Рубертис тексты религиозного и художественного характера. Первый известный нам перевод можно датировать началом 60-х гг., когда де Рубертис перевел с итальянского на молизско-славянский притчу о блудном сыне из евангелия (Лк, XV, 11—32) по просьбе побывавшего в Аквавиве Дж. Веджецци-Рускалла. Перевод вышел в книге этого автора о славянских колониях в южной Италии, однако он изобилует опечатками и ошибками, например: *otacu* «отцу» вм. *ocu*, *tvojiek* «твоих» вм. *tvojijeh*, *po pato* «по дороге» вм. *po ruto* и т. д.²⁸

В начале 70-х гг. де Рубертис по просьбе Дж. Папанти, итальянского диалектолога, библиографа и собирателя рукописей, делает перевод на молизско-славянский девятой новеллы первого дня из «Декамерона» Дж. Бокаччо. Вместе с 700 переводами этой новеллы на итальянские и неитальянские диалекты и говоры Дж. Папанти публикует этот перевод в особой книге, приуроченной к 500-летней годовщине со дня смерти великого новеллиста²⁹.

Перевод религиозной притчи и художественной новеллы заставили де Рубертиса искать пути (прежде всего лексического) обогащения родного диалекта, которому явно недоставало слов, особенно с абстрактным значением. И он находит такой путь,

обращаясь к литературному сербско-хорватскому языку, откуда и берет готовый материал, срав. в переводе новеллы: *zadovoljnost*, т. е. *zadovoljnost* «удовлетворение», *prigušenje*, т. е. *prigušenje* «гнев», «злоба», *poštenje* «уважение» и др.; либо использует словообразовательные модели этого языка для создания новых молиско-славянских слов, срав.: *strpljivostno* «терпеливо» при серб.-хорв. *strpljiv*; *milosrdnik* «милосердный человек» при серб.-хорват. *milosrdan*, к которому присоединен суффикс *-nik*, и др. Этим путем де Рубертис избегал использования в своих переводах заимствований из итальянского языка. Однако итальянское влияние чувствительно проявилось на синтаксисе переведенных текстов, срав. в новелле: предлог *do*, употребляемый по аналогии и в той же функции, что и итальянский предлог *di*; специфическая конструкция итальянского языка с инфинитивом, которая в молиско-славянском выглядит, как за *imati fantenja* «иметь мщение» (за + инфинитив *imati*); *zemlja sveta* «святая земля» (постановка определения после подлежащего) и под.³⁰

Пожалуй, это все, что мы имеем по литературно-переводческой деятельности де Рубертиса. Известно, однако, что де Рубертис делал много переводов на молиско-славянский. В частности, можно указать на его сообщение М. Пуцичу о том, что он «начал уже переводить Житие св. Венедикта, составленное Игнатием Диорди...; при этом я нуждаюсь в словаре, чтобы с честью привести к концу начатое дело»³¹. Житие св. Венедикта было в рукописи — его называет де Рубертис в числе славянских («сербских») книг, которые бытовали в Аквививе. В частности, из приведенных здесь книг де Рубертис упоминает «*Officze Divicze Marie*», молитвы к Пресвятой Богородице, «Правило в Великий пост», а также «словинско» (т. е. хорватско-сербско)-итальянско-латинский словарь П. Я. Микальби³². Поскольку хорватско-сербско-итальянско-латинский словарь у де Рубертиса был, есть основания предположить, что де Рубертис просил у М. Пуцича какой-либо итальянско-славянский словарь, чтобы перевести с итальянского на молиско-славянский Житие св. Венедикта. Был ли завершен и издан этот перевод, нам неизвестно. Имеются сведения о том, что де Рубертис время от времени печатался в местных изданиях на итальянском языке, например, в «*Gazzetta della Provincia di Molise*» (Кампобассо). Возможно, что в изданиях такого рода и скрывается остающаяся до настоящего времени неизвестной исследователям часть литературно-переводческого наследия де Рубертиса.

В литературе о молиских славянах встречаются указания на то, что де Рубертис составил также грамматику молиско-славянского диалекта (языка), однако она не была опубликована, а рукопись ее до сих пор не найдена³³. Имеются также мнения, что это была грамматика сербско-хорватского языка, приспособ-

собленная для нужд молизских славян³⁴. Как бы то ни было, и грамматика родного диалекта (языка), и грамматика литературного сербско-хорватского языка нужны были де Рубертису, пытавшемуся, несмотря на неблагоприятное к этому отношению со стороны местной администрации и церковных служителей, давать уроки «славянского» языка своим ученикам. К этому его толкал горячий славянский патриотизм и желание уберечь славянские острова южной Италии от ассимиляции, наконец, постоянная связь со славянскими землями: де Рубертис был избран членом Сербского научного общества (Српско Учено Друштво) в Белграде, откуда получал сербские книги (а в начальный период деятельности книгами ему помогал М. Пуцич). После посещения Аквавивы В. В. Макушевым де Рубертис вскоре получил работу о своих соотечественниках, написанную этим русским славистом (см. сноску 3), но поскольку не понимал кириллицу, попросил выслать грамматику русского языка, что и было удовлетворено³⁵.

В своей попытке поднять родной диалект до уровня литературного языка де Рубертис должен был решить и проблему графики и орфографии. По отношению к молизско-славянскому диалекту он применил «гайицу» («гаевицу») — разновидность латинского алфавита, созданного Л. Гаём, и с 1836 г. получившую преимущественное распространение среди хорватов, а затем и словенцев. В этом ему помог М. Пуцич, которого де Рубертис в одном из писем за 1853 г. благодарит «за прекрасное и ученое наставление о славянском правописании»³⁶. Однако эта система письма не сразу и не так последовательно привилась на молизско-славянской почве. Если первое стихотворение де Рубертиса, отредактированное и опубликованное М. Пуцичем в 1856 г. («Vlahinja zljubljenja») записано правильной гайицей, то в переводе новеллы Дж. Бокаччо наблюдаются колебания типа: при наличии знака ċ (jadajuċ, rocinjuċ) очень часто употребление итальянского способа обозначения фонемы [ċ], как *ci*, *se* (*cinile* вм. *ċinile*, *cinjene* вм. *ċinjene*); эти же лигатуры используются для обозначения фонемы [č]: *roci* вм. *roċi*. Далее, при наличии специфической лигатуры *nj* (*njoju*, *njemu*, *fantenja*) используется итальянская лигатура *gn* (*Guscognova*); срав. также употребление *gh* вм. *g*.

Своей деятельностью, направленной на национальное возрождение молизских славян, де Рубертис пытался доказать возможность и необходимость развития родного диалекта по пути превращения его в литературный язык и создания на нем произведений, имеющих художественную ценность. Дж. де Рубертис, естественно, не решил всех проблем в этом деле. Понимая это, он возлагал большие надежды на молодых: «в настоящее время моя родина имеет значительное число молодых людей, заставляющих многого ожидать от них, и я уверен, что судьба

готовит в будущем моей небольшой отчизне венок славы»³⁷.

Таким образом, резюмируя сказанное, подчеркнем, что в XIX в. деятельностью де Рубертиса были заложены основы книжно-письменной формы молизско-славянского языка.

Идеи де Рубертиса после его смерти продолжили жить. Молизские славяне сохранили свой язык, пользуясь им в быту. В письменной форме его использование ограничивалось, по-видимому, двумя сферами — при записях местных хроник (одна из таких хроник, относящаяся, по-видимому, к последней трети XIX в., опубликована³⁸; мы помещаем ее в приложении) и в личной переписке. Посетившие в 1904 г. славянские общины южной Италии далматинские деятели культуры И. Смодлака, И. Барач, Х. Лугар и Э. Видович zaloжили в Аквавине «славянскую библиотеку» (««Slovinska biblioteka», итал. biblioteca slava), подарив ей около десятка книг на сербско-хорватском языке и несколько номеров хорватских и сербских журналов. «Славянская библиотека» явилась крупной вехой в культурном развитии молизских славян, хотя в период войн и фашизма работа ее была фактически парализована³⁹. И. Барач напечатал в своей книге адресованное ему письмо молодежи из Аквавивы, в котором выражается желание изучать свой язык: «Nemôta zabiti, ka mi hoćemo naućiti dobro paš lipi jezik»⁴⁰. Идея ввести преподавание в школе на родном языке была достаточно популярна среди молизских славян, о чем свидетельствует, например, итальянский исследователь А. Бальдаччи, изучавший албанские острова южной Италии и посетивший в начале века славянские общины. А. Бальдаччи писал, что многие из молизско-славянской интеллигенции выражали надежду, что правительство займется вопросом просвещения на родном языке.⁴¹ Тогдашние социальные условия, а позднее фашизм всячески препятствовали национальному возрождению молизских славян. Потребовался почти век, чтобы дело, начатое де Рубертисом, нашло свое прямое продолжение.

* * *

В 60-х гг. нашего столетия молизско-славянская интеллигенция, среди которой, кстати, немало людей с университетским образованием, предприняла ряд акций, направленных на оживление культурной и литературной жизни и интереса к родному языку. Этому в немалой степени способствовала активизация внимания к молизским славянам со стороны ученых и общественности других стран: прежде всего участвовали поездки специалистов и деятелей культуры из Югославии.

В 1958 г. выходец из Аквавивы Альдо Ветта (Aldo Vetta) защитил в Instituto Universitario Orientale, славистический фа-

культет которого закончил, дипломную работу под названием «Хорватские колонии в южной Италии», в которой представил богатый материал по языку и истории молизских славян⁴². Приблизительно 10 лет спустя, в 1967 г., другой молизский славянин Джованни Пикколи (Giovanni Piccoli), преподающий ныне в учительской школе в Гульонезе, защитил в Римском университете дипломную работу «Лексика диалекта Аквавивы Коллекроче» («Lessico del dialetto di Acquaviva Collecroce»), к которой приложен и молизско-славянский словарь с толкованием слов на итальянском и сербско-хорватском языках⁴³. Южно-славянским проблемам были посвящены дипломные работы выходцев из молизских славян Джузеппе Чиканезе (Giuseppe Cicanese) — о Д. Цесариче, Милены Лалли (Milena Lalli) — о И. Андриче и др.

В 1967 г. в загребской газете «Vjesnik» появилось сообщение учителя из Сан Феличе дель Молизе Мауро Дель Аверсано (Mauro Dell' Aversano) о том, что им составлена на молизско-славянском книга для чтения «Štokodi za lejiti» (серб.-хорват. «Moliška čitanka»), предназначенная для использования на уроках родного языка в школе. Здесь же М. Дель Аверсано пишет, что молизскими славянами предпринимается издание на родном языке газеты или журнала⁴⁴.

Первый номер молизско-славянского журнала появился в Риме осенью 1967 г. под названием «Naš jezik» («Наш язык»), имея подзаголовки «Glasnik molizanskih Hrvata». Название журнала и его подзаголовки даны и на итальянском языке: *La nostra lingua. Periodico dei paesi Slavi del Molise* (позднее: *Organo delle «Pro loco» dei paesi Croati del Molise*).

Эта была новая и массовая по своему характеру попытка поднять молизско-славянский диалект до уровня литературного языка.

Большинство текстов журнала напечатано параллельно на двух языках: на молизско-славянском и итальянском, на хорватско-сербском и итальянском. Причем параллелизм соблюдается даже тогда, когда текст — поэтическое произведение. На обложке каждого номера журнала на молизско-славянском и итальянском призыв Н. Нери: *Ne mojte zabit naš lipi jezik!* — *Non dimenticate la nostra bella lingua!* Редакционную коллегию журнала из молизских славян составили: учителя Мауро Дель Аверсано, Маттео Ферранте (Matteo Ferrante), Анджело Дженова (Angelo Genova), Джованни Баттиста Пикколи (Giovanni Battista Piccoli), Джованни Пикколи, медик Марио Спдануда (Mario Spadanuda), славист Милена Лалли, а также Доменико Джорджетта (Domenico Giorgetta), Итало Мирко (Italo Mirco), Пьериньо Нери (Pierino Neri).

Содержание журнала «Naš jezik» разнообразное: статьи по истории, языку и современному положению молизских славян, информация различного рода о событиях в славянских общинах Молизе; много материалов, связанных с прародиной — Далмацией и Хорватией вообще (исторические события, культура); художественные произведения — стихи, проза, записи сказок, народных песен, переводы. Поэтические произведения печатают: Дж. Б. Пикколи, М. Лалли, М. Ферранте, А. Дженова; Дж. Чиканезе, Пасквалино Пикколи (Pasqualino Piccoli) и др. Проза на молизско-славянском представлена беднее: М. Лалли, Клаудио Ферранте (Claudio Ferrante), Аннита Джорджетта (Annita Giorgetta); М. Ферранте и некоторые др. (См. приложение к работе).

В 1969 г. на одном из заседаний редакционного совета журнала «Naš jezik» было констатировано критическое финансовое положение этого периодического издания, тем не менее решено было продолжать его выпуск, причем, как указывается в принятых решениях, «следует посвятить больше места известиям и статьям, написанным на молизско-славянском». ⁴⁵ В 1970 г., несмотря на усилия редакционной коллегии, журнал, не получая никакой материальной поддержки от властей, перестал издаваться.

Однако издательская деятельность на этом не прекратилась: с 1972 г. стал готовиться и выходить (в Канаде) ежегодник — так наз. календарь молизских славян, причем все его содержание составляют тексты на молизско-славянском языке. Так, в календаре на 1973 г. помещены стихи М. Ферранте («Naš život» — «Наша жизнь»); А. Дженовы («Sti 'Ndzik» — «Святая Франьо»); П. Пикколи («Zbogom» — «До свидания»); М. Лалли («Moja zemlja» — «Моя страна»; «Drago mi je» — «Мне дорого»; «Se jopte nahodam» — «Снова нахожусь»); Розетты Петреллы («Šuze» — «Слезы»); Изепа Чиканезе («Nemesis» — «Немезида»). Из народного творчества представлено несколько песен в записи Божидара Видова, а также сказки «Кума лиса и кума жаворонок» («Kuma lisica oš kuma kalandrela»), «Два поля»: («Dvi pjive») и др. ⁴⁶ В календаре на следующий год помещены подборки стихов А. Дженовы: «Tičić» («Птичка»), «Mladina» («Молодежь»), «Kruh» («Хлеб») и статья этого же автора «Как жили наши первые люди», т. е. первые славянские переселенцы в Италию («Kako živahu naše prve čeljade»); подборка молизско-славянских пословиц («Nike proverbje»); переводы юмористических произведений и даже два анекдота Насредина ⁴⁷. Ежегодник на 1975 г.: стихотворение М. Лалли, написанное по мотивам народной песни, — «Красавица Марс» («Lipa Mares»), перевод на молизско-славянский эпоса «Битва у местечка Крбаве» («Bitka na rajizu do Krbave»), повествующего о времени и событиях, вызвавших переселение за Адриатическое

море; подборку оригинальных и переводных произведений фольклора и др.⁴⁸

Молиско-славянская периодика представлена в настоящее время журналом «Modra lasta — Rondinelle azzurre» («Голубая ласточка»), который выходит в Сан Феличе благодаря стараниям и усилиям учителя А. Дженовы; тексты в этом издании печатаются параллельно на молиско-славянском и итальянском языках.

В 1968 г. издан сборничек народных песен, бытующих в настоящее время в славянских общинах Молизе⁴⁹, а в 1972 г. вышел первый сборник поэтических произведений Милены Лалли «Свет издалека» («Sfitle 'z naduga»). В нем собраны стихи, большая часть которых ранее публиковалась в журнале «Naš jezik» и в ежегоднике «Kalendar». Наиболее интересными представляются стихи: «Nostalgija» («Ностальгия»), «'Na dub» («Дерево»), «Slavenska vilja» («Славянская фея»), «Stare zid» («Старая стена»), «Za poet Majakovskij» («Поэту Маяковскому») и др.

Следует добавить, что произведения молиско-славянских поэтов появляются в оригинале и в некоторых периодических изданиях в Югославии⁵⁰.

Активизация культурной жизни у молиских славян складывается не только из обращения в научном плане к своей истории и своему нынешнему положению, издательской деятельности и литературно-художественного творчества. В 1967 г. в Аквавиве было создано культурное общество «Giovanni de Rubertis», поставившее своей задачей вовлекать в начавшийся процесс все большее число простых жителей славянских общин, а особенно молодых; общество «Pgo Iuso» было организовано как туристское с тем, чтобы развитие туризма составило одну из статей дохода в фонд культурного строительства. Были предприняты также попытки ввести в школах уроки родного языка и сербско-хорватского; последний рассматривается как конечная цель, к которой надо идти через обучение родному языку. М. Дель Аверсано составил приспособленную для молиско-славянской школы грамматику литературного сербско-хорватского языка и издал ее на свои средства.

Движение молиских славян за развитие своей культуры, языка и просвещения не нашло поддержки властей, поэтому в 1967 г. группа молиско-славянских деятелей обратилась к правительству и местным властям с резолюцией, основное содержание которой было бы небезынтересно привести здесь:

— Принимая во внимание, что в Молизе уже свыше пяти веков существуют группы населения, говорящие на хорватском (штокавско-икавском) языке, в настоящее время проживающие в общинах Аквавива Коллекроче, Монтемитро и Сан Феличе, где указанный язык и сейчас еще является родным;

— помня, что языковое достояние является неотъемлемой частью культуры народа и заслуживает охраны в силу исторических и культурных соображений наравне с другими художественными ценностями;

— учитывая, что это достояние, сохраняющееся до наших дней только в виде устной традиции, и что оно ни в какой мере не охраняется законодательными или другими соответствующими мерами, направленными на сохранение неповторимого проявления народной культуры;

— напоминая о том, что в ст. 6 Конституции республики содержатся указания о покровительстве языковым меньшинствам независимо от их численности и территориального размещения,

постановляет [делегация славянских общин] обратиться:

— к палате депутатов и сенату Итальянской республики,

— к правительству республики,

— к провинциальным властям Молизе,

— к провинциальному туристскому обществу в Кампобассо,

— к коммунальным (общинным) властям,

— к представителям политических партий,

чтобы каждый из них употребил свои полномочия на то, чтобы добиться практического выполнения указанных конституционных норм, в частности:

1) создание единой государственной средней школы, общей для указанных трех общин, с обязательным преподаванием сербско-хорватского языка вместо иностранного;

2) предоставление в начальных школах и дошкольных учреждениях всех трех общин мест учителям и воспитателям, говорящим также на сербско-хорватском языке [= молизско-славянском];

3) создание в указанных общинах культурных центров с библиотеками и другими культурными учреждениями, обеспечивающими сохранность данного древнего языка;

4) установка в указанных общинах административных, торговых и туристических вывесок на двух языках и возможность распространения рекламных туристических материалов в целях привлечения внимания итальянских и иностранных научных работников...⁵¹

Однако и после этой резолюции власти практически не предприняли никаких мер, чтобы поддержать справедливые требования молизских славян.

* * *

Кодификация молизско-славянского языка, как мы уже отмечали, была впервые предпринята в прошлом веке де Рубер-

тисом. В 50-х гг. нашего столетия Т. Бадурин составил молиско-славянскую грамматику, однако по каким-то причинам ее не опубликовал. Лишь в 1968 г. такая грамматика, предназначенная для школьников, была составлена и издана Божидаром Видовым⁵². Объяснительный текст в этой грамматике подается параллельно на хорватско-сербском и итальянском языках. К грамматической части приложены тексты молиско-славянской прозы (фольклорный материал, пословицы и поговорки) и поэзии (стихи М. Далли, Франьо Рубина, П. Пикколи, Э. А. Патерно, Дж. Чиканезе), а также небольшой словарь молиско-итальянско-хорватско-сербский. К сожалению, во втором издании этой грамматики автор не только не расширил, но не включил тексты, а молиско-славянско-итальянско-хорватско-сербский словарь заменил словариком хорватско-сербско-итальянским⁵³. В 1972 г. этот же автор, основываясь на своих материалах и на работе Дж. Пикколи по лексике Аквавивы (см. выше), издал первый итальянско-молиско-славянский и молиско-славянско-итальянский словари с привлечением параллелей из хорватско-сербского языка. Словарь содержит около 2 500 слов⁵⁴.

Среди исследователей нет единого мнения относительно генетической основы языка молиских славян. Однако большинство из них склоняется к тому, что это штокавский диалект икавского типа с примесью элементов чакавского характера. Прародину его следует искать в глубинной Далмации — между реками Цетина и Неретва. Убедительно доказал это М. Решетар в своей монографии о славянских колониях в южной Италии⁵⁵. Польский славист А. Заремба называет язык молиских славян «смешанным штокавско-чакавским» диалектом⁵⁶, а сербский славист П. Ивич идентифицирует его с истранским штокавским диалектом икавского типа, в котором также отмечено ряд чакавизмов⁵⁷.

Молиско-славянский литературный язык опирается на диалект, в основе своей единый для всех трех славянских общин Молизе. М. Решетар в своей книге неоднократно подчеркивал, что молиские славяне говорят практически на едином диалекте. Он отмечал лишь небольшие лексические различия вроде: *otac* «отец» и *veša* «мешок» в Сан-Феличе и в Монтемитро при *tata* и соответственно *saka* в Аквавиве и под.⁵⁸ Срав. также: *godat* «рожать» (Монтемитро), *obabat sa* «рожать» (Сан-Феличе) и *otelat sa* «рожать» (Аквавива); *ostat* «остаться» и «оставить» (Аквавива) при *puštit* для последнего значения в Монтемитро. Некоторые различия вызваны итальянским влиянием, в частности, кампобасской разновидностью абруцского диалекта: *funestra* «окно» < кампобасск. *funestra* в Аквавиве, в то время как в Сан-Феличе «окно» — *svitlenica* или *sitlenica* и под.⁵⁹. Добавим также, что наиболее архаичным языком говорят жители Монтемитро — селения, удаленного от современных путей

сообщения, в то время как в Аквавиве, которую называют обычно «маленьким Неаполем» («Napulica») и которая является главным средоточием молизских славян, больше всего чувствуется присутствие итальянизмов.

Приведенные примеры лексических различий (исключая те, что навеяны итальянским воздействием) подкрепляют мысль о гетерогенном происхождении языка молизских славян. Возможно, что часть таких различий, существовавших в первоначальный период проживания этих славян на новой родине, постепенно нивелировалась, а имеющиеся ныне различия представляют собой реликты этого процесса.

Современными носителями литературного или диалектного сербско-хорватского языка молизско-славянский понимается с трудом⁶⁰, а по признанию большинства тех, кто посетил славянские общины южной Италии, язык этот представляется очень архаичным. Вот впечатление на этот счет Й. Смодлака: «Я много раз говорил своим друзьям в Круче, слушая их говор, что мне кажется, будто наши предки встали из могилы, а я каким-то чудом оказался в их кругу»⁶¹.

Действительно, молизско-славянский обладает рядом примечательных черт, которые, с одной стороны, имеют параллели в штокавско-икавском или чакавском диалектах сербско-хорватского языка (генетические связи), с другой стороны, эти черты являют собой его специфику, возникшую как результат сохранения древнего и приобретения нового преимущественно под влиянием местных говоров итальянского языка (типологические связи). Представим наиболее важные из этих черт⁶².

В фонетике:

1. Достаточно последовательно проявляющийся икавизм: lip «красивый» (при штокавском ler и lijer), rika «река» (шток. rika и rijeka), svet «свет», «цветок» (шток. для первого значения svet, svijet), divojka «девочка», «девушка» (шток. devojka и djevojka), lit «лето» (шток. ljeto) и т. д.

Следует заметить, что икавизм проявляется не только в словах славянского происхождения, он переносится и на заимствования из итальянского языка: katina «цепь» < абруц. catène, pajiz «место» < абруц. pajése, pizija «горох» < абруц. pesèlle и т. д.

Случаи экавизма редки: verijat «верить», obedva «оба» и некоторые др.

2. На месте праслав. *e* то штокавское *e* (jezik «язык», mesa «мясо»), то чакавское *a* (poča «начал», «начала», zajat «одалживать», ojat «обнимать»).

3. Плавные удерживают слоговой характер, как в штокавском: krv «кровь», prst «палец», prvi «первый», srca «сердце».

Под влиянием итальянского языка, не знающего такой особенности, заметен процесс разрушения этой древней черты, что

видно на примерах, взятых нами из текстов и молизско-славянского словаря Б. Видова: m(e)rtac «мертвец», m(e)rvica «крошка», m(e)rliti «охлаждать» (на этот же процесс указывал и М. Решетар, стр. 153).

4. Под воздействием местных говоров абруцского диалекта итальянского языка в молизско-славянском наблюдается сильная редукция безударных гласных, причем конечные гласные обычно отпадают: jaj' (< jaja) «яйцо», ban' (bana < итал. диал. banna) «сторона»; šcer' (< ščera) «дочь», moj' (< moja) «моя», zabit' (< zabiti) «забыть» и т. д.

5. Итальянское влияние сказалось на появлении в молизско-славянском фонемы [dz], правда, в словах, заимствованных из итальянского: 'Ndzik «Франьо», pdzakat «укладывать» (< итал. insaccare).

6. Эта же причина повлияла на развитие так наз. долгих (по другой терминологии — двойных) согласных: čudda (< čuda) «много», bihhu (< bihu) «был», «была» и под.; в молизско-славянских изданиях эта черта графически обычно не отражается.

7. *dj > d, как в штокавском: ukređen «украден», građane «граждане» (но также и: gradanje); в качестве реликта отмечено *dj > j, как в чакавском: tuj «чужой» (срав. шток. tuđ) и preja «пряжа» (срав. шток. pređa); срав. также вторичное: grozdja «гроздь».

8. *tj > ć, как в штокавском: ću «буду», «хочу» (срав. шток. ću < htjeti), nać «найти» (шток. naći), izać «выйти» («шток. izaći); но срав.: obakj «обойти» при шток. obaći и obići, rokji «пойти» при шток. roći, rrokiti «пройти» при шток. proći, ukli «утечь» при шток. uteći; срав. однако вторичное: bratja «братья»; в заимствованиях: kaktja «отросток», kaktjo «узел»; *kt > ć: peć «печь» (шток. peći), ispeć «испечь» (шток. ispeći).

9. *stj, skj > št: godište «год», plašt «плащ», vištice «колдунья»; *zdj, zgj > žd: moždan' «мозг», «мысль», dažd «дождь», daždit «дождить».

10. Группа čr преимущественно сохранилась, как в чакавском: črčak «сверчок» (при шток. svrčak, svrčati, также čvčak), črišnja «черешня» (шток. trešnja), čriv, čriva, črivo «кишка» (шток. crevo, crijevo), črv «червь» и črviv «червивый» (шток. crv, crvljiv). Два слова сохраняют штокавскую особенность: crn «черный» (срав. шток. crn) и crnje(a) «красный» и crnjelit «краснеть» (при шток. crven, crveniti).

11. Начальный v в сочетании с редуцированным дал рефлекс двойного рода — штокавского (unutra «внутри», upijat «вопить», «кричать» при шток. vapiti) и чакавского (vazda «всегда», vazet — vazimat «взять», «брать», vमित — vamivat с тем же значением).

12. Конечный *l* после гласного утратился, как в чакавском; *reka* (< *rekaō* < *rekal*) «сказал», *umbrā* - (< *umbrāo* < *umbrāal*) «умер», *kota* (< *kotaō* < *kotal*) «котел»; при наличии в постпозиции гласного на месте *l* находим *j*: *muja* (< *mula*) «мул», *pjija* (< *gnjil*) «гнилой», *vajat* (< *vajati*) «валять». «катать»; и также: *debaj* (< *debeo*) «дебелый», *goja* (< *go* < < *gol*) «голый»; по аналогии также: *peja* (< *pedalj*) «педаль». Срав. в итальянских примерах, вошедших в молизско-славянский: *vijija* < итал. *vigilia* «бдение» при *familja* (< итал. *famiglia*) «семья», *butilja* (< итал. *bottiglia*) «бутыль».

13. *l*-эпентетикум на пути замены его *j*: *divij* «дикий» (срав. шток. *divlji*), *pjuat* «поплевывать» (шток. *pljucati*), *pjuvaka* «слиюна» (шток. *pljuvačka*); М. Решетар фиксировал в начале века формы: *karljati* (стр. 348) «капать», *pljeska* (366) «оплеуха», *pljočka* «плоский камешек»; Б. Видов в своем словаре приводит формы: *karja* «капля» (стр. 58), *pjeska* «оплеуха» и *pjaskati* «шлепать» (75), *pjočka* «плоский камешек»; *bljujati* «блевать» (46).

14. Согласный *h*, в отличие от штокавских говоров, практически везде сохраняется, за исключением формы вспомогательного глагола *tit* (< *htiti*) «хотеть»: *hlad* «тень», *hodit* «ходить», *hvala* «спасибо», *gredaħu* «я шел», *gredaħto* «мы шли».

15. Редкое явление, связанное с ассимиляционным происхождением фрикативного *f* < *v* в позиции между глухим согласным и гласным (в современной молизско-славянской орфографии это явление отражается не последовательно): *sfak* «каждый», «всякий» (шток. *svak*), *sfekar* «свекор» (шток. *svekar*), *sfeta* и *sfetica* «святой» и «святая» (шток. *svetac*, *svetica*), *sfica* «свеча» (шток. *sveća*, *svijeća*), *sfidok* «свидетель» (шток. *svedok*, *svjedok*), *sfila* «шелк» (шток. *svila*) и т. д. Возможно, по аналогии с итальянским; срав. в заимствованиях из этого языка: *sfazati* (в словаре Б. Видова, стр. 81) и *sfazati* (в книге М. Решетара, стр. 373) «отломать», «размотать» < итал. *sfasciare*, *sfortunat* (в словаре Б. Видова, стр. 81) и *sfirtunan* (в книге М. Решетара, стр. 373) «несчастливый» < итал. *sfortunato*.

16. Весьма частое явление эпентезы *b* в позиции между губным *m* и плавными *r* или *l*: *m(b)lad* «молодой», *mblatat* «молотить», *mblijat* «молоть», *mblika* «молоко», *mbrava* «муравей», *mbriža* «сеть».

17. Необычно для славянского языкового мира явление фонетического укорачивания слова, когда выбрасываются из начала, середины или конца слова отдельные звуки, слоги или просто звуковые сегменты: *čit* < *činit* «делать», *gošt* < *godište* «год», *hot* (*hod*) < *hodit* «ходить», *'na* < *jena* < *jedna* «одна», *jenas* < *jedanaest* «одинадцать», *nelja* < *nedilja* «неделя», *pola* < *pošla* «пошла», *slak* < *sladak* «сладкий», *spodar* < *gos-*

podar «хозяин», vit < vidit «видеть», sa < sada «сейчас», sa < sam «я. есть», usri < usrid «среди».

18. Весьма частое явление метатезы типа: latak (шток. lakat) «локоть», zikva (шток. zipka) «люлька», zvarenit (шток. uzavreti) «закипеть», pokonji (шток. pokojni) «покойник», hi (шток. ih) «их», pjevog (шток. njevog) «его» и под.

- В морфологии и синтаксисе.

1.19. Под влиянием итальянского языка развился неопределенный артикль из числительного женского рода «одна» в форме jena или 'na (в вин. пад. jenu, 'nu и т. д.): 'Na vota je joj dala 'nu vrtenu oš 'na linzun rup do lana ke 'maše prestu u oni dan (Kalendar 1974, 41) «Однажды она дала ей веретено и рядно, полное льна, который она должна была попрясть в тот день»; 'Na dan je poša čuvat' na jenu banu e je vidija 'nu zmiju e je poša doma (Kalendar 1975, 40) «Однажды он пошел смотреть [овец] на (одну) сторону и увидел змею и ушел домой»; 'Na dan je lejila 'na list do jene fabrike ke tijaše bijat muža naprid tribunala si ne bi platija 'na velik dug ke imaše s njom (Kalendar 1973, 39) «Однажды она читала газету одной фабрики [фабричную газету], которая [фабрика] хотела мужа подвести под трибунал. (т. е. судить), если бы он не заплатил большой долг, который имел от нее».

В приведенных примерах легко заметить, что неопределенный артикль, имеющий форму женского рода, совершенно свободно употребляется (правда, только в форме именительного падежа) и по отношению к существительным мужского рода. Срав. также использование итальянского определенного артикля в примере: imaju tri sinovlja l'Australija (Naš jezik — далее: NJ, 1969, 1—2, 16).

2.20. Существительные утратили категорию среднего рода (так же под влиянием итальянского языка, где только мужской и женский род); причем перевод существительного, некогда выступавшего в среднем роде, осуществляется преимущественно в категорию мужского рода (как правило, этот же род соответствует и в итальянском), срав. мужского рода: jezer (< jezero) «озеро» — итал. lago, kolin (< kolino) «колени» — итал. ginocchio, mblika (< mbliko) «молоко» — итал. latte, neba (< nebo) «небо» — итал. cielo, grasa (< grase) «поросенок» — итал. porco; женского рода (реже): vima (< vime) «вымя» — итал. mammella, mbrava (< mbrav) «муравей» — итал. formica.

3.21. Под влиянием итальянского языка наметился сдвиг в родовом оформлении существительных мужского и женского родов, срав.: čriv «кишка» мужского рода, как и итальянское budello (при среднем роде в сербско-хорватском: grevo, grjevo); sala «сало» мужского рода, как и итальянское grasso (в сербско-хорватском salo — среднего рода) и т. д. Эта же причина вызвала переоформление родовых показателей у существитель-

ных, например: *stvar* «вещь», «дело» (жен. р.) — в форму *stvara* (срав. итал. *la cosa*), *noć* «ночь» (жен. р.) — в форму *noća* (срав. итал. *la notte*), *rič* «речь» (жен. р.) — в форму *riča* (срав. итал. *la parola*) и др.

4.22. Флексийное оформление существительных мужского рода во множественном числе имеет тенденцию к унификации за счет преимущественного использования флексии *-a*: рор «священник» — рора «священники», *ljud* «человек» — *ljuda* «люди», *konj* «конь» — *konja* «кони» (правда, в литературных текстах этой тенденции противодействует стремление употреблять формы множественного числа, как в сербско-хорватском, посредством *-i*: *ljudi*). В родительном падеже множественного числа вместо штокавской флексии *-a* практически везде *-i* (даже у существительных женского рода, которые в редких случаях удерживают нулевую флексию, как в чакавском: *žen* «женщин», «жен», *rib* «рыб»): *Švuda vidiš makine do nazboljih marki* (Kalendar 1974, 47). «Повсюду видишь машины наилучших марок».

5.23. В области склонения существительных произошел синкретизм форм творительного падежа мужского и женского родов (как в штокавском): *s ženom* «с женщиной», «с женой», *s gradom* «с селом», «с городом».

6.24. Локатив практически вышел из употребления, поскольку в единственном числе он совпал (в муж. р.) с дательным и (в жен. р.) с дательным и винительным падежами (флексия *-u*, в связи с явлением фонетического укорачивания слов, практически не употребляется): *Jena žena je prola sa štarom na glav'*, она *posaše jist na guvno ljudami*... (Kalendar, 1973, 48) «Одна женщина прошла с корзиной на голове, она несла на ток (гумно) кушать мужчинам...»; во множественном числе этот падеж совпал с дательным и творительным: *U školami biše zabranjeno (proibito) govoriti pur jenu riču na našu e tako biše pur u crikvami, ma u selami (villaggi) čeljade govorahu doni hrvatski*... (Kalendar 1973, 35) «В школах было также запрещено говорить и слово по-нашему, и так было также в церквах, но в селах люди говорили по-хорватски...» Срав. дательный падеж: *Je istina ke čuda vote govoraše dicami ke će vazet u Romi jenga meštra* (Kalendar 1973, 39) «Правда, что она много раз говорила детям, что возьмет в Риме учителя»; творительный падеж: *Marija kazivaše kako mogaše s rukami e s glavom za činit im razumit oño što imaše na srcu* (Kalendar 1973, 33) «Мария говорила, как могла — руками и головой, чтобы им помочь [сделать] понять то, что имела на сердце».

Случай с локативом и частое явление синкретизма падежных форм является свидетельством развивающегося процесса утраты в молиско-славянском склонения существительных, на что обратил внимание еще в 1870 г. В. В. Макушев. По итальян-

скому образцу падежные отношения начинают выражаться с помощью предлогов (см. ниже):

7.25. Частое явление, характерное для многих славянских языков и диалектов — исчезновение вокатива (в его функции используется именительный падеж): *E on rispunjivaše: Muči, malica, 'vako je bolje za tebe, si se ženim će bit gore za tebe* (Kalendar 1974, 41) «И он ответил: Тише, малышка, так лучше для тебя; если я женюсь, тебе будет плохо».

8.26. Все еще удерживается деление прилагательных по виду:

а) на определенные: *Na prve dane do septembra, su bili u naš mali grad..* (NJ, 1967, 1, 15) «В первых днях сентября в нашем маленьком селе были...»;

б) на неопределенные: *Je 'na nov vrtić za dicitu gdi ona se mogu šaliti, naučiti štokodi* (Nž, 1967, 2, 18) «Имеется новый детский сад, где [дети] могут играть, чему-либо научиться». М. Решетар (стр. 200—201) отметил, однако, процесс утраты этого различия.

9.27. У прилагательных форма среднего рода имеется, но используется только тогда, когда она выполняет функцию именного сказуемого: *to je lipa* «это красиво».

10.28. Формы сравнительной степени по итальянскому образцу имеют следующий вид: *več(e) +* прилагательное; аналогично образование превосходной степени: *naveč(e) +* прилагательное. Примеры: *Samu oni veče stari ga poznajahu* (NJ, 1967, 1, 12) «Только те, постарше, его знали»; *ovi Kozulić bihu jena do naveč bogatih familji na otoku Lošinj* (Kalendar, 1973, 33) «Эти Козуличи были одной из самых богатых семей на строве Лошинь».

11.29. Личные местоимения в косвенных падежах обладают развитой системой энклитических форм: *mi* «мне» (дат. п.), *ma* «меня» (вин. п.), *ti* «тебе» (дат. п.), *ta* «тебя» (вин. п.); *ga* «его» (род. и вин. п.), *mu* «ему» (дат. п.) и под. В контексте: *Čudahi još danas ga (< njega) spominju za dobro ke je činija* (NJ, 1967, 1, 12) «Многие еще и сегодня его вспоминают за [то] хорошее, что он делал»; *pešeto hi (< njih) viditi veče* (NJ, 1967, 1, 12) «мы не увидим их больше».

12.30. Числительные от пяти и выше не склоняются (как в диалектах и литературном сербско-хорватском языке): *Na svaku mašariju stojahu familje do pet, šest o veče čeljadi* (NJ, 1969, 1—2, 16) «На каждый участок приходится семья из 5, 6 и более человек».

13.31. Из форм прошедшего времени в молизско-славянском сохранились:

а) имперфект, образуемый также и от глаголов совершенного вида: *Zivahu gaskošno (lussuo — samente) aje Ante verjaše ke ono zlato neče se furnit maj* (Kalendar 1973, 38); «Они жили

раскошно, так как Анте верил, что то золото никогда не кончится»;

б) перфект: *Мена је чинија поћи на силу (per forza) и Етиопију кана доброволјас (volontario)* (Kalendar 1974, 45) «Меня он заставил пойти насильно добровольцем (!) в Эфиопию»;

в) плюсквамперфект: *'Na žena je bi zgubila uložnu knjižicu (libretto di risparmio) do banke* (Kalendar 1973, 38) «Одна женщина [как-то] потеряла сберегательную книжку».

14.32. Родительный принадлежности по итальянскому образцу выражается с помощью предлога *do* или *d'* (срав. итал. di): *Zena e sinovlje do Amedea Palumba su ostanili naš grad* (NJ, 1967, I, 12) «Жена и сыновья Амедео Палумбы покинули наше село», срав. итал.: *La moglie ed i figli di Amedeo Palumbo hanno lasciato il nostro paese.*

Аналогичным образом (*do* + форма родительного падежа) выражаются определительные и временные отношения: *teg do utobra (oktobra)* «работа в октябре», «октябрьская работа».

15.33. Творительный орудия и средства по итальянскому образцу всегда оформляется посредством предлога *s* (итал. con): *Sada imamo vodu doma, se ne greda već s tovarami vamiti vodu gdi funde okola grada* (NJ, 1967, 2, 18) «Сейчас у нас вода дома; больше не ездят качать воду ослиами из колодца около села», срав. итал.: *Ora abbiamo l'acqua in casa, non si va più con l'asino a prendere l'acqua nelle fontane sparse intorno il paese.*

16.34. Определение, помимо обычного места — препозиции, может, как в итальянском, занимать постпозицию по отношению к определяемому: *Dica bihu još čuda mali oš vřredahu o skolu talijansku...* (Kalendar 1973, 37) «Дети были еще очень маленькими и ходили в итальянскую школу»; *Jesu odlučili (dečidili) ke 'mahu poći na Lošinj za vidit rodbinu (porente) oš paći stvarе dragocjene (preziose)* (Kalendar 1973, 39) «Они решили, что поедут на Лошинь увидеть родственников и поискать драгоценные вещи».

17.35. Как в чакавском, энклитические формы могут занимать начальное положение в предложении: *Se skinjava 'na suza sgora tvoјga obraza* (NJ, 1969, 1—2, 15) «Упала слеза с твоего лица»; *Je tamo moja vřtena?* «Там ли мое веретено?» *Te molim, mati, je se fermala ode moja vřtena?* (Kalendar 1974, 41) «Прошу тебя, мать, зацепилось ли здесь веретено?»

18.36. Из славянских предлогов вытеснен итальянским предлог *bez* «без» — *senca* (итал. senza): *Tata, maš se јopta ženit, aje ne morem bit senca matere* (Kalendar 1974, 41) «Отец, сначала женись, так как я не должна быть без матери»; срав. также предлог *kuntra* «против» вместо славянского предлога *protiv*: *Jesu ga optužili (accusarono) ke činjivaše propagandu «slavensku» kuntra државе (stato)* (Kalendar 1973, 38) «Его

обвинили [в том], что он вел «славянскую» пропаганду против государства».

19.37. Ряд славянских союзов полностью вытеснен соответствующими по функции итальянскими: та «но» вм. *ali*, е «и» вм. *i*, о «или» вм. *ili*, *ke* (*ka*) «который» (итал. *che*) вм. *koji*: *Mati je bila kupila sljive e hi tijaše dati dicami poslije ke su bili jili* (NJ, 1970, 5—6, 28) «Мать [как-то] купила слив и хотела их раздать детям после того, как они пообедали бы»; *Do vina se produčili malo, ma je dobro i iščepo* (NJ, 1967, 1, 11) «Вина изготовляли мало, но оно хорошее и в спресе»; *Nimahu hiže zazigjen, ma rajare (sapanne) pokrijane sa slamom o s granami* (Kalendar 1974, 38) «У них не было построенных домов, а [только] шалаши (хижины), покрытые соломой и ветвями»; *Naš život prohode kana vitar ke puše sada 'na mala e pa nije ga već* (NJ, 1969, 1—2, 10) «Наша жизнь проходит, как ветер, который дует сейчас понемногу — и его уже нет».

20.38. Весьма активно использование в молизско-славянском созданной по итальянскому образцу конструкции, состоящей из предлога *za* и инфинитива: *Ona je molila divojkicu za prparat za jist za njega* (Kalendar 1974, 41) «Она просила девушку приготовить ему покушать»; *dica ke su hodili u školu za se naučiti pisati naš jezik* (NJ, 1967, 1, 15) «дети, которые ходили в школу научиться писать на нашем языке». Срав. итал.: *ragazzi che hanno frequentato la scuola per imparare a scrivere la nostra lingua*.

Молизско-славянский словарь отличается рядом весьма специфичных черт. Так, в нем сохранилось много древних славянских слов с исконным значением, не характерным для современных языков и диалектов южных славян: *vonj* «вонь», *vonjat* «вонять» (серб.-хорват. *vonjati* «пахнуть»), *gabit* «работать» (серб.-хорват. в этом значении — *gaditi*) при *teg* «работа» (серб.-хорват. *gad*), *publice* (срав. русск. бублик), *grad* «село», «поселение» (при серб.-хорват. *grad* — «город»), *hiža* «дом» (серб.-хорват. *kuća*), *iskat* «искать» (серб.-хорват. *tražiti*), *jelitica* «кровяная колбаса», *pot* «пот» (серб.-хорват. *znoj*), *zabit* «забыть» (серб.-хорват. *zaboraviti*), *upijat* «вопить», «кричать» (серб.-хорват. *vikati*), *uzma* «воскресенье» (серб.-хорват. *uškrš*), *vazet* «взять» (серб.-хорват. *uzeti*), *rugat* «ругать» (серб.-хорват. *grditi*, *psovati*) и др.

Ряд слов общеславянского характера в молизско-славянском приобрел специфичные значения (южнославянские диалекты таких значений, как правило, не подтверждают): *kost* «нога», *ljud'* — это не «люди», а «человек» (по итальянскому образцу: *uomini* «люди» — *uomo* «человек»), *tovač* — это «ноша», «груз» и «осел», *vrag* «черт» и *vgaži* или *vgažji* «чертов», *čuda* «много», «очень». Срав. также глагольные формы для семы «рожать»: *otelit sa* или *otelit se* (в Аквавиве), *obabit sa* или *obabit se* (в

Сан Феличе) и *godat* (в Монтемитро); в оборотах: *hlib kruha* «большая часть» (досл. «хлеб хлеба»), *dobar glad* «хорошего аппетита» (досл. «хорошего голода!»), на *gam* — не только «на плечи», но и «на себя»; срав. также: *dub* — это не только «дуб»; но и «дерево вообще», *ulica* не только «улица», но и «полевая дорога», *ogat* — это и «пахать» и *futuere* (для последнего значения используется также глагол *ngicat* и др.).

В молизско-славянском нет слова со значением «народ» — обычно в этом случае обходятся словом *čeljad'* «люди»; молизско-славянский не знает слова «война» — при необходимости употребляют итальянское *guerra* (обычно в форме *guera*). Сохранив слова для сем «лето» (*lit*) и «зима» (*zim*), молизские славяне утратили славянские по происхождению слова для обозначения весны и осени. Аналогичное можно сказать и о названиях понедельника, как *prvidan* или *parvidan* «первый день (после воскресенья)» при наличии общеславянских корней для обозначения других дней недели: *jutarak* или *jutorak* «вторник», *srid'* «среда» и проч. Итальянизмы вытеснили из основного словарного фонда ряд слов, например используются: *fjak* (< абруцц. *fiacche*) для значения «слабый» (южнославянское *slab* не известно), *kača* (< итал. *caccia* «охота», срав. также: *kačat* «охотиться»; *kačatur* «охотник» (южнославянское *lov* не употребляется), *medik* (< итал. *medico*) «врач» (южнослав. *likar* не известно), *lejit* (< абруцц. *legge*, итал. *leggere*) «читать» (нет южнослав. *čitati*), *kandat* или *kantat* (< абруцц. *canda*, итал. *cantare*) «петь» (южнослав. *pivati* не используется), *škur* (< абруцц. *scure*, итал. *scuro*) «темный» (южнослав. *taman* не используется), *vičip* и *vičina* (< абруцц. *vecine*, итал. *vecino* и *vecina*) «сосед» и «соседка» (южнослав. *susid* не известно), *pur* (< кампобасск. *pure*, абруцц. *pure*) «также» (при отсутствии южнослав. *takođe*, *također*), *rispunit* (< абруцц. *aresponne*) «отвечать» (южнослав. *odgovoriti* не известно) и т. д. Этот процесс является до настоящего времени живым и активным, о чем свидетельствуют многочисленные примеры конкуренции молизско-славянских и итальянских слов основного словарного фонда, срав.: *vazda* «езде» и *semaj* (< абруцц. *semprema*), *svitlica* или *sfitlica* «окно» и *funeštra* (< кампобасск. *funeštra*), *baba* «бабушка» и *popa* (< абруцц. *poppe*, итал. *poppa*) и под.⁶³

Если как диалект молизско-славянский питался преимущественно итальянскими заимствованиями локального характера (из абруццкого диалекта и его кампобасской разновидности), то иная ситуация в этом смысле наблюдается при формировании молизско-славянского литературного языка. Для обновления и пополнения словарного состава, а тем самым и для расширения коммуникативных возможностей молодого языка используется прежде всего обращение к своему национальному литературному языку — хорватско-сербскому. Этот путь, как мы уже

показали, был предложен в прошлом веке де Рубертисом. В молизско-славянских изданиях хорватско-сербская лексика, дабы быть более понятной, снабжается, как правило, различного рода пояснениями в скобках. Это могут быть описательные пояснения на родном языке — вот несколько примеров из молизско-славянского календаря на 1974 г.: *dat štokodi do pinezi za zabavu (divertimento) do omladine (do čeljadi več mladihi)* «дать кое-что из денег для веселья молодежи (людей очень молодых)»; *igračke* — «игрушки» — пояснено, как *stvare za se šalit* «вещи для игры» (досл. «для играть»), *biše trudna* «была беременна» — как *čekaše dite* «ждала ребенка», *na čelu* «во главе» — как *napred nje* «впереди нее» и т. п.

Однако в большинстве случаев в скобках даются итальянские эквиваленты, поскольку молизские славяне в основе своей двуязычны, и, естественно, лучше владеют итальянским, чем хорватско-сербским. Эквивалент может быть словом, давно вошедшим в молизско-славянский словарь (обычно это локализм); следовательно, в этом случае речь идет о вытеснении итальянизма: *odgovaga* «отвечает» поясняется итальянизмом локального происхождения *rispunjiva*, *pjevači* — *kantani*, *seljaci* — *kafuni*, *rajčice* — *pomodori*, *vijest* — *nutisija*, *susjed* — *vičín*, *šetaju* — *pasijaju*, *slava* — *glorija*, *učitelji* — *meštri* и т. п.

Преимущественно все же приводится эквивалент из итальянского литературного языка:

milost — *grazia*, *pozdrav* — *saluto*, *kraljevstvo* — *regno*, *nemoguće* — *impossibile*, *na visini* — *in alto*, *zajednica* — *comunità*, *odluka* — *decisione*, *osobito* — *specialmente*, *zamisli se* — *si impensierisce*, *novčanica* — *biglietto di banca*, *hiljadarka* — *biglietto da mille* и под.

Вот несколько примеров из контекста: *Malo dana nazad, jena naš poslanik (deputat) je činija znati ke vlada (governo) je odobrila veče do devetnaest (deset devet) milijuna za činiti elektrovod (elettrodotto) ... (NJ, 1967, 2, 18)*; из календаря на 1973 г.: *Fašisti su vre počmili zlostavljati (maltrattare) narod (popolo) do ovih misti; Njemu nisu več dozvolili (permisero) prevoziti (trasportate) robu (merce) u njevogim brodovami (35)*; из календаря на 1974 г.: *Dan poslije je ferja: čitava (intera) ulica Indipendencije je puna do klupi (banchi) e zgora njihi se vidu stvare do svake vrste (genere), osobito (specialmente) halje, igračke (stvare za se šalit), ukras (ornamento) do zlata falza (39)*.

Что касается итальянизмов как непосредственных компонентов текста, то их роль значительно снижена, хотя все еще большее их число активно используется в молизско-славянском литературном языке. В словаре Б. Видова (часть молизско-славянско-итальянско-хорватско-сербская, стр. 45—96) из приблизи-

тельно 2 400 слов около 400 — итальянизмы, т. е. каждое шестое слово.

На приведенном ранее материале мы показали процесс постепенного вытеснения заимствований, проникших из итальянского языка. Однако в молиско-славянских текстах итальянизмы играют весьма специфическую роль — с их помощью, как уже было отмечено, толкуются и тем самым внедряются слова из литературного хорватско-сербского языка (срав. приведенные выше примеры). Здесь итальянский выступает языком-посредником, косвенным образом способствующим, с одной стороны, обновлению молиско-славянского словаря, с другой стороны, — процессу сближения молиско-славянского с литературным хорватско-сербским языком.

Необходимо подчеркнуть, что литературный хорватско-сербский язык рассматривается молискими славянами не только как источник развития своего языка. Он представляется конечной целью, к которой мыслится идти через посредство развития родного языка и его дальнейшего сближения с национальным литературным языком. Причем сближение идет не только лексическое. В молиско-славянских текстах весьма ощутимо грамматическое влияние литературного хорватско-сербского языка: *Putem se vidija 'na prizor ke svaku godinu* (вм. *svak gošt*) *sa povrća u našem gradu* (вм. *u naš grad*) *e u drugim gradićima* (вм. *u drugi gradićami*) (NJ, 1967, 1, 13); *Parente, kume, amike pozvane dan prije* (вм. *dan paza или nazad*) ... (NJ, 1969, 1—2, 15); *Naše srce će biti puno* (вм. *naš src' или srca će biti pun*) *do radosti (kundendice) onu noću kada iz Brda čemo mogli viditi* (вм. *vidit*) *svitlo gdi* (вм. *di*) *danas je dimboka škurina* (NJ, 1967, 2, 18) и под.

Отмеченным процессам (развития и сближения) в наибольшей степени благоприятствует то обстоятельство, что для молиско-славянского литературного языка была принята та же графическая и орфографическая система, что лежит в основе современного хорватско-сербского языка, т. е. хорватская латиница, или «гайица» («гаевица») с ее специфическими знаками *ć, č, ž, š* и лигатурами *nj, lj*. Что касается знака *d*, то вместо него употребляются лигатуры *dj* либо *gj*. Весьма активно используется апостроф, с помощью которого указывается на отсечение (или элемент укорачивания) в начале или конце слова: *'na ljud* (< *jena ljud*), *'z Kruća* (< *iz Kruća*), *d'one bane moга* (< *do' one bane moга*) и т. п. Так же, как в сербско-хорватском, в основу орфографии молиско-славянского положен знаменитый принцип Вука Караджича «Пиши, как говоришь».

Обращение молиско-славянского литературного микроязыка к своему национальному литературному языку — хорватско-сербскому как основному источнику развития своей граммати-

ческой системы и лексического состава — это путь, характерный для большинства современных славянских литературных микроязыков.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Н. И. Толстой. Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период. — В сб.: Славянские литературные языки в донациональный период (тезисы-доклады). М., 1969, с. 14.
2. См.: А. Д. Дуличенко. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. — Советское славяноведение, 1972, № 3, с. 38—50.
3. В. В. Макушев. О славянах Молизского графства в южной Италии. — Записки императорской Академии наук. Т. 48, кн. I. Спб., 1870, с. 31.
4. Такие цифры приводятся в небольших сообщениях Г. И. Асколи в изд.: *Rivista italiana*, 1863, N 140, 25 maggio; *Politecnico di Milano*, 1867, marzo.
5. См., например: L. Cermetj. *Slovinci in Hrvatje pod Italijo. Med obema vojnama*. Ljubljana, 1965, str. 18.
6. G. Scotti. *Hrvatske oaze u južnoj Italiji*. — *Matica. Iseljenički kalendar* 1966. Zagreb, [1965], str. 109.
7. Итальянский славист А. Крониа пытался оспаривать открытие молизских славян для науки де Рубертисом, указывая на более раннюю работу итальянца П. Волье: *Saggio intorno agli Schiavoni stabiliti in Matera nel s. XV* (Napoli, 1852). Однако эта работа так и осталась неизвестной ученому миру. См.: A. Cronia. *Per la storia della slavistica in Italia*. (Appunti storico-bibliografici). Zara, 1933, p. 65.
8. G. Vegezzi-Ruscalla. *Le colonie serbo-dalmate del circondario di Larino, provincia di Molise*. Torino, 1864.
9. См.: И. де Рубертис. Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. М., 1958, январь-март, кн. I, с. I—IV, 6—29.
10. В. В. Макушев. Указ. соч.
11. До этого И. А. Бодуэн де Куртенэ писал о южноитальянских славянах, основываясь на работах других авторов, см., например, его статьи: *О славянах в Италии*. — «Русская мысль», 1892, кн. 6, стр. 25—27; *O Slowianach we Wloszech*. — *Ognisko*. Warszawa, 1882, s. 328—334 и др.
12. M. Rešetar. *Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens*. (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung. I. Südslawische Dialektstudien. N. Y). Wien, 1911.
13. См. его большую работу: *Српске насеобине у јужној Италији*. (Први извјештај). — *Гласник Српскога Ученог Друштва*, Београд, 1885, књ. 62, стр. 273—340.
14. J. Vargač. *Hrvatske kolonije u Italiji. Smilje i bosilje po jezičnoj bašči*. Split, 1904.
15. J. Smoljaka. *Posjet apeninskim Hrvatima. Putne uspomene i bilješke*. Zadar, 1905.
16. A. M. Cirese. *I canti popolari del Molise. Canti di circostanza e componimenti vari testi Albanesi e Slavi*. Vol. II. Rieti, 1957 (глава XVI: *Canti slavi di Acquaviva Collecroce, Montemitro, S. Felice del Molise*, p. 191—261).
17. A. Zaręba. *Próba stworzenia nowego literackiego języka słowiańskiego we Włoszech*. — *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 13. Warszawa, 1974, str. 261—275.

18. P. Slavić. Kod moliških Hrvata. — Matica. Iseljenički kalendar 1969. Zagreb, [1968], str. 266; U. Fratamico. Brevi notizie storiche di Acquaviva Collecroce. Vasto, 1973, p. 21—23.
19. Politecnico di Milano, 1867, marzo.
20. Упоминаются обычно следующие сборники: I martiri di Mantefalcone e Cassavone. Campobasso, 1863; Casimiro Bogdanovich, Episodio dell'in surruzione Polacca del 1863. Campobasso, 1863.
21. Poesie serbe di Medo Pucić (Orsato Pozzo) volgarizzate da Giovanni de Rubertis, Italo-Slavo, direttore del ginnasio in Casacalenda. Campobasso, 1866; 2 ed., Caserta, 1869.
22. Сонет был опубликован только в 1908 г. в работе: A. Baldacci. Die Slawen von Molise. — Globus, Braunschweig, 1908, Bd. XCIII, N 4, S. 58.
23. Цит. по русскому переводу писем де Рубертиса, опубликованных в «Чтениях», с. 10.
24. В книге А. М. Чирезе («I canti popolari del Molise», p. 210—215) отмечено 7 вариантов этой песни.
25. М. Rešetar. Op. cit., S. 297.
26. См. работу Р. Ковачича «Српске насеобине...», стр. 328—329.
27. М. Rešetar. Op. cit., S. 290, 293—294.
28. G. Vegezzi-Ruscalla. Op. cit., p. 23—30.
29. G. Papanti. I parlari italiani in Certaldo alla festa del V centenario di G. Boccaccio. Livorno, 1875, p. 690—691.
30. М. Deanović. Jedan tekst u dijalektu naše kolonije u južnoj Italiji. — Anali Jadranskog instituta, Zagreb, 1958, sv. II, str. 363—364.
31. И. де Рубертис. Указ. соч., стр. 24.
32. Р. Ј. Мичалиа. Blago jezika slovinskoga illi Slovník u Komu izgovarajuse rjeci Slovinske, Latinski i Diacki. Lavreti, 1649.
33. См., например: G. Scotti. Op. cit., str. 105: «zna se, premda nisu propadela, da je napisao [de Rubertis] i druga djela medju kojima gramatiku hrvatskog dijalekta u Molisu».
34. См.: М. Deanović. Op. cit., str. 360.
35. См.: А. Baldacci. Op. cit., S. 47—48.
36. И. де Рубертис. Указ. соч., стр. 24.
37. И. де Рубертис. Указ. соч., стр. 20.
38. G. Scotti. Op. cit., str. 110—111.
39. М. Varoš. «Slovinska biblioteka» u Kruču. — Naš jezik — La nostra lingua, Roma, 1970, god. 4, N 3, str. 8—9.
40. J. Barać. Op. cit., str. XXXIII.
41. A. Baldacci. Op. cit., S. 58: «Viele unter unseren Slawen hoffen, die Regierung werde in den Schulen der drei Gemeinden auch den Unterricht ihrer Muttersprachen einrichten. Das wäre nur eine Rücksicht, auf die diese letzten Überbleibsel ein Anrecht hätten».
42. G. Scotti. Op. cit., str. 107—108.
43. V. Vrcić. Iseljenici prije Kolumba. — Matica. Iseljenički kalendar 1974. Zagreb, [1973], str. 89; U. Fratamico. Op. cit., p. 1—2.
44. G. S. Život «hrvatske kolonije» u Abruzzama. — Vjesnik, Zagreb, 1967, 6. VII, str. 7.
45. Naš jezik — La nostra lingua, Roma, 1969, god. 3, N 1—2, str. 19.
46. Kalendar molisanskih Hrvata Mundimitra, Stifilića i Zivevode- Kruča. 1973. Calendario in dialetto delle localita dell'isola linguistica croata nel Molise Montemitro- San Felice — Acquaviva Collecroce. Toronto, [1972], 64 str.
47. Kalendar molisanskih Hrvata ... 1974. — Calendario... Toronto, [1973], 52 str.
48. Kalendar na ikavsko-štokavskom govoru stanovnika hrvatskog podrijetla Mundimitra — Sti Filića — Kruča u pokrajini Molise, Italija. 1975. — Calendario in dialetto delle localita dell'isola linguistica croata

- nel Molise Montemitro — San Felice — Acquaviva Collecroce. Toronto, [1974], 44 str.
49. Narodne pjesme molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji. — Canti popolari dei Croati (Slavi) Molisani dell' Italia Centrale. Sabrao i priopcio Božidar Vidov. Grottaferrata, 1968, 14 str.
 50. Например, стихи Дж. Чиканезе и П. Пикколи в подборке Д. Човича «Uz pjesme pripadnika hrvatske narodnosti u evropskim zemljama». — Matica. Iseljenički kalendar 1969. Zagreb, [1968], str. 183—184.
 51. Перевод с итальянского; см.: Naš jezik — La nostra parola, Roma, 1967, god. 1, N 2, str. 13—14.
 52. B. Vidov. Gramatika ikavsko-štokavskoga govora molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji. — Grammatica del dialetto ikavo-štokavo dei Croati (Slavi) del Molise. Grottaferrata, 1968, 47 p.
 53. Полное название 2-го издания грамматики: Grammatica del dialetto ikavo-štokavo delle località dell'isola linguistica croata nel Molise Montemitro — San Felice — Acquaviva Collecroce. — Gramatika ikavsko-štokavskog govora stanovnika hrvatskog podrijetla Mundimitra — Sti Filića — Kruća u pokrajini Molise. Toronto, 1974, 60 p.
 54. Полное название словаря: B. Vidov. Vocabolario del dialetto delle località dell'isola linguistica croata nel Molise Montemitro — San Felice — Acquaviva Collecroce. — Talijansko-hrvatski i hrvatsko-talijanski rječnik ikavsko-štokavskog govora molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji Mundimitar — Sti Filić — Kruć. Toronto, 1972, 96 p.
 55. M. Rešetar. Op. cit.
 56. A. Zareba. Op. cit., str. 264—268.
 57. P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. Bd. I. Allgemeines und die štokavische Dialektgruppe. S. Gravenhage, 1958, S. 248—269.
 58. M. Rešetar. Op. cit., S. 362, 386.
 59. V. Vrcić. Op. cit., str. 91.
 60. Справ. «Teško se razumijemo, osobito ako govore brzo. Oni upotrebljavaju mnoge nama nepoznate, arhaične riječi». — P. Slavić. Op. cit., str. 267.
 61. J. Smodlaka. Op. cit.
 62. Помимо собственных наблюдений, мы используем в незначительной степени материал названных работ М. Решетара и А. Зарембы. При определении итальянских черт в молизско-славянском здесь и далее используются: работа Ф. Д'Овидио о кампобасском говоре абруцского диалекта итальянского языка, см.: F. D'Ovidio. Fonetica del dialetto di Campobasso. — Archivio glottologico italiano, Roma, 1878, vol. 4, p. 145—184, а также словарь абруцского диалекта Дж. Финаморе, см.: G. Finamore. Vocabolario dell'uso abruzzese. 2 ed. Città di Castello, 1893.
 63. Вообще вопрос об итальянизмах в молизско-славянском — тема особого разговора, к которой мы предполагаем вернуться в недалеком будущем. Здесь мы не ставили цель дать их всестороннюю характеристику (по фонетическим, семантическим и иным признакам), поскольку это отвлекло бы нас от нашей главной задачи — вскрыть основные этапы формирования и развития этого молодого литературного микроязыка. Мы говорим лишь об основных чертах итальянского происхождения в молизско-славянской лингвосистеме и о роли итальянизмов в формировании молизско-славянского литературного микроязыка.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей подборке молизско-славянские литературные тексты представлены в хронологической последовательности и в жанровом распределении: Тексты снабжены лексическими комментариями, т. е. толкованием специфически молизско-славянских слов либо слов, известных диалектам и литературному сербско-хорватскому языку, но в молизско-славянском выступающих в своеобразной форме, препятствующей пониманию текста. В нескольких случаях вместо лексических комментариев после текстов следуют переводы на литературный хорватско-сербский язык тех же текстов.

ТЕКСТЫ XIX ВЕКА

1. Giovanni de Rubertis. Vlahinja zljubljena.

Di si pošā lipi sunce?
 Di si pola zvizda moja?
 Ova duša biše tvoja:
 Ko je t'oja sprida men?
 Svaki hip ja ta vidahu,
 Bihu veseja krajem teb';
 Reci men, si jes u neb',
 K' onda vazet ću ta do.
 Uboh ja! ka ti s ma uzdala,
 Je ta ima drugi dičalje;
 Koji Bog, koji kralje
 Ma ta prosti na' vi sfit?
 Ti maši plakat ove suze,
 Ko ja hitam svake noće,
 Gruba, nemila ove oče
 Vazda plakat maju ta vit.
 Ah! Ja ne ćem tvoje suze,
 E ti hoćeš suze moje;
 Ovi serce jošē je tvoje;
 Nisa nemilo kakuo ti.
 Ka ja stojim s dolā zemlje,
 Niktor plakat će ma doći:
 Di ja stojim nimaše proći,
 Nimaše gaznit moju jam.

Из: И. де Рубертис. Славянские колонии в Неаполитанском королевстве. — Чтения..., стр. 28—29.

Vlahinja — итаљјанка; здесь: возлюбленная, любимая; zljublјena — влюбленная; di — где; здесь: куда; роџа и pola — пошла; ko — кто; t'oja — отнял (увел) тебя; sprida — на глазах; hip — момент, час; vazet џu ta do — приду тебя взять; uzdala s ma — обманула меня; diџalje — мальчик, парень, молодец; па' vi siit — на этом свете; ko — здесь: которые; hitam — бросаю; здесь: проливаю; vazda — всегда; ta vit — тебя видеть; здесь: видя тебя; e — и; kaкuo — как?; ka — здесь: когда; stojim — стою; здесь: стану, буду; s dola zemlje — под землей; nimaše proџi — ты не должна пройти; nimaše gaznit — ты не должна топтать; jam — здесь: могила.

2. Хроника XIX в.

Storija jistina na rivoluciju do Šicilije oš do Napole nga gost mille ottocento sessantassei: — Kada Josep Garibaldi dop ke je tuka oš dobbije soldat Borbuneni, a Franџesko sekondo je uša iz Napule, na sedam do misaca suteambr je uliza u štisu Napole e ja sa џij ditatur, e pakta je doša kana Vitorjo Emanuele secondo kralj. џuddo gradi su џil regaџijun, ka tijahu jopta Franџesko secondo a ne tijahu veџ Vitorjo Emanuele secondo. Usri torkoho gradi Munddžalfun je џija pure on ragaџijun e kapitan do, onihi, te tijahu Francisk, se zovaš Farano.

Перевод на хорватско-сербский язык: Istinita povijest revolucije od Sicilije do Napulja iz godine 1860: — Kada je Josip Garibaldi, pošto je porazio i pridobio za se burbonsku vojsku i (pošto je) Franjo II pobjegao iz Napulja sedmog septembra, ušao u taj isti Napulj i postao diktator; zatim je došao kralj Vittorio Emanuele II. Mnogi gradovi bili su reakcionarni jer su htjeli opet Franju II, a nisu htjeli za kralja Vittoria Emanuela II.

G. Scotti. Hrvatske oaze u južnoj Italiji. — Matica. Iseljenički kalendar 1966. Zagreb, 1965, str. 110—111.

3. Перевод 1-го дня 9-ой новеллы из «Декамерона» Дж. Бокаччо.

Govorem dakle, da na vrimu pervoga Kralja Ciprina, potli vasetija zemlja sveta po Guffred Buljunow, je bio da nika dragostiva žena Guscognova, je pošla suputnica u grobu, odkuda vratujuџ, u Cipru došla, po nika zale ljude hlapno je bila izapsovana. Za to ona bez ikoja utiha jadajuџ, je mislila poџi praviti Kralju, ali su reklo njoju, da bi tegh zgubila; poklé on biše torko ponizan do života, i torko mali milosardnik, da pace tuje uvrjde pravdom odkupiti, nezbrojne odurnom prikornostom

njemu cinjene tarpejaše; zašto koj imaše ikoja rasarda, ova, cinjuč njemu uvrida, al sramota zapacijajaše.

Koja stvar ciujuč žena bez uhvanja fantenja, za ikoja utiha svoja prigrušenja, je nakanila ujesti lenost Kralja; i pošla placijajuč napri njemu, je rekla: «Gospodar moj, ja negrem napri tebi za imati fantenja do uvrida, koja su meni cinile; ali na zadavolnosti onoj, tebe molim da meni kazaš one, koje ciujenr da jesu tebe cinjene; pokle do tebe nauciujuč, ja bi mogla moja sterpljivostno tarpiti; koja, znade Bóg, ako ja bi mogla ciniti, dobrovoljeno bi tebi darovila, zašto jes torko dobár nositelj».

Kralj jošé tada (ovvero, dotle) bil spor, i len, ako do sar bi sa probudio, pocinjuč di uvrida cinjena ovoju ženi, koja krutno je odkupio, nanaprošljiv nastornik (ovvero, naslidnik) je postio do svako, koj proti poštenje svoja kruna štogod bi cinio po napredka.

G. Papanti. I parlari italiani...
Livorno, 1875, p. 690—691.

Перевод на хорватско-сербский язык: Kažem dakle, da se u vrijeme ciparskog kralja, nakon što je Gofrid Bujonski osvojio Svetu Zeinlju, dogodilo to, da je jedna plemkinja iz Gvaskonje pošla u hodočašće na Grob, odakle vraćajući se i stigavši na Cipar, bje grubo uvrijedjena od nekih prostaka. Zbog čega, tugujući bez nade u osvetu, naumi potužiti se kralju; ali joj netko reče, da bi joj trud bio uzaludan stoga, što je on tako popustljiv i slabić, te ne samo da ne kažnjava po zakonu tudje uvrede, već na veliku sramotu kukavički podnosi čak i bezbrojne uvrede nanesene njemu samome, pa da zato svatko svoju muku iskaljuje vrijedjajući i sramoteći njega samog.

Čujući ti ova gospodja, očajna što ne biti osvećena, da se bar nekako utješi, odluči da će spomenutom kralju predbaciti njegovu nesposobnost; i plačući ode k njemu te mu reče: «Gospodaru moj, ja ne dohodim pred tvoje lice da tražim osvetu za nanesenu mi uvredu; ali mjesto toga molim te, da me poučiš, kako ti podnosiš uvrede, koje čujem da su ti nanesene, pa da tako, ugledajući se u te, budem i ja mogla strpljivo podnijeti svoju: sam Bog zna, kako bih, da mogu, svoju uvredu rado prenijela na tebe, koji ih tako dobro podnosiš».

Kralj, dotad trom i lijen, kao da se iza sna probudio, i kaznivši strogo onoj gospodji nanesenu uvredu, uze progoniti svakoga onoga, koji bi se otada ikako ogriješio o čast njegove krune.

M. Deanović. Jedan tekst u dijalektu naše kolonije u južnoj Italiji. — Anali Jadranskog instituta, Zagreb, sv. II, 1958, str. 359.

ОБРАЗЦЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

4. Milena Lalli: Nostalgija.

Čujem nostalgiju za tebe.
 Ka' te mislim, 'z naduga te vidim.
 Vidim tvoje hiži, čujem vitar
 kada puse usri' tisne ulice.
 Gledam na vrhu brda aš ga vidim
 crnjeli tvoj lipi neb' ka' pada sunce.
 Vidim duba s prahom ka' činu hlad.
 Zgora bili put, vidim
 snig po zim' kada sve
 te pokriva aš te ostava sam.
 Teb' sam jopte vidila,
 a moja oča bihu zatvorena.

Drago mi je

Drago mi je
 kada se vraćam
 'di je moj grad,
 svaki gošt
 do liš',
 kada njive
 mrlišu sladića,
 a brda
 se pokrivaju
 do brnistre.

Stare zid'

Stare zid'
 do moje hiže,
 koje kano ja
 ustarite,
 jena dan
 česte živit'
 i kako semaj
 koji tič
 će činit'
 zgora vas
 njegov gnizdo.

Za poet Majakovskij

Baš nako:
 «Suzami
 do ganuća».
 I naza' mene
 druge još
 će lejiti'

tvoje
 poezije
 ni do ljuda
 no do
 «oblaka u grabeš».

M. Lalli. Sfile 'z naduga. Toron-
 to, 1972, str. 5, 12; 17, 19.

Naduga — издалека; hiže — дома (им. п. мн. ч.); puse (также: puše) — носится, дует; usri' — среди; aš — ѝ; crnjeli — красный; duba — деревья; ka' činu hlad — которые делают тень; zgora — сверху; jopte — опять, снова; oča — глаза (им. п.

мн. ч.); gošt — год; lit' — лето; mrlišu sladića — пахнут сладостью; brnistre — вид травы либо цветов; zid' — стены; do — здесь: как предлог, управляющий род. пад.; kapa — как; usta-rite — постареете; semaj — всегда; tić — птичка; zgoza vas — над вами; baš nako — именно так; do gapića — волнения, потрясения (род. п. ед. ч.); paza' mene — после меня; lejit' — читать; poezije — стихи; ni do ljuda — не человек; u grabeš — в штанах.

5. Angelo Genova. Kruh.

Ti,
dita do vrimane nove,
ke restaš idući slakanje,
ne poznajaš mrluš do kruha
misijan
s rukami materina tyoja.

Jutro rano,
kada sve mučša e
samo sušanj do zvizda
zipkaša stvare do svita,
mati, naša mati,
misaša bila muka ke
do težak teg mrlušaša.

Mati nonda,
poklonjana sgora načvu,
rabaša za njevog sin.

E, prije ke iskle
do nova sunca
cekijahu vlasije do zlata
do dica,
do frižaka kruha mrluš
po hižam raširen biša.

E ti,
dita do sada,
igračke imaš, ma
u kruhu, materina
dobra ne čujaš.

Naš jezik — La nostra parola,
Roma, 1968, N 6—7, str. 8.

Do vrimane pove — новых вре́мен; restaš — ты растешь; slakanje — сладкое; mrluš — запах; misijan — замешенный; mučša — молчало; sušanj — лист; шорох, шелест; zipkaša — колыхало; ke do težak teg mrlušaša — которая (мука) пахла тяжелой работой; nonda — потом, тогда; sgora načvu — сверху вниз; gabaša — работала; iskle — искры, лучи; cekijahu — коснулся; frižaka — свежего; raširen biša — распространился; dita

do sada — современное дитя, ребенок; ma — но; dobrina — доброта.

6. Matteo Ferrante. Naš život.

Naš život prohode kana vitar
ke puše sada 'na mala
e pa nije ga već.

Kana mor ke se muni
za jako vitro ke ga tuće,
tako je naš život... svaki dan.

Koju votu smo sretni,
kada duša je dobra;
nonda mislimo ke ćemo živit'
ke bi mi tili živit' semaj tako.

... Ma sutra... sutra jope vitar
će tuć mor našeg života...

Naš jezik — La nostra parola,
Roma, 1969, N 1—2, str. 10.

Puše (и puse) — носится, дует; 'na mala — понемногу; mor — море; se muni — волнуется, плещется; koju votu — который раз, сколько раз; tili — хотели; jope — опять, снова; tuć — волновать.

7. Isep Cicanese. Nemesis.

'Z one bane mora su do(š)li
naši, didi,

a sa' jope' po moru

gredu dica naša po svitu.

Pet stotin' godišť' su pro(š)l,

a još druge suze naše matre

daju zemlji, vitru, Bogu.

Jesm(o) kana šušnja, a zlo

je s nami kada plaćem(o)

aš sa smijem(o).

Zemlja, hiža, žena moja,

'di istina nahodim vas?

Calendario in dialetto ...
1973. Kalendār molisanskih
Hrvata ... Toronto, [1972],
str. 50.

Nemesis — Немезида; 'z one bane mora — с той стороны моря (т. е. из Далмации); do(š)li su — прибыли, пришли; gredu — идут, направляются; godišť' — лет, годов; pro(š)l — прошло; šušanj (и sušanj) — лист.

8. Pasqualino Piccoli. Zbogom.

Si ga greš
pur ti brat!
Sa(d) znam
korko je udno
kada jena brat
si ga greda
na dugo.
Zbogom!

Si ćeš zabit
kanzune
ka činahu vesele naše večere
neš moć zabit(i)
'ni kratki vrime
kada bihma mladi
vrime ka s on'mi. kanzuni
sa gubaše kana maglina.
Zbogom!

B. Vidov. Gramatika ikavsko-štokavskoga govora...
Grottaferrata, 1968, str. 36.

Si — если; pur — также; sa(d) — сейчас, в настоящее время; korko — как, сколько; greš — здесь: уезжаешь; zabit — забыть; kanzune — песни; neš moć — не сможешь.

ОБРАЗЦЫ ПРОЗЫ

9. Matteo Ferrante. Dva kumovlja.

Na svitú je semaj kokodira ke čini tune stvaré kako si bī se šalija. Pur ja poznajem nike čeljade do tihi. Jena verje sve ono ke čuje e, si kokodira mu reče ke on je 'na 'ngjenjir, on verje pur to e gre reći tunimi ke on je 'na 'ngjenjir. Drugi jena je 'na ljud ke nije mu drag' za rabit' e išče semaj za jist oš, za živit' na plećami do drugihi. Ovi je 'na lisac potegnijan, jena ga misli e 'nu stotinu hi čini; drugi je 'na glupavac, ma nike vôte umi pur on kako 'ma činit' za orat' čeljade.

Oni glupavac ga zovaju Cipirilić, ma njegov ime je drugi jena. U njegovu gradu sve ga poznaju e, pur na gradićami ke jesu krajem njegovoga, sve znadu ko je Cipirilić, pur si čuda čeljade nisu ga maj vidili e, si bi ga vidili putom, ne bi ga poznali. Za znati ko je, bi imali prije čut' njegov ime. Drugi se zova Pep e je kum sa Cipirilićem.

Nike godište nazad, u gradu Cipirilićinu činjavahu 'na put nov e bihu tri o četar 'ngjenjira ke rabahu. Ovi Cipirilić je čuja danas govorati do 'ngjenjiri, je čuja sutra, je mislija ke pur on biše 'na 'ngjenjir e tako je mislija to ke...

'Na dan je se usta e, umjesto za se nabučit' kako druge istre e poći van za kopat' trsje, je se vrga 'nu bilu košilju, 'nu lipu kravatu, 'na lipi par grabaše oš 'na gjaketić ke parivaše ke 'maše poći prisegati, je orâ pet stotina lira materi, je se vrga nike giurnale zdola pazuha e je se bija putom novim. Ne znadaše gdi 'maše poći, ma je činija, zaustaviti prvu makinu

ke je prola e je se vrga zgora. Kada ke je rivâ u Mišnjavicu, 'na mali grad gdi nikor ga ne poznajaše, je reka onomu ke je ga nosija ke 'maše ga činit' se skinit'. Jé se skinija e je se bija jenim putićem. Kada je rivâ gdi bihu niže čeljade ke plivahu žit' je se vrga govorit' s njimi.

— Dobar dan, dobre čeljade! — je njimi reka. One, ke bihu istina dobre čeljade, su rispunile njevogu pozdravu. Poslije su pitali onomu ljudu ko on biše, iskle gredaše e što činjivaše. — Ja jesa' 'na 'ngjenjir iz Rome e sa' činija oni most tamo dol zgora rike drugi godišť. Sada činim put novi ke 'ma proći pur ođe, 'di ste vi. Ja sa činija pur one palače ke jesu sada u vašu provincu. Eh, nije jena gošť ke rabim po svitu! —

One čeljade su čule sve to e su ostale s justami tvorjanimi: ne se mblidahu ke moraše proći usrid 'na torko dobar ljud. Su mislile ke 'maše biti dobro ke njivogu novu masariju bi ju činija 'na torko kvalificiran 'ngjenjir e zato su ga mitale 'di njivoga masarija e su mu vrle naprid tun' ono ke imahu: vendričinu, kobasicu, nazbolj' vino ke imahu. Cipirilić je jia, je se napija e sve govoraše: — Tune ove dobre stvare ke imate mi hi ne moremo naći. E ov vino! 'Di sa' ja, nije ga torko dobra! — E jidaše oš pijaše kako u njevogu domu nije bi ma činija, aje biše brižan e nimaše sve ono dobro do Boga.

— Ma ti nisi oženjen? — je mu pitâ spodar do hiže. — Keja, — je reka Cipirilić, — ma moja žena živi u Romu: ju ne morem nosit' za menom sve 'di grem. Ah, si pur ona bi sada mogla sagjat' 'na mala do ove kobasice, ne znam korko bi dala! —

Spodarica je čula to e je rekla sa sčerom: — Skin 'nu kila-tu do te kobasice ter vami 'nu vintanu jaja ke pa ćemo hi dati 'ngjenjiru ke će hi ponit' njevogu ženu. — 'Tijahu činit sretna 'ngjenjira, aje on'maše činit za njih progjet za nazbolju masariju do onoga gradića. Za ovi vrime Cipirilić je bi furnija jist' e govoraše sa spodarom do hiže. On je mu pitâ: — Korko bi se 'tija za zidati 'nu lipu novu masariju ke 'ma biti činjena tako oš tako? — Beh sada ti ne morem reći senca činit' progjet. — je rispuniya Cipirilić. — Sutra ću ga činit' e ću ga vami nositi. Ja se vazem dvadeset miljari lira za svaki mali progjet ke činim; za vas jesu samo deset miljari. Dajte mi hi e sutra ćete imati ono ko hoćete. —

Tako, s ovimi kjakjerami, ke ne znadaše mank on iskle su bi mu dole, Cipirilić je orâ onimi dobrimi čeljadami kobasicu, jaje oš pineze e gja mislaše što 'maše činit' s ovimi stvarami, kada, putom za se vrnit' doma, je frundâ Pepa: biše podne.

Za se činit' lip s Pepom, Cipirilić je mu povidâ sve ono ke je bi činija e kako je bi se činija dat' sve one stvare e je mu reka: — Jesi vidija, kum, kako ja umim činit'? — Pep je mislija 'na mala, pa je činija 'na grub obraz e je reka: — Sa' češ vit

si jesi umija činit', kum! Tamò gor jesu nike karbunire ke tebe iščahu, si one ćeju tebi vit sve te stvare u rukami, ćeju tebe vrći u tamnicu! Daj hi meni te stvare ke ja ću hi poći vrnit' spodarami e tako ti nećeš poći u tamnicu! —

Cipirilić je verja ričami do kuma e je mu dâ u ruke kobasicu, jaje oš pineze, aje je bi se strašija do karbuniri e je si ga poša, sve drčaci, doma. Pur Pep je si ga poša, ma nije vamija put za po' vrnit' sve one stvare spodarami. Je uhitija 'nu put veče dug za si ga poći u njevog dom za se ne činit' vit do Cipirilića.

Cipirilić je vidija istina nike karbunire iz naduga e, za strah, je se hranija na brdu e nonde je stâ fin kada je dola škurina senca jist', pa je se vrnija doma. Ode je naša njevogu mater ke ga čekaše e biše ljuta za pet stotina lira ke on je bi se orâ e još aje oni dan 'mahu furnit' kopati trsje e ona sama nije bi mogla furnit'. Zato Cipirilić je imâ čuda bote s jenim štapom do njevoge materi e je si ga imâ poći leći senca jist'.

E Pep? U večeru je zova njevogu ženu, njevoga brata oš dva kumovlja e skupa su činili 'na lip banket, na plećami do 'ngjenjira ke je verja štoriju do karbuniri e je se strašija... e je imâ na njegovimi plećami samo 'nu lipu racijunu do bota.

Naš jezik — La nostra parola,
Roma, 1968, N 6—7, str. 16—18.

Kokodira — кто-нибудь, кто-то; tune — круглые; do tihi — из таких; jepa — одна; здесь: одни; 'ngjenjir — инженер; gre geći — идет сказать; nije mu drag' — не по сердцу; potegnijap — опаленный, обожженный; nike vôte — некоторые разы; 'ma činit' — делать; ogat' — пахать; futuere; здесь: обманывать; grad — село, поселение; njevoga — его; čuda čeljade — многие люди; maj — никогда; ke gabahu — работавших (досл.: которые работали); istre — утра; kopat' trsje — окапывать виноград; grabaše — штаны; gjaketić — жакет; prisegati — венчаться; giugnale — журналы; makinu — машину; je prola — прошла, проехала; je rivâ — приезжал, прибывал; plivahu žit' — очищали пшеницу; su rispunile — отвечали; iskle gredaše — откуда шел (здесь: идет); ode (и oda) — здесь; palače (и palace) — дворцы, здания; u provinću — в провинции; s justami tvorjanimi — с открытыми ртами; ne se mblidahu — не могли вообразить; 'na — один; здесь в значении неопределенного артикля; toško — только; здесь: такой; masariju — хозяйственную постройку на поле; su mitale — звали; приглашали; vgle (и vge) — было; tun' opo ke imahu — все то, что имели; je jia — ел, кушал; keja — да; sagjat' — съест, покушать; spodarica — хозяйка; sčerom — дочерям; kilatu do te kobasice — круг этой колбасы; vintanu — два десятка; hi ponit' — привезти их, доставить их; 'tijahu činit' — хотели делать; aje — здесь: потому что,

так как; progjet — проект; je bi furnija — заканчивал; oš — и; senca — без; s ovimi kjakjerami — с такой болтавней; je ora — здесь: отбирал, отнимал; gja — уже; je frundâ — встречал; 'na mala — здесь: немного; sa' — сам; я есть; çeš vit — увидишь; tâmo gor — там наверху; karbunire — полицейские; vrci u tamnicu — бросать в тюрьму; drčaci — дрожь; nije vamija put za po'vrnit' sve one stvarê — не отправился вернуть все те вещи; je se hranija — спрятался; nonda — там; je stâ fin — здесь: стал слабым, кротким; je dola — пришла, наступила; škurina — темнота; čuda bote — много ударов, шлепков; leci senca jist' — лечь не кушая (здесь: не ужиная); štoriju — выдумку; gasijunu do bota — порцию ударов, шлепков.

10. [H. Falkenberg]. (псевдоним). Vračar (mago).

Je vrijeme za se ustat, aje autobus će doći vre. Kad si gor, tebi je drago vidit ke jesu koja mista prazna oš moreš sisti. Jena ura i pô za četardeset kilometre nije čuda si misliš ke makina se ferma na čuda mista oš čuda čeljade se penjaju ke skinjivaju palako. Ma ti ne bi mislija maj na ovu stvaru: kad se krajem Palate, biljetar se dvigni oš upija: Klinika! Četar žene 'na malo stare oš dvi divojke se skinu vre do makine. Nimaš ni vrijeme za mislit kako e zašto su činili 'nu kliniku van, di jesu samo njive, aje čuješ kako biljetar se smije oš govori štokodi do ženi ke sad hodaju zgora jenga putića punog do kanduni ke nosi naprid 'nu novu hižu do dvahi sprati (piani); razumiš ke ona je hiža do jenga vračara (mago).

Povidaju ke ovi ljud biše soldat za vrijeme do nazanje guere — u istinu biše kaporal o sargjent — di jena bolnica (spidal) militare e gja do nonda gledaše s velikim interesom ono što činjavahu njevoje ufičjale kada imahu teg sa soldatami ke bihu razboljani o ranjeni (feriti). Tako učaše govorit kakno one oš znadaše pur činiti njifoge kretnje (movimenti). On je bi razumija ke jesu tri one stvari ke maju imati medike: izgled (apparenza) do profesijune, bili ogrtač (camicce) oš stetoskop (ona stvarâ za slušati srce). Si nimaš jenu do ovhi stvari nisi istini medik, benja bi moga biti 'na prvi bolničar (infermiere). Si bi imâ pur naočale (occhiali) s montaturom do zlata oš bi počmija gubit 'na malo do vlasi zgora čela, nonda bi moga biti 'na specijalist. Se smije biljetar, se smiju tri čestar putnici (viadzure), se smiješ pur ti, ma oni ke će se smijat nazbolje će biti vračar ke je gja kupija dvi hiže, niko lipe njive e je pur vazâ titule oš buone ke nosu lipe pineze. A ti nimaš ni norko pineze za kupit 'nu malu makinu râbljenu (do druge ruke).

«Jelâ piò glykâ ópios apatâ plision tu» (Naveč slako se smije

oni, ke mbruljiva njevoga kuma), govori 'na proverbij iz nove Grečje.

Kalendar na ikavsko-štokavskom govoru... 1975. Toronto, [1974], str. 36.

Ura i rô — полтора часа; se ferma — останавливается; se skipivaju — сходят; biljetar — кондуктор; upija — вопит; здесь: объявляет; 'na malo stare — немного постарше; štokodi — что-нибудь, что-либо; zgora jenga putića — сверху по тропинке; do kanduni — камней; do dvahi — из двух; za vreme do nazanje guere — во время последней войны; bôlnica militare — госпиталь; ufićjale — чиновники; teg — работа; здесь: дело; njifoge — их; medike — врачи; do profesijune — профессии (род. п. мн. ч.); jenu do ovhi — одну из этих; benja — может, может быть; s moñtaturom — с отделкой, с оправой; 'na spećijalist — (какой-то) специалист; buone — чеки (денежные); poroko — здесь: столько; slako — сладкое; 'na proverbij — пословица.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО, ИНФОРМАТИВНОГО И ИНОГО ХАРАКТЕРА

11. Angelo Genova. Kako živahu naše prve ćeljade.

Su se rekle ćudahi stvare okola našihi ćeljadi ke su doli živiti 'di mi živimo sada, poslije ke Turci su be okupirali njifogu domovinu (patria). Oni su doli na ovu banu mora ne za strah, ma za ne zgubiti tra njihi vjeru (fede) kristijanu e za ne živiti zdola onihi ke ne verijahu Krista. Hoćem vami povidati kako živahu one naše ćeljade na one vrimene e kako dobre bihu.

U «Villa degli Schiavoni», di sada se zove Cupello, selo malo nadugo do Vasta živahu 100 ognja (famiglie). Nimahu hiže zazigjen, ma pajare (capanne) pokrijane sa slamom o s granami: nonda ležahu, imahu blage, kuhahu, jidahu, imahu baslu. Bihu bogate kana one ke s potom do ćela umu rabiti zemlju e ju ćinu ćuda roditi. One, kana mi sada, zovahu: kruh, mesa, sir, jaje, vina, voda. Da bi se naućili talijanski ke govorahu s drugimi ćeljadami kada 'mahu prodati o kupiti.

Imahu crikvu malo nadugo iz 'di živahu. Okola crikve biše groblje e okolo ovoga 'na fos (fosso). Žene gredahu sekolike u crikvu kada pop gredaše reći misu. Nosahu na ćendu (alla cintola) kako uzahu soldate nosi nož, 'na štapić s gora pleće jena o dvi kudilje do lana o u krila nu pogaću do žita za dati u olter. Žene kako ulizahu na vrate do crikvu moćahu oni šta-

pič s spunja zgora u jenu veliku-pilu do vode svete. S onimi štapićami gredahu pa okola groblja e hitahu vodu svetu zgora grobnice (tumuli) ke bihu pokrijene s velikami fiške o s kandunami. Pop maše imati semai čuda vode svete!

Bihu sve velike, zdravlje čeljade e do tega. Rabahu e jidaħu dobro. Njimi ne falaša nišće. Dajahu popu ono ke mu se hoćaše za živiti. Ne samo ono, ma pur saki godište 20—25 some žita. Kada prohodaše koji religijozan (fratar), jenu votu na nedilju, dajahu kruh, jaje, vina. Nimahu još trsije, ma vina kupivahu u Vastu.

Na one vrimena Hrvati ke su bi' dole iz one bane mora živahu u San Felice, Montemitro, Acquaviva Collecroce, Palata, Taverna, Ripalta (Mafalda), Petacciato, San Giacomo degli Schiavoni, Villa degli Schiavoni (Cupello), Forcabolina, San Silvestro, Vacri, Casa Candidella, Francavilla a mare, Vasto, na godinu 1511. ke činaše 799 ognji (famiglie), 50 bihu hrvatske.

Fratar Sarafino Razzi iz Vasta je sta uma našihi čeljadi u Kupelu prvu nedilju do miseca septembra, godine 1576, e je povida stvaru ke jesam pisa napri. On je vako pišā: «Da bi bili one benedićene do Boga ke su doli u Italiju e su bili liberane do ruki do onih ke ne veriju»...

Calendario in dialetto...
1974. Kalendar molisanskih
Hrvata... Toronto, [1973],
str. 38.

Čudahi stvaru — многие вещи; здесь: разнообразные небылицы; 'di — где; tra — между; среди; padugo — далеко; ognja — семей; zazigjen — построен; rajage — шалаши; kana — как; s potom do čela — с потом на лбу; т. е. в поте лица; malo padugo iz 'di živahu — недалеко от [места], где жили; fos — канава, яр; na čendu — на талин; s gora pleče — на плечах; močahu — макали; u pilu — в резервуар (для воды), в бассейн; hitahu — брызгали; ne falaša nišće — никого не обманывали; saki godište — каждый год; some — мер (род. п. мн. ч. от «меры»); jenu votu — один раз; liberane — свободные.

12. Giovanni Battista Piccoli. Mundimitar.

...Mundimitar je jeno selo vrženo zgora jene glavice visoke 520 (pet stotina dvadeset) metri na ruku dobru do rike Trinja. Selo je okruženo do dubrave i njive pune do maslin. Je jeno misto čarobno iz gdi se gleda jena lipa panorama. Na malo kilometri jesu Monte Bajardo, visok 850 (osam stotina pedeset) metri, Monte Mauro, visok 1050 (hiljadu pedeset) metri, iz gdi se moru gledati otoci Tremiti i, na lipu dane, takogjer strane do Dalmacije. Veče nadugo na nord-ovest (jugozapadu).

je Matése, na nord-este (siveroistoku) more Adrijatiko (Jadransko more). Malo znademo kako je niklo naše selo. Je rečeno kako slavenski etnički otok u Molise. Svi njegovi gradjani govore 'na hrvatski dijalekt.

Povisne visti veće stare jesu do 1276, kada njegov teritorij pripadaše vazalnom gospodaru Gentile della Porta. Mundimitar na «Cedolari» do 1320 je zvan Mons. Mitulus, poslije Monte Mitulo, Santa Lucia di Montemitulo i Monte Mitro na dokumentami fiskalnim napulitanim do 1648 (hiljadu šest stotina četrdeset osme godine). Jena Monastir benediktinski je drža do XV (petnaestog) stolića (secolo), čivog je bija opaf (abate) Giuliano Reggio, kapelan major do Kraljevine. Do ovoga monastira ne ostavlja nišće, ni znademo na kojem mistu biše. U staro vrime, u Mundimitru bihu dvi crikve: ona do Sti Mikele prije rečena i ona de Santa Maria delle Grazie, gdi je sada dičji vrtić. Crikva ke je sada je bila sagradjena 1738 (hiljadu sedem stotina trideset osme godine), i se zove crikva do Svete Lucije. Portal u gotskom stilu je interesantan. Unutra, ona ne kaže nišće. Je jena kip do driveta do sv. Lucije ke tradicija kaže e je bila donesena kada Dalmatinci su doli na ovo misto gdi sada je Mundimitar.

Selo ima sada 870 (osam stotina sedamdeset) čeljadi (u 1902 bihu 1170), ma istina još manje, aje okolo 200 čeljadi su poli raditi u Nimačku (Germania), Francusku (Francia), Belgiju (Belgio) i tako dalje. Svi u Mundimitru govore «slavenski» a nikor ne umi lejiti ni pisati ovi jezik, zato je zgubija čuda riči. Sada se čini štokodi za potaknuti molade za se posvetiti učenju do jezika do naših otaca. Je jena grih ke jena imovina tako znatna se gubi. Nekoliki učenjaci se interesiraju do ove probleme i prvi simptomi do probudjenja (risveglio) su počeli davati koji plod. Do ovoga ćemo govoriti koju drugu votu. Agrikultura je jedini izvor do tega. Maslina ke daje odlično ulje kao i vino jesu veće veliki izvor do prihoda. Do vina se produči malo, ma je dobro i iščeno. Ekonomija do sela je imala u ovim nazanjim goštami jena veliko stezanje zbog nepogoda (a causa del maltempo), ma vidimo ke prilike do života jesu bolje, aje oni ke su poli rabiti nadugo bijaju pineze. Smo htili činiti jena kratko pokazivanje do našega sela tako za se činiti poznati. Drugu votu ćemo govoriti do običaja do sela, neće faliti prilika. Oni ke bi htili pohodit nas i provesti koji dan nadugo do gradskog štopota će naći u Mundimitru misto istina mirno. Se more stati kod (presso) koje familje, u dobrim hižami ke imaju svaki komfort. Naša jela jesu ukusna i sviža. U Mundimitar se more doći iz Vasta, Termolâ i Kampavaša autobusom. Svi će biti dobrodošli!

Naš jezik — La nostra parola,
Roma, 1967, N 1, str. 11.

Takogjer — также; veče nadugo — далее; подальше; je niklo — родилось; здесь: возникло; napulitanim — неаполетанским; čivog — чай; opat — аббат; lejiti — читать; potakniti molade — побудить молодых; drugu votu — в другой раз; izvor do tega — источник труда, работы; se produči — производится; u nazanjim goštami — в последние годы; do štopota — от шума, грохота; kod familje — в семье.

13. Naši u Australiju.

Čudahi voti ime do jenga čeljada ne vraća istinu. Jena se zove Lipa pa je gruba. Ovu votu nije tako. Gospoja Lieta Ferrante, udana Acquarola, je istina blaga. Ona sa čuva 'nako tako biše deset godina nazad, kada je si ga pola u Australiju za poći gdi njevog otac Alberto ke je si umija vidit' njevoge stvar. Lieta ima 'na srce mlado e, kada jena ima takvo srce, je semaj blag. Nije čuda vrmena nazad ke je dola kana 'na lastavica u naš mali grad za doći naći njevoge čeljade ke ovdi žive. Prije ke ba letila jopta za sa vrniti u Australiju, smo njoj htili pišati pur visti (novosti) do naši gradanje ke žive tamo dolje, naduga do našega grada. Nami je bilo drago, govoriti s Lietom. Ono ke je nami rekla možemo 'vako stiskniti:

— Jesu deset godinâ ke sam pola u Australiju e sedam ke sam sa udala. Jesam spodarica do dvahi ristoranti u Pert. Se danas nisam brižna, je ke umim govoriti naš jezik. Sam bila tumačica (interprete) u jena velik magazin. Naš jezik mi je čuda pomoga. Sam poznala čudahi čeljade ke govore kana mi. Za ne zabit naš jezik sa nahodamo u klub gdi se govori svedni na naš. Bih htela ke druge gradanje ke žive po svitu bi činili istu stvaru. Živimo u jena vrime gdi ko veče znade, veče valja. Znati dva jezika nije malo. Do našeg gjurnalâ «Naš jezik» jesam sritna, aje oni je naš za nas. 'Mamo ga činit' živiti, zato mi svi 'mamo ga pomoći.

Naš jezik — La nostra parola,
Roma, 1967, N 1, str. 17.

U Australiju — в Австралии; čudahi voti — много раз; blag — добро, сокровище; gradanje — односельчане, селяне; 'vako — так, таким образом; stiskniti — сажать; здесь: кратко передать (пересказать); svedni — всегда.

14. Послесловие к сборнику стихов М. Лалли
«Свет издалека»

Ovi je prvi librić do poeziji štampan na našu. Ove poezije je pisala naša mlada pajizanica Milena Lalli, već poznata u mistami 'di smo mi, aje je bila pur pisala za naš gjurnal «Naš jezik».

Dr. Milena Lalli je nikla u Romi, ma njeva familija je 'z Mundimitra. U Romi je učila u školi za meštre, a kad je furnila, je studijala jezike oš literature slavenske 'di Instituto Orientale' u Napulu. Tamo je naučila hrvatski (naš jezik moderni) oš srpski e ruski. Je činila tezu 'di se govori do tegi do Ive Andrića...

M. Lalli. Sfitle 'z naduga. Toronto, 1972, str. 21.

Librić — книжечка; do poezije — стихов; na pašu — по-нашему, т. е. на нашем языке; pajizanica — односельчанка; njeva — ee; u školi za meštre — в учительской школе; je studijala. — изучала; tezu — дипломную работу.

15. Matteo Ferrante. Što činu?

Stifilić ima 'nu veliku dubravu; uhiti na «Glavicu», na «Fišku Docijana» e gre niz dolu, do «Brda do kantuni», «Karira», «Ližata», «Grašete Kolićina», «Brdo popina», «Pas do halase», «Ravnica», «Jezer veliki» oš «Jezer mali»... ter uhiti još druge mista. Ma, usri našu dubravu jesu čuda čistine (largune), gdi trava je vabila misto do dube: na nike bane, kana u «Grašete», jesu vanja drače oš... «Voda slana»; nije ga ni jena dub: zašto? Što mislu one ke kumanaju naš grad ke ne činu nišče za nanovo pošumiti našu dubravu? Nike godište naza su bi činili 'na prodjet za ju pošumiti; za činiti ovo si bi nali teg za dva-deset ljudi ke bi rabili za četiri hiljade dana (za deset godište!).

Zašto sada nikor već ne misli ke ove su stvare ke se hoću za dat teg oš za činit' dobit' pineze našimi ljudimi? Ja bi tio samo ovo, s mojim ričami; ke one ke kumanaju naš grad bi me slušali e bi činili ovo oš druge stvare za činit stat' bolje naš grad oš naše čeljade.

Naš jezik — La nostra lingua,
Roma, 1969, N 1—2, str. 13.

Uhiti — хватить; gre niz dolu — идет, направляется вниз; čistine — пустыри; je vabila — заняла; do dube — деревьев; na nike bane — на некоторых сторонах; в некоторых направлениях; kumanaju — распоряжаются, командуют; pošumiti pašu dubravu — засадить наш лес; prodjet (и progjet) — проект; bi nali teg — нашли бы работу.

ЯЗЫК РУСИН ЮГОСЛАВИИ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ЯЗЫКАМИ И ДИАЛЕКТАМИ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО АРЕАЛА

(Грамматический аспект)

А. Д. Дуличенко

Современное русинское население Югославии, насчитывающее до 30 тыс. человек, проживает с середины XVIII в. в некоторых селах Бачки (Руски Крстур, Куцура и др.), а позднее, начиная с XIX в., поселяется также в Среме и Славонии. Предки русин вышли в самом начале XVIII в. из некоторых районов нынешней Восточной Словакии (преимущественно из бывших Земплинского и Шаришского комитатов), известных своим весьма сложным этническим и языковым составом. Периода более чем в два века оказалось вполне достаточным для того, чтобы небольшая горстка переселенцев, оторванная от прародины территориально и во времени, развилась в самостоятельную этническую общность, обладающую в настоящее время всеми основными атрибутами этноса: своеобразной духовной и материальной культурой, сильным этническим самосознанием, собственным (литературным) языком, территориальной обособленностью и т. д. [11, 38—50]. Сознание этнической автономности у русин Бачки и Срема начало формироваться со второй половины XIX в., особенно в его последние десятилетия, в связи с борьбой народов и народностей бывшей Австро-Венгерской монархии за свои национальные права.

Проблема глоттогенеза русин Югославии (как, впрочем, и этногенеза) остается до настоящего времени проблематичной. Пользуясь новейшей терминологией С. Б. Бернштейна, можно сказать, что генетически язык югославских русин является представителем «карпатского (северного, периферийного) типа «балканского языкового союза» [2, 13]; в результате длительной изолированности от карпатского языкового ареала в нем (прежде всего под влиянием сербско-хорватского языка) появились также некоторые черты, характерные для так наз. балканского языкового союза. Таким образом, язык русин Югославии в изве-

стном смысле можно рассматривать как связующее звено между карпатским языковым типом и собственно балканским языковым союзом:

Сравнение югославо-русинского языкового материала с материалом языков и диалектов карпато-дунайского ареала до настоящего времени специально не проводилось; в предлагаемой работе оно является результатом начальных, предварительных разысканий. Постановка вопроса именно в таком аспекте отвечает также необходимости того, что «исследования в области карпатского языкознания должны проводиться в тесной связи с изучением диалектных зон далеко за пределами Карпат» [2, 9—10]; язык русин Югославии, как мы уже отметили, как раз и представляет собой изолированную от Карпат языковую зону, хотя генетически с ними (Карпатами) и связанную.

Как полагает С. Б. Бернштейн, в период между II—III вв. и VI—VII вв. н. э., когда будущие южные славяне пребывали еще на Карпатах, произошло формирование ряда общих черт, отражающихся и поныне в южнославянских языках и диалектах, в юго-западных говорах украинского языка, в южных польских говорах, в центральных и восточных говорах словацкого языка, а также в некоторых чешских моравских говорах. Эти черты проникли также в карпатские румынские говоры, а позднее (начиная с IX в.) и в венгерские говоры карпатской зоны [1, 75]. Общие языковые особенности, о которых идет речь, получили название карпатизмов. От них следует отличать так наз. балканизмы — языковые особенности, появившиеся в славянских и неславянских языках карпатского ареала в результате поздней миграции балканских славян на Карпаты (начиная с XIV в.) [2, 10].

Нами собран материал, позволяющий проиллюстрировать на грамматических (морфологических и синтаксических) данных следы давних и поздних контактов предков нынешнего русинского населения с народами Закарпатья и Балкан. Подчеркнем, что в настоящей работе не поднимается вопрос о соотношении элементов языка русин Югославии с таковыми в восточнославянских говорах словацкого языка и в западноукраинских говорах украинского языка — предполагаемых источниках происхождения языка югославских русин. Это особый вопрос, требующий специального рассмотрения.

* * *

Югославо-русинский язык (далее — русинский язык) обнаруживает значительное число черт, появившихся в нем, а также в генетически связываемых с ним диалектах в результате дав-

них длительных и многосторонних контактов как со славянскими, так и неславянскими языками и диалектами — в первую очередь, с венгерскими и румынскими диалектами закарпатской зоны; определенная часть таких черт находит выразительные параллели в южнославянских языках и диалектах, а также в других языках балканского союза, например, в албанском. Это так наз. древние грамматические карпатизмы. Правда, некоторое число общих грамматических признаков в языках и диалектах карпато-дунайского ареала возникло позже — как результат поздних переселений балканских народов на север и северных славян на «Нижнюю землю». Разграничить эти два слоя пока не представляется возможным. Зато поддаются датировке черты языка русин Югославии, имеющие параллели только в языках и диалектах балканского союза, — они начали формироваться в русинском приблизительно с середины (либо второй половины) XVIII в., когда русинское население прочно осело в Бачке. Процесс формирования таких черт продолжается по настоящее время и имеет прогрессирующий характер. Последнее в известной степени интенсифицирует тенденцию к постепенному обособлению югославо-русинского языка от языков и диалектов карпатского ареала (от генетических связей), с одной стороны, и способствует типологическому сближению, в частности, с южнославянскими языками и диалектами, а также балканского союза в целом, с другой.

А. Грамматические черты, общие для русинского языка и языков и диалектов карпато-дунайского ареала

(1). В русинском языке весьма широко используется числительное «еден» (один) в функции так наз. неопределенного артикля при имени существительном, напр.: Намири хлапец на едну колібу. Там бул еден югас з овцами. Закукне до коліби, видзи же там еден чловек лежи, та му поздравкал... (РНП, 207); Ишол еден пан по пияцу. Несол вон едну красну рибу (РНП, 141); Наишол раз так на едну григ-птицу. А тота григ-птица себе ніяк не могла дзеци одховац, бо там вше ходзел еден гад, та ей вше поедол (РНП, 276); ср. также: Сприводзкошу еден! Чи маш очи войсц до того хліва?! (Ш. Чакан, 36); — Цоже ши так барз злекла, дурна една!... Та не видзиш же то я?! (Костелник Бд, 25).

Эта грамматическая особенность известна также некоторым говорам юго-западного диалекта украинского языка. Например, в южном лемковском говоре: Был еден Яньчо, шыковный хлоп, а был югасом. Збыйниці ходили по горах, як то дакоды, а пасе овці на едний поляні...; но: Та был нотаріос, а в обці был староста [27, 259 и 263].

Аналогичным образом числительное «один» в функции неопределенного артикля используется в восточнословацком диалекте, например, в его земплинской разновидности: *Dze buľ tam buľ, buľ jeden skl'epag i skl'eparka, mal'i voňi jedno dziuče* [31, 357].

Рассматриваемое грамматическое явление проникло и в соседний с нынешней русинской языковой зоной в Бачке среднесловацкий говор села Лалить и западнословацкий говор села Пивница и Селенча (речь католической части населения этого села): *tam je edom briežok (Lalit')*; *na jedněm mest'e (Selenča)*.

В Банате оно охватывает некоторые западнославянские говоры:

1) среднесловацкий говор села Ковачица: *eňi kcel'i Pežd' vid'iet'* [35, 143];

2) говоры чешского языка: *Tam je jeden velikej most* [25, 100].

Широко известно это явление и южнославянским языкам и диалектам, в частности, банатскому говору болгарского языка: Имало ѝ идно време идно дубро монче [24, 215]. В сербско-хорватском языке числительное «један» употребляется наряду с неопределенным местоимением «неки»; оба выполняют функцию неопределенного артикля: Био један (=неки) богат човек и имао три сина [23, 319]. Ср. также макед.: Еден човек и една жена си одеде в град [14, 207].

Генетическим источником этого грамматического карпатизма является, по всей видимости, румынский язык; возможно, однако, здесь и влияние немецкого языка.

(2). В языках и диалектах карпато-дунайского ареала наблюдается использование лично-притяжательных местоимений в функции возвратно-притяжательного местоимения «свой», возникшее под иноязычным (немецким) влиянием. Так, в сербско-хорватском языке тенденция к сужению использования местоимения «свој» за счет лично-притяжательных форм сильна не только в повседневной (устной) речи, но распространилась также на литературно-письменную норму [23, 293—294; 30, 102], ср.: У време када је Вук радио *негов* Српски рјечник... ево какво је стане било! В банатском говоре болгарского языка, как сообщает С. Стойков, местоимение «свой» полностью исчезло; в его функции используются лично-притяжательные местоимения всех лиц: *Ас се тужа уд мойте сынве; Никуй ни мой да пузай негва глас и т. д.* [24, 210]. С ссылкой на С. Утешеного С. Стойков приводит примеры использования лично-притяжательных форм вместо местоимения «свой» в чешском говоре Баната: *Von tadi bil celej jeho vjek; Oňi spivali jejich píseň* etc. [25, 101].

В русинском языке тенденция к сужению использования возвратно-притяжательного местоимения «свой» заметна как в тек-

стах фольклорного характера, так и в разговорно-бытовой речи и в литературно-письменной норме, напр.: Идз ти сам до **твойого** оца, а я останем у варошу (РНП, 260); Пущ **твойого** коня пасц, шедні на мне, бо ти на **твоім** коньове нігда там не дойдзеш дзе ши ше пушел... (РНП, 286). Ср. пример из смешанного западно-словацко-восточнословацкого говора Северо-Восточной Венгрии с. Стара Гута (Ó Huta — Stará Huta): žid' bud'eš s tvoju matku [34, 357]. Эта же особенность известна и украинским переселенческим говорам Баната, носители которых живут в соседстве со словаками, сербами, венграми, немцами и румынами: а ви **вашого** сына, йак би мене, сте до води дрільелі [4, XV, XX].

(3). Явление суперлативизации качественных прилагательных с помощью префикса (частицы) «най» известно всем славянским языкам. В некоторых диалектах и языках карпато-дунайского ареала это явление вышло за рамки прилагательного и распространилось на ряд других частей речи — в одних в большей, в других в меньшей степени. Полагают, что тенденция к суперлативизации других частей речи появилась под влиянием либо румынского, либо болгарского языка. В румынском превосходную степень обладают имена существительные, ср.: *mai bărbat*; суперлативизация существительных распространилась и на закарпатские венгерские говоры: *még szeret* (в значении *jobban szeret*) [21, 19]. В закарпатско-украинских говорах суперлативизации могут подвергаться как существительные (*май легінь*), так и глаголы (*май любила*) [18, 90—92]. Аналогичным образом проходит процесс суперлативизации имен существительных и глаголов в болгарском языке и его говорах. Так, в банатском говоре существительные, обозначающие качество, превосходную степень образуют с помощью частицы «най»: Той и был **най йунак**; Ивѧн и **най гѧзда**; ср. также в глаголах: Фрѧнц **най знай** у класъ; Пѧурете **най рѧбутат** у жѧтва и т. д. [24, 191 и 248].

Суперлативной частице «май» языков-и диалектов карпатского ареала и частице «най» болгарского языка и его диалектов в русинском соответствует префиксальная морфема *най*. Правда, эта морфема используется пока только с одним глаголом — «воліць»: *найволіць* «больше всего любить», «больше всего уважать», «больше всего предпочитать что-либо чему-либо»¹. Несколько примеров из контекста: Знай, знѧла биш — да зме ведно — же цо я **найволіѧм** (АП, 229); Пѧведз, але щиро, цо **найволіш** (Е. Кочич, 93); А повѧзели ше [млади] на тим же єдно другому гѧторели: «Мне мац перше да, бо мне **найволі!**» (РНП, 303); **Найволел** ше зацагнуц до зациху дагдзе и читац

¹ Более подробно это явление описано в нашей статье [10, 71—75].

(ОР, 103); В составе сослагательного наклонения: О, ви даваце упечаток фаховца зоз музики, а **я би найволе**ла кед би уцих пиянино... (Е. Кочиш, 185) и т. д. Ср. также формы в следующем примере: Ни-а, я **найволім** зашпивац, але так да ше облаки на хижох трешу... — А я **найбаржей** любим спац и вилежовац ше у блаце... (Ков. Чит., 24).

Вполне допустимо, что в русинском языке это грамматическое явление появилось через посредство сербско-хорватского языка, в котором с этим же глаголом используется суперлативная префиксальная морфема *naj-*: ја бих **најволио** да ми одмах до $\frac{1}{2}$ еш и пр.

Наличие аналога в форме префикса в сербско-хорватском и русинском языках дает основание говорить о том, что явление суперлативизации глагольных форм выходит за рамки узкокарпатского ареала.

(4). Весьма широко распространенной на протяжении всей рассматриваемой языковой зоны оказывается конструкция дательного притяжательного. В языках и диалектах карпатской зоны дательный притяжательный используется: а) вместо притяжательных местоимений, б) вместо родительного падежа существительных. Так, в закарпатско-украинских говорах встречаются формы: *жона ми, мати му* и т. д. В восточнословацких говорах конструкция дательного притяжательного с энклитическими формами личных местоимений обычна, ср. земплинскую разновидность: *Buť jeden vojak, — Jančo **mu** bulo meno* [31, 357]. Эту конструкцию знают и переселенческие говоры восточнословацкого типа в Северо-Восточной Венгрии: *že jim sin ešte žije*. Ср. пример из текста, записанного И. Штолцем в Абауйском комитате: *Prepil peňeži, žena mu umarła, ohabil'i ho zeci...* [34, 418, 458]. Весьма активно ее использование и в переселенческих говорах средне- и западнословацкого типа в Бачке, ср.: *sin im odešel do Ameriki (Pivnica); aj mat'i mu je ešte živá (Malá Višica); hlavu mu máčal'i do vode (Petrovec); začrela sa jej do cipel'ou (Šid); vil'iečiu si sina (Kovačica) etc.* [35, 126, 188].

В русинском языке дательный притяжательный образуется преимущественно с помощью энклитических форм личных местоимений: *Живот ми* прешол а я не жил (ОР, 68); *Син ми, Юлиан, и жена му*, моя невеста Ирина, ише млади (Е. Кочиш, 224); *Кованка ци* гласна уцихнула (АП, 32); *Глава му* ше биле: як шнїг, а округла и полна *твар му* ше швици (ОР, 70); *Под ногами ей* шляпкала розмочена жем (Е. Кочиш, 90); *Умарла мац нам*, але одну зме ю мали (РС-68, 1. III); тот цо *им бул предняк*, розказал най тото дзецко варя... (РНП, 123); *Стої там им гомбалочка*, при нъей дзивче кучи (Г. Костельник, 6).

Ср. также в примере: **Його очи** були поспани. **Лица му** були вимучени, бляди (Е. Кочиш, 125).

Отмечены также случаи, когда конструкцию дательного притяжательного имеют и полные формы личных местоимений, ср.: **Лица їм ше** червенею, **руки їм** жимнею (АП, 20).

Широко используются энклитические формы личных местоимений для образования дательного притяжательного в южнославянских и других языках балканского союза [3, 346]. В банатском говоре болгарского языка дательный притяжательный последовательно образуется от всех лиц ед и мн. числа: **И йал** ут **талёрчету** **мы**; **Систра** **ты** за **дой** **със** **нам**; **Сърнь** **му** **й** **остър**; **Той** **катана** **съз** **брата** **й**; **Крвата** **му** **й** **у** **шталога**; **Майк'а** **ву** **й** **на** **рабѳта**; **И** **душла** **баба** **ин'** и т. д. [24, 209—210]. Ср. также макед.: **татко** **ми**, **брат** **ви**, **сестра** **им**, **зет** **му** и пр. Б. Коцески пишет, что компоненты данной конструкции осознаются в настоящее время, как неразрывное целое; в народном языке отмечена даже тенденция к обновлению значения принадлежности притяжательными (полными) местоимениями: **татко** **ми** **мој**, **мајка** **ми** **моја** и т. д. [14, 214].

Распространение в диалектах карпатского ареала дательного притяжательного существительных, как полагает А. М. Рот, в значительной мере обусловлено влиянием венгерского языка [21, 19—20]: по типу конструкции *a falunok bírou* «староста селу» появился аналогичный карпатизм в румынских карпатских диалектах, ср.: *bd'irou lui sat*, в зак.-укр. **біров** **селу** и т. д.² Эта же конструкция известна и чешскому говору северовосточного типа Иванова Села около Дарувара в Югославии: *bratranču sin, bratru pod'il* [33, 244].

В русинском языке аналогичная конструкция наличествует, однако в настоящее время ощущается ее остаточный характер; примеры дательного притяжательного существительных можно обнаружить преимущественно в фольклорных текстах: **И** **раз** **ше** **тей** **жени** **муж** **похорел** **и** **умар** (РНП, 83); **Кед** **гу** **дзевятей** **годзини**, **едней** **дзивки** **спадне** **игліца** **на** **жем** (РНП, 119); **Чарни** **краль** **ше** **погнівал**, **тельо** **войска** **положел**, **же** **на** **Червеного** **цара** **орсагу** **на** **шицким** **би** **ані** **места** **не** **мали** **стац**, **таки** **булі** **еден** **при** **другому** **як** **чловеку** **пальци** (РНК, 214).

Тот факт, что данная конструкция дательного притяжательного утрачивается в современном языке югославских русин, свидетельствует о длительном отсутствии связи русинского языка с языками и диалектами карпатского ареала; напротив, весьма активное использование дательного притяжательного с личными местоимениями говорит о том, что общие грамматические явления балканских (в данном случае южнославянских)

² Венгерские, румынские и закарпатско-украинские примеры взяты из статьи [21].

языков самым непосредственным образом отражаются в языке русин Югославии и не только отражаются, но и воздействуют на активность использования таких явлений.

(5). На всей территории рассматриваемой языковой зоны достаточно интенсивное развитие получил процесс замены творительного орудия творительным социативным с предлогом «с». Большинство исследователей полагают, что этот процесс был вызван воздействием на соответствующие славянские языки и диалекты немецкого и румынского (а также итальянского) языков. М. Ивич считает, что «сербско-хорватский, как и остальные славянские языки, унаследовал из общеславянской общности тенденцию к расширению границы использования конструкции с «с» за счет инструменталю... Иноязычное влияние, о котором обычно думают, только ускорило развитие процесса в говорах, которые такому влиянию были подвержены» [12, 234]. П. М. Лизанец полагает, что творительный орудия с предлогом «с» появился в закарпатских говорах не под влиянием немецкого языка, а по аналогии с творительным социативным [16]. Как бы то ни было, материал показывает, что наиболее последовательно и четко данная конструкция прослеживается именно в тех языках и диалектах рассматриваемой языковой зоны, которые имели давние длительные контакты с румынским и немецким языками. Так, полностью исчезли морфологические различия между творительным социативным и орудия (в пользу социатива) в сербо-лужицких языках, ср.: *Leńka pisa z powym pjełnjakom do zešiwka* [32, 64]; в словенском: *Zmerjali so ga s škricem* [29, 345] и т. д.; в дубровницком, рапском, лумбарадском, цресском и трапаньском говорах сербско-хорватского языка, соприкасающихся с областями распространения итальянского языка. Проходит процесс замены творительного орудия социативным с предлогом «с» в говорах Восточной Черногории, в герцеговинских говорах, в посавских, в косовско-ресавском диалекте, в воеводинских говорах — банатском (*са српом секу* жито), бачском (*Вѳзи се сас коли*), сремском (*Нїїе, се кѳпало са плугом него мотикама*) [12, 227—228]. Узаконено использование данной конструкции и в литературном сербско-хорватском языке, ср.: *Роѳели су орати с deset plugova* [30, 241]. Творительный орудия с предлогом «с» известен и македонскому языку: *со нож, со рака, со секира, со метла* и т. д. [14, 334]. В банатском говоре болгарского языка эта конструкция с предлогом «със» используется весьма широко: *Се исече със сърп, Със ушыте мы слушем и пр.* [24, 291].

В начале нашего века аналогичное употребление предлога «с» отметил В. Гнатюк в украинских говорах в Банате, сопри-

касающихся, как и болгарский говор, с банатскими говорами румынского языка, ср.: з йедном плугом орати; а гдариш з вершкати до земли; з йедном бороном боронити и т. д. [4, XX]. В закарпатско-украинских говорах эта конструкция употребляется с предлогом «з (из) / с (ис)». Пример из украинского говора села Берехов Бардейовского округа (в записи И. Верхратского): Бул циган х церкви і чул казаня од пана, же з пятма хлібами і з двома рыбами насытил Христос пят тысячі народа [17, 319].

Произошла замена творительного орудия социативным и в восточнословацких говорах. Вот пример из текста, записанного в Земплине: Kričel každu hodzinu: «Vidzim se, vidzim za murem, prebijem se s kosturem!» [31, 368]. Пример из словацкого говора Абауйского комитета: Muž je v Americe, š češkim mlatom bije, ona s ragorkami po karčmox tancuje [34, 458]. В средне- и западнословацких говорах Бачки эта конструкция так же хорошо известна: u náz aj z mašináma kosá (Selenča katol.); aj šúšť'a sekáme s tím — zo srgom (Hložany) [35, 177, 189]. В чешский говор Иванова Села в Хорватии данная конструкция проникла, вероятно, через сербско-хорватские говоры: d'ela s levou rukou, psát s perem [33, 251].

Русинский язык отличается достаточной последовательностью в оформлении творительного орудия (и средства) предлогом «з (зо, зоз-зос)»³: У моеї мамочки [ярчани] зоз партком прикрити, А у твоеї, шугай, з ключиком замкнути! (РНПи, 96); У желени загради стої сарня, Пребера з ножками же би жарла; Шлепи Циган коня кує, А з батожчком почмигує... (РНПи, 236—237); И вон зложел пушку долу: як войдзе нука — чи на главу, чи з ногами перше? (РНП, 95); Вон ше тоти ей слова обраецл и дуркнул з дзверми (ОР, 69); Вечаром заш натлачене з граблями зогнали, И до длугей ноци вяли, до грота сипали (Г. Костельник, 15); А хлопи ю [сламу] зос видлами велѣ причекую. До рогох ю так стирчащих вецка викруцую (Г. Костельник, 16); Тополя била з верхом кивала. та так витрови сциха шептала... (АДзП, 39); Подопар лица з руками, налегнул ше на локци и немирно преберал свою прешлосц (НК-63, 138) и т. д.

(6). Впервые на наличие удвоенного предлога «зоз» в карпатских говорах (из болгарского «със») указал В. Погорелов в статье «Болгаризмы в карпатских говорах» (1935). Удвоенная форма данного предлога используется также в некоторых экавских говорах в Бачке («сас») [17, 485]. В македонском литературном языке удвоение этого предлога привело к семантическому сдвигу — предлог «сосе» приобрел значение «вместе

³ Этот случай описан нами (правда, без достаточного привлечения иноязычного материала) в статье [8, 60—71].

с»: *сосе сета челадија*; в македонских диалектах встречается и форма «сосем»: *сите ке излезат горе сосем невеста* [14, 335].

В языке русин Югославии удвоенная форма предлога «зоз/зос» используется в той же функции, что и соответствующие формы «з» «зо», ср.: *Човек вжал персень, пошол зос свою челядзу, зос псом и з мачку дому* (РНП, 285).

Удвоенную форму используют вместо «з» обычно для того, чтобы избежать слияния «з» с согласным или согласными последующего слова: *зоз (зос) калапом, зоз (зос) цеглох, зоз (зос) ташку* и т. д. Однако к удвоенной форме предлога «зоз» прибегают не только для того, чтобы предотвратить нежелательные фонетические изменения; ее могут использовать также для внесения разнообразия звучания (особенно в случае необходимости повторения предлога «з»), ср.: *Кочи були з древа. Осовини на нїх були тиж зоз древа* (ПЗ-68, 4, 13) и др.

(7). А. М. Рот отмечает в диалектах карпатского ареала конструкцию с сослагательным наклонением (вместо повелительного) для выражения стремления, желания; эта конструкция появилась в результате длительных многосторонних контактов карпатских диалектов и языков⁴, укр. диал. *Бог бы тя побиў!*; венг. диал. *A zisten verne meg!*; рум. диал. *Te aş bat' e dum' ezău!*. Ср. также словац. (форма сослагательного наклонения формально не выражена): *Bodaj ho pán boh pobil (potrestal, potreskal, skáral, zahrúzil)!* [38, 296].

Эта конструкция находит параллели также в языках и диалектах балканского языкового союза: аром. *Sfi-o' afli dila Dumnidău*; албан. *E-gets nga Perëndia!*; греч. *Από το θεού τόβρες!*; в южнославянских языках: болг. *От бога да ти се намери!*; срхв. *Да от Бога најдеш!* и т. д.

Типологически близкая конструкция используется и в русинском языке, ср.: *Бог би це покарал; Бодай же би тебе сину, Пан Бог* чешко *побил* пре мою стару главу (РК-22, 52); ср. также с сербско-хорватской конструкцией такие русинские примеры: *Бачи, мне жимно! Ваша пегава дзивка не завредзела тельо да мойо нови новучки шмати пре ню згнию у бари. — Да голем згниеш нука!* (РК-32, 100). Ср. данную конструкцию с аналогичной, в которой не сослагательная, а повелительная форма глагола: *А най мойого бліжнього Бог забиє!*; *Най ю Бог рані!* (РК-22, 51, 65) и т. д.

(8). Характерной чертой, связывающей языки карпатской и балканской языковой зоны, является широкое использование

⁴ Примеры данной конструкции из разных языков (кроме словацкого и русинского) заимствованы из работы [21, 20].

энклитических местоимений. Б. В. Кобылянский, в частности, объясняет эту особенность в карпатских говорах украинского языка болгарским влиянием [13]. Вот пример энклитического сопровождения глаголов в украинском говоре села Порач Попрадского округа в Восточной Словакии (в записи И. Верхратского): Писал **мі** милый лист, Ношу **го** на бочку: Жебы-м **го** чекала До другого рочку [17, 203]. Ср. в восточнословацком диалекте (земплинская разновидность): *Al'e koval' mu toto povedzel: «Kedz nebudzeš spokojni, že me ešte ciskac budzeš, ta ci taku dam, co ce fras uľapi» ... I dal mu. Utedi tot umarti stanul ... a povedzel mu: «Ti me vimentoval, bo ja bi buť tu na věki chodzil strašic ...»* [31, 366].

Еще в начале нашего века В. Гнатюк отметил обилие энклитик в банатских украинских переселенческих говорах, указав при этом на развитую тенденцию к энклитическому началу предложения: **Мі сьа** так сніло; **ньа** пойімала нічь; **му** полóжил магазін до двóра и т. д. [4, XX]. Препозиция энклитик (в том числе и форм вспомогательного глагола «быть») в предложении и их широкое использование весьма характерная черта славянских диалектов Баната. Так, это явление хорошо известно говорам сербско-хорватского языка: **Сам** пево песму; болгарскому говору: **Ме** були крак; **Сьм** напысала пысму и т. д. С. Стойков связывает это с влиянием румынского языка [25, 101]. Этой же причиной объясняет В. Веску постановку энклитик в препозицию к слову, к которому они относятся, и в говоре так наз. «банатских черногорцев» — в говоре шумадийско-воеводинского типа сел Петровосело, Кралевац, Станчево в румынской части Баната: *me drži, ćeš metāt* [37, 205].

В языке русин Югославии энклитические формы личных местоимений используются весьма активно. Существуют целые конструкции с энклитическим сопровождением (усложнением), например, однородных сказуемых: Вишол вонка з хижі, пошол крашне гу каруци, але **го** ніхто не видзел бо було барз цма, а гоч **го** и видзели, та **го** пре цмоту не познал (РНП, 219); Ещи док **му** их [глави] рубал, питал ше **му** шаркань най **му** охаби голем едну главу, але вон **му** не охабел ані едну (РНП, 276); Не, вера, мой сину, але ше **ми** тераз праве пришніло же кед биш **ми** принес живеї води и младеї води, та би **ми** од того озда лепше було (РНП, 227). В приведенных примерах нетрудно обнаружить тенденцию к постановке энклитик в препозицию по отношению к глаголу, к которому они относятся. Заметим также, что в русинском языке значительно активнее используется та форма прошедшего времени, в составе которой есть спрягаемые формы вспомогательного глагола «буц» (*сом, ши* и т. д.), чем формы типа «я писал» и пр.

Б. Грамматические черты русинского языка, общие с языками балканского языкового союза

Более чем двухвековое соседство русин с южными славянами, главным образом, с сербами и хорватами, самым непосредственным образом отразилось на грамматическом строе русинского языка. Под сербско-хорватским воздействием в русинском языке появились некоторые новые грамматические черты; для нас, в частности, будут важны те из них, которые имеют распространение не только в сербско-хорватском языке, но также и в других языках и диалектах балканского языкового союза, т. е. речь идет о грамматических балканизмах, проникших в язык русин Югославии начиная со второй половины XVIII в. через посредство сербско-хорватского языка. Остановимся на нескольких наиболее существенных (преимущественно синтаксических) балканизмах.

(9). В ряде южнославянских языков и диалектов распространена конструкция родительного притяжательного имен существительных с предлогом «до». С. Стойков полагает, что ее возникновение и активизация употребления связаны прежде всего с влиянием румынского языка, обладающего аналогичной конструкцией с предлогом *de*. В банатском болгарском говоре этот исследователь отметил использование предлога «ут/уд» наряду с предлогом «на» в притяжательной конструкции родительного падежа: Утаре уд Брешк'а; Светыче ут Тереска. В ряде случаев, пишет С. Стойков, румынские конструкции родительного притяжательного просто калькируются болгарскими, напр.: румын. *grădină de pomi* — болг. банат. градына уд ошка и др. [24, 299].

Нормативная грамматика сербско-хорватского языка рекомендует использовать союз «од/od» в рассматриваемой конструкции, если ее составляют существительные со значением неживых предметов: *noga od stola*; однако в разговорной речи наблюдаются часто и нарушения типа *šešir od Ivana Milića* и т. д. [30, 226]. С. Стойков, ссылаясь на Э. Петровича, приводит примеры данной конструкции в сербских говорах Баната: *šúma od gorúna, pęra od lúka* [25, 101].

В русинском языке конструкция родительного притяжательного с предлогом «од» используется обычно в тех случаях, когда существительным является имя собственное, напр.: Ту можеме раховац «Пупче» од Янка Фейси, «Нашим дзецом» од С. Саламона, «Квиток младосци» од Янка Хромиша (АП, 6); Того року у моїх руках ше нашол роман «Далеко слунко» од Добрици Чосича (ПЗ-68, 4, 15); За награду достала красни комплет кнїжкох од Десанки Максимович (РС-70, 26. VI) и др.

Ср. также в разговорном словенском языке: *hiša od mojega očeta* [36, 173]. Использование в данной функции предлога «од» известно и западным македонским говорам: нивата **од** татко ми; реже используется этот предлог для образования принадлежностной конструкции в литературном македонском языке: мајка му **од** Димчета писна; отмечена замена предлога «на» в рассматриваемой конструкции предлогом «од»: «Војна и мир» од Лев Толстој [14, 330—331].

(10). Специфически балканским грамматическим явлением можно считать образование так наз. предлогов-сложений и предлогов-сочетаний, в которые объединены простые предлоги с разнородными грамматическими значениями. Так, в болгарском литературном языке употребительными являются сочетания таких предлогов, как (в контексте): **стаи за по двама души** (или: **по за двама души**), **банкноти от по двайсет лева**, **бригади с по сто кооператори**; **за под** краката, **за през** зимата, **за в** къщи, **за към** дома; **той се срещна с над** хиляда души избиратели; **от преди, до преди, с около, през около** и т. д. [26, 94—95, 85]. С. Стойков фиксирует в банатском болгарском говоре значительное количество предлогов рассматриваемого типа: **у на, испут, на удвѣн, ду на, уд на, ут пут, уд въз, уд на, ут пу, за на, за у, за ут** . . . , **ду на, ду към, на у** и т. д. [24, 296—298]. Обычны подобные сочетания предлогов и в сербско-хорватском языке: Дошли су **до пред** ку њу; Гонили су их **до на** границу; Спрема се **за на** Ријеку [23, 394]. Ср. также в македонском: Го зеде коритцето **од под** глава на Доста; **од сред, од околу, за пред, за под, за на, до над, до под, до преку** и др. [14, 336].

В русинском языке аналогичные предложные образования возникли, вероятно, под влиянием сербско-хорватского языка. Так, для выражения квантитативно-распределительного значения в русинском языке используется предлог «по» в сочетании с предлогами «на» и «до»: Двоме з валалу були осудзени **на по** два роки (Е. Кочиш, 60); На початку своей работы Радио-Червинка будзе емитовац програму каждого дня у тирвашо **од по** едну годину (РС-71, 5. XI). В составе падежных конструкций с предлогом «коло», выражающих значение приблизительности, примерного количества или размера, могут употребляться такие предлоги, как «на» и «за»; в таких случаях сочетания «на коло» и «за коло» обозначают приблизительность количества или объема с характеризующим, распределительным оттенком: Од того на чкоди, котри вода занесла людзом и їх маетку, одпада коло 900 милиони динари, док ше трошки охрани цена **на коло** 188 милиони динари; То, медзи иншим, и прето ше у петровским хотаре було и ляду котри очкодовал жито **за коло** 7—8 одсто (РС-70, 10. VII). Ср. также: Дзвигнем ше и опатрим **около по** церкви, да ше упознам зос **каждим** милим предметом (РК-29, 36); **од коло** и некоторые др.

Ср. аналогичное образование предлогов-сложений и предлогов-сочетаний в румынском: *de la, de către, de pe, pe la* и др.; наблюдается это явление и в греческом [26, 90—91].

(11). Сравнительно слабая прикрепленность определения (согласованного) к определяемому слову характеризует ряд языков балканского союза. Эта тенденция проявилась, в частности, в том, что под влиянием румынского языка в некоторых славянских говорах Баната появилась возможность постпозиции согласованного определения. Так, С. Стойков для сербских говоров приводит (с ссылкой на Э. Петровича) примеры: *človik star, pòuci gotòvi* и т. д.; для болгарских говоров: *лук часноф, жыту рòсну* и др.; для чешских говоров (со ссылкой на С. Утешеного): *von má jednu mámu starou* [25, 101]. Диалектам и литературному сербско-хорватскому языку известен также отрыв согласованного определения от определяемого слова посредством вставки каких-либо энклитик или вспомогательных глагольных форм: *moja je majka stara* etc.

В русинском языке отразилась именно эта особенность, свидетельствующая о нарушении строгого порядка расположения согласованного определения и определяемого слова. Нарушения эти достигаются с помощью:

а) энклитических местоимений: **И моя ме шестра** швидко и шорово порихтала (Дю. Варга, 75); **А тога му стража** гуторела: «Гальт!» (РНП, 117); Там може загарню **бидни му косци**, През молитви, хованя и отпитаня (РК-32, 66); **Мойо го [край] серденько нїгда** не забува (Фейса Жл, 9); **блатна нас вода** не примушела на жимске пліване (Дю, Варга, 75).

б) возвратной приглагольной частицы «ше»: **Кажда ше травичка** одніма од шмерци (РК-29, 100) и др.

(12). Наиболее весомым грамматическим балканизмом в системе русинского языка является союз «да», появление которого вызвало значительные изменения как в морфологии глагольных форм, так и в структуре различных типов придаточных предложений.

Возникновение союза «да» в южнославянских языках связано с действием балканского языкового союза. Как известно, общепалканский процесс утраты инфинитива произошел сначала в неславянских балканских языках — в I в н. э. он исчезает в греческом, а затем в румынском и албанском. Под воздействием этих языков инфинитив южнославянских языков постепенно начинает заменяться особой конструкцией «да» + личная глагольная форма в наст. или буд. сов. времени». Полностью этот процесс реализовался в болгарском (хотя некоторые следы инфинитива в нем еще обнаруживаются) и македонском языках; тенденция к утрате инфинитива и замене его соответствующей конструкцией существует в сербско-хорватском и словен-

ском языке. Слово «да» постепенно развилось в союз, выражающий различные подчинительные связи в сложноподчиненном предложении. Болгарскому и македонскому «да», сербско-хорватскому «да/da» и словенскому «da» в других языках балканского языкового союза соответствуют: *să* — в румынском, *të* — в албанском, *ye* — в греческом. Этот грамматический балканизм расширил свои границы, проникнув через посредство сербско-хорватского языка и в русинский язык, не являющийся южнославянским.

По нашим данным, союз «да» является одним из наиболее ранних грамматических балканизмов (= сербизмов) в языке русин Югославии⁶. Он встречается уже в «угрорусских» песнях религиозного содержания, бытовавших в Бачке (в русинской редакции) в первой трети XIX в.: мене Бог живити буде, да сут колвек в свѣтъ люде (РК-32, 81). В XIX в. союз «да» обычен в русинской речи, о чем свидетельствуют, например, тексты писем представителей русинской интеллигенции Бачки, опубликованные в периодических изданиях Угорской Руси⁷. Письма эти написаны, как правило, «язычиєм», однако в них содержится также значительное количество русинских и сербско-хорватских лексических и грамматических элементов, в том числе и союз «да», ср.: зато васъ просиме, Пречеснѣйшій Пане, да нам пошлете (вм. просиме послати) десять кнѣжки молитвослововъ по 60 крайцаровъ... (Зоря, 1880, ч. 2, стр. 30). По опубликованным в конце XIX в. — начале XX в. В. Гнатиюком русинским текстам фольклорного и бытового характера можно судить о том, как значительно было распространение этого союза в речи русин. В первых изданиях Русинского Народного Просветительского Общества (Руске Народне Просвитне Дружтво — РНПД) вплоть до 40-х гг. союз «да» используется обычно по усмотрению автора — одними меньше, другими преобладающе. Так, в «Руском календаре» на 1922 г. нередко в одном предложении обнаруживаются такие цепочки союзов, как, например: да (= же би)... же би... же: треба да останеме и нешка таки, же би нам остала слава, же Руснак найбогобойнейши чловек на цалим швеце (34);

же.... да (= же би)... же (= бо): А за єдного богача у Риме ше пише, же кажди дзень дал забиц по єдного раба, да с чловечим месом може риби кармиц, же то риби любя (44) и др.

Несмотря на то, что в литературно-письменной норме последних лет не рекомендуется использовать союз «да» [15], присут-

⁶ История проникновения союза «да» в грамматическую систему русинского языка по письменным данным, вызванные им изменения в русинской морфологии и синтаксисе, а также судьба его в литературном языке подробно рассмотрены нами в статье [7].

⁷ Тексты писем собраны и опубликованы в работе автора настоящей статьи [9].

стве его в сознании говорящих по-русински обычно, повседневно, о чём свидетельствуют многочисленные примеры из текстов современной художественной литературы и публицистики (см. ниже).

Какие же изменения вызвал союз «да» в грамматической системе русинского языка?

1) Прежде всего появилась тенденция к сужению использования форм инфинитива (благодатная почва для этого процесса в устной речи и ограниченная — в литературно-письменном языке) и замене его конструкцией «да» + личная форма глагола в наст. или буд. сов. времени: Я роздумуем же яки одвит **да дам** (вм. дац) (НК-63, 180); одного дня по косидби зогнал Пляскач свойого Балажа **да оправяю** (вм. оправяц) плот... (НК-63, 161); А ви — животині! Дали сце **да вас оплячкаю** (вм. оплячкац), га? (Е. Кочиш, 71) и т. д.

Наиболее часто инфинитив снимается конструкцией «треба(ло) + да + личная форма глагола»: **требало да будзе** вм. **требало буц**; **Треба да шмело трираз крачае** (вм. **треба крачац**); **Треба да ше цешиме** (вм. **треба ше цешиц**); **Треба да любиме** (вм. **треба любиц**) свойого брата (Дю, Варга, 112, 150).

2) Аналогичным образом союз «да» ограничил использование форм сослагательного наклонения в составе придаточного предложения: **да войдзе нука** вм. **же би вошол нука**; **лепше да сом тоту любов нігда не спознала** (вм. **кед бим не спознала**); **За човека найважнейше да ма** (вм. **же би мал**) чисти руки (НК-63, 128 и 178) и др.

3) Наши материалы показывают, что в литературном языке последних лет с помощью союза «да», использующегося вместо русинских «же», «же би», «кед», «кед би» и некоторых др., могут вводиться до 7 типов придаточных предложений:

а) изъяснительные (обычно вместо союза «же би»): Твой народи тебе жадаю **да им ти рошнеш, да им розквитнеш** (АП, 233); Дідо жада **да свой народ любиш, пиониру, да так оплеменеш свойо серденько у миру** (Фейса Жл, 67); Микола не любел Василя пре його натуру. Вше нашмеяни але зрихтани **да ци подваліда це уджобне**... (ОР, 105);

б) определительные (вместо союза «же би»): **пишце, не правце розлику, бо людзом длужносц да творя, думи високи да даю** (АП, 237); Ставай, мили, ша уж час **да ше рушиме** (Фейса Жл, 11); Чувствовавал сом нужносц **да будзем сам**... (ОР, 174);

в) условные (вместо союза «кед би»): **Да маце телефон, одмазда би уж була окончена!** (Костелник Бд, 58); Гуторел ми: **«Да сом могол того влапиц цо вишол горе на дуб, не пил би вещей на медведжу скору напредок** (РНП, 98); **Озда би Михал не бул таки зли да ше то не случело**; Сигурно би ю не побил **да не було того талу**... (ОР, 86);

г) целевые (обычно вместо союза «же би»): Мила прецо ши не пришла да це притулїм на плечо? (АП, 224); Засадзим я, дзивко, на штред поля руту да каждому спомне на мою зармуту, да каждого спомне хто лем дзивку мае (АП, 102); Нач сом це жадал? Да ми повеш цо ши гуторел пред людзми (РНП, 216); ср. также в случаях, когда в главной части союзу «да» соответствует соотносительное слово «прето»: Але, тото розпитоване було лем формалне, баржей лем прето да ше не будзе цихо (ОР, 94); еще один пример: Ти вельо дала у войны труду розбиваючи немецки сили, да по тим людзе шлебодни буду и же би з добрим животом жили (АП, 209);

д) образа действия (вместо союза «же би»): Кед пришол дас на пейц крочаї, виповед нацихи, але так да стражар чуе, знак розпознаваня (ОР, 9); Бешедовал з мацеру далей, так да му вона не може видзиц твар (ОР, 80);

е) сравнительные (вместо союзов «як», «як кед би», «ягод»): Трох сом вас мала, шицких страцела — да сом вас нїгда и не родзела! (АП, 45);

ж) меры и степени (вместо союзов «же», «же би»): Правда нье розликуе ше [Руснак од Словака] якь монголски тїпъ-одь славянского, алье на тельо, да человекь, котри видзель Руснака и Словака нье заменѣ ихъ [5, 33].

В разговорной речи русин использование союза «да» в различных типах придаточных предложений еще более интенсивно, на что указывают хотя бы такие примеры пародийного характера, встречающиеся в русинской печати (выделяем и другие сербизмы): — Нино, чом не даце свойо дзецко до нашей школи дзе будзе учни и мацеринску бешеду? — Ниє, нужно, ер го ми дома учиме да не заборава и да правильно бешедуе на русинским езику (НК-68, 184) [20, 16].

4) О том, насколько прочно вошел в грамматическую систему русинского языка союз «да», говорит и факт появления ряда составных союзов, постоянным (вторым) компонентом которых является «да»; такие союзы приняты и в литературном языке:

а) **же да**: Я не знам право **же да** ме дахто любви... (ОР, 41); Можебуц би бул упарти и допивал мацери и оцови **же да** жертвую... (Е. Кочиш, 83); ср. также: Так ми, чадо, треба да ше воспитуеш, **же да** свойо любиш, а цудзе вше почитуеш (ПЗ-67, 4, 11); Червени не сцу да отримуеце других; сцу да и ви доста неце часц живота и слунка, **же да** нам шицким будзе цело и да не умераме од гладу... (Дю. Варга, 48);

б) **ягда** (орф. также **як да**): Место одвита вон немо предлужел свою драгу, **як да** сцекол од неприемних памятокх (ОР, 52); Вон попатрел на мене **як да** ме сце зожрац (Е. Кочиш, 92); так ми барз чежко на шерцу, **як да** сом шерцо страцела (АП, 48);

в) **ягод да**: Чамкнул даскельораз, преврацел ше на бок и далей спал **ягод да** е дома; Але вона **ягод да** до жеми препадла; Опрез хижи, з дылїни, указал ше, **ягод зоз** жеми да вишол длугоки и худи бачи Василь (НК-63, 139, 159, 163);

г) **лем да**: Михал цали дзень ходзел по дворе... и вше себе винашол даяку роботу, **лем да** не муши войсц до хижи (ОР, 85); Не знам хто як, але школяре гуторя: **лем да** не юн! (ПЗ-69, 10, 17); Цо ти, мили, мудро бешедуеш, **Лем да** ти по карчмох не дармуеш (НП, 1, 80);

д) **голем да**: Цо вон дума? **Голем да** дал знац (Дю, Варга, 125); **Голем да** ні пошол там до своего места, шицко би було у шоре (НК-63, 139);

е) **та да**: Гайди, мила моя, **та да** ше до рана ми вишпиме (Фейса Жл, 18); реже — **па да**: Кед би то война мешац тирвала, а гоч и штيري, — **па да** престала! (АП, 44);

ж) **чи да**: **Чи да** жиеме? Да ше любиме? **Чи да** гинеме? Да ше губиме? (АП, 45);

з) **чом да**: **Чом да** жиеме як жвири? Ша ми людзе (ПЗ-70, 10, 18);

и) **гоч да, гоч да як**: **Гоч да як** гуторим та не буду верни мойо слаби слова! (АП, 47).

5) На мысль о высокой степени ассимиляции союза «да» и его воздействия на другие грамматические элементы русинского языка наводит ряд и таких фактов. Так, приглагольная частица повелительно-побудительного наклонения «най» не без влияния союза «да» активно используется также в функции подчинительного союза. В тех случаях, когда можно было бы употребить союз «же би» (в изъяснительных или целевых придаточных предложениях), часто находим «най»; конструкция придаточной части при этом целиком соответствует конструкции с союзом «да», ср.: Требовало би **най ми** принесеш (РНП, 225) — Требало би **да ми** принесеш, но: Требало би **же биш ми** принесол; ср. также целую цепочку придаточных с «най» (= *да*): А цар дал ей шмати, **най** (= *да*) му однеше, **най** ше облече, та **най** придзе нука (РНП, 118); Или: И так ю родзина заш до попа послала, **най** (= *да*) чуе яку ей поп пораду да (РНП, 84).

О тождественности функций союза «да» и «най» говорят также примеры, в которых союзу «най» (= *да*) в главной части соответствует соотносительное слово «так»: Мали ми ту еден дзирави коршов та ей однешеце, **най** го вона заплаца **так най** ше то не позна... (РНП, 127). Об этом же свидетельствует и составной союз «же най» (= *да*), выступающий в изъяснительных, условных, целевых и др. придаточных предложениях, напр.: Я их модлел **же най** (= *да*) ми дарую живот (РНП, 89); Мац ми гуторела **же най** (= *да*) зоз другим зубом есц попрубуем (ПЗ-68, 4, 9) и т. д. Вот пример, в котором целая серия придаточных целевых введена составным союзом «же най»; тождест-

венным союзу «да» (во втором и последующем случаях первый компонент «же» опущен): Вон це послал **же най** це я ту скончим, **най** це я ту зарежем и **най** це розпарем, **най** з тебе винем шерцо вонка и мали палец **най** це одрубем, та **най** того однешем дому твоей мацери (РНП, 206). Ср. также: Кед су при ньому, вон ше им крашне пита **же най** го вицагну з того ярку, **най** го менту, **най** ше му не даю мучиц и **же би** там не скапал (РНП, 214).

б) Под непосредственным воздействием союза «да» появилось нарушение функций союза «же» в некоторых типах придаточных предложений (изъяснительных, определительных, целевых и пр.). Так, союз «же», как и «да», может использоваться:

а) для снятия инфинитива: Раз ше Циган зобрал **же пойдзе** (вм. пойсц) до леса по древо; Збера ше Михал **же** го пойдзе гледац (вм. пойсц гледац); Йоан шеднул за стол, **же будзе полудньовац** (вм. шеднул полудньовац) (РНП, 143, 197, 207);

б) вместо союза «же би», ср. фолькл.: Пошли вони знова **же забию** (вм. же би забили) Чаловку Петра; Док вони так шедзели — пришол злодій, **же украдне** (вм. же би украднул) швиню зос хліва, ище з вечара; А вон плакал, **же** и вон пойдзе (вм. же би вон пошол) з німа (РНП, 131, 103, 286). В текстах современной художественной литературы: Я ище не видзела **же** (вм. *же би = да*) од дурних родичох були мудри дзеци (ОР, 98); Скочел сом зос посцелі у намири **же** (вм. *же бим = да*) швидко облечем; Легинь подзвиг руку **же** (вм. *же би = да*) ю вдери, але сом го зопар (Е. Кочиш, 193, 208);

в) вместо союза «бо»: Вони го не сцу [вжац], **же (= бо)** мали; Але вони Триццедного не сцу зос собу, **же (= бо)** бул ище мали (РНП, 286) и др.

7) Наконец, отметим появление в русинском языке нового типа простых предложений с оптативным значением; оформляются они союзом «да»⁸: **Да** ми teraz фалат сланіни з парадичу и папригу! (Костелник Бд, 20); Хлапци, кед себе подумам яке сом там гніздочко зохабел. **Да** похибиш! — озвал ше еден (Ш-70, 2, 86).

Добавим также, что союз «да» через посредство сербско-хорватского языка проникает также в другие неюжнославянские переселенческие говоры, например, в кисский диалект словацкого языка в Славонии (с. Леденик): Тапсују, **да** velike kopore паросну [35, 181].

* * *

Представленный в настоящей работе материал показывает богатство связей языка русин Югославии, с одной стороны, со

⁸ Ср. сербско-хорватский материал в статье [6, 147].

славянскими языками и диалектами карпатского ареала (генетические связи), с другой стороны, с неславянскими карпатскими диалектами и языками и диалектами балканского союза (типологические связи).

В русинском языке выделяются древние карпатизмы с отчетливыми параллелями в большинстве языков и диалектов карпато-дунайского ареала; с другой стороны, в нем отразились и черты более позднего времени — балканизмы периода миграции балкайских народов на север (начиная с XIV в.). Русинские грамматические черты типологического характера обнаруживают в себе два основных пласта:

а) грамматические карпатизмы как древнего, так и нового времени, имеющие параллели в большинстве языков и диалектов рассматриваемой зоны (например, конструкция дательного притяжательного, числительное «едең» в функции неопределенного артикля — артиклоид и т. д.);

б) грамматические балканизмы, т. е. общие черты, свойственные славянским и неславянским языкам и диалектам Балканского полуострова.

Грамматические балканизмы проникают в язык русин Югославии через посредство сербско-хорватского языка начиная со второй половины XVIII в.; некоторые из них (как, например, союз «да») вызвали значительные изменения в грамматическом строе русинского языка, оказали влияние также на ряд собственно русинских грамматических категорий. В результате наметилась и прогрессирует тенденция к дальнейшему обособлению русинского языка от генетически родственных диалектов и его типологическому сближению, в частности, с южнославянскими языками. Протекание этого процесса в значительной мере облегчается наличием в сербско-хорватском языке таких общих с русинским черт, как неполногласие, аналитизм ряда грамматических категорий, обилие энклитик и широкое их использование и проч.

Таким образом, развитие языка русин Югославии, изолированного территориально и временем от языков и диалектов узко карпатского ареала, проходит, в отличие от этих последних, в условиях интенсивных многосторонних и постоянных контактов с сербско-хорватским языком, через посредство которого в него и проникает большинство грамматических (и лексических) балканизмов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бернштейн С. Б. Карпатский диалектологический атлас. — ВЯ, 1963, 4.
2. Бернштейн С. Б. Проблемы карпатского языкознания. — Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
3. Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948.
4. Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Т. IV. Казки, легенди, новели, історичні спомини з Банату. — Етнографічний збірник НТШ, т. XXV, Львів, 1909.
5. Гнатюк В. Словаки чи русини? — Записки НТШ, Львів, 1901, т. XLII, кн. IV.
6. Гудков В. П. К изучению конструкции «да» в сербохорватском языке. — Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
7. Дуличенко А. Д. Гу питаню о злучнику *да* у языку югославянских Руснаках. — Шветлосц, Нови Сад, рок XII, 1974, 3.
8. Дуличенко А. Д. К синтаксису падежей в языке югославских русин. (О специфике инструментального падежа). — Язык и литература. Самарканд, 1969.
9. Дуличенко А. Д. О єдиним жридли у вязы історії югославянских Руснаках у XVIII и XIX вьку. — Шветлосц, Нови Сад, рок X, 1972, 2.
10. Дуличенко А. Д. Об одном случае суперлативизации глагольных форм. — Язык и литература. Самарканд, 1969.
11. Дуличенко А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. — Советское славяноведение. М., 1972, 3.
12. Ивић М. Значењ а српскохрватског инструментала и њихов развој. Синтаксичко-семантичка студија. (САН. Посебна издања. Књ. 227. Институт за српски језик. Књ. 2). Београд, 1954.
13. Кобиланський Б. В. Діалект і літературна мова. (Східнокарпатський і покутський діалекти, їх походження і відношення до української літературної мови). Київ, 1960.
14. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел I и II. Скопје, 1966.
15. Кочиш М. М. Мацеринска бешета. Ч. I. Нови Сад, 1965; Ч. II. Нови Сад, 1967.
16. Лизанець П. М. Із спостережень над орудним зняряддја з приименником *з(из)*, *с(ис)* у закарпатських говорах. — Міжвузівська наукова конференція з проблем синтаксису української мови. (Тези доповідей). Чернівці, 1965.
17. Мушинка М. З глибини віків. (Антологія усної народної творчості українців Східної Словаччини). Братіслава-Пряшів, 1967.
18. Німчук В. В. Ступенювання в говірках району верхньої течії р. Боржави. — Доповіді та повідомлення Ужгородського ун-ту, серія історико-філологічна, 1957, I.
19. Поповић И. Извештај екавских говора у Бачкој. — Гласник САН, I, Београд.
20. Пушкаш М. Г. На новосадским мосце. (Поуки о языку). — Пноирска заградка. Нови Сад, 1970, 3.
21. Рот О. М. Особливості взаємин мов та діалектів південнокарпатського ареалу та роль українських елементів у їх розвитку. — Мовознавство, Київ, 1967, 6.
22. Скубан М. Зоз-зос-зо-з. (Правописни поради). — Літературне слово, 1967, 11. (Приложение к газ. «Руске слово», Нови Сад, 1967, 3. XI).
23. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. (Граматични системи и књижевнојезичка норма). I. Београд, 1964.

24. Стойков С. Банатският говор. (Трудове-по българска диалектология. Кн. 3). София, 1967.
25. Стойков С. Банатският езиков съюз. — Славянска филология, т. X. Езикознание. София, 1968.
26. Тагамлицкая Г. Сложение предлогов как средство пополнения категории предлогов в славянских языках. — Славянская филология. Т. III. Сб. статей. М., 1958.
27. Українські народні казки Східної Словаччини. Пряшів, 1966.
28. Фодо Ш. Некоторые данные о славянских заимствованиях в двух венгерских говорах Закарпатья (район Верхней Тиссы). — Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
29. Bajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica. 2. izd. Ljubljana, 1964.
30. Brabec J., Hraste M., Živković S. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb, 1965.
31. Szambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I odd.: Osnovy a iný materiál rečový. (I čiastka: Východoslovenské nárečie). Turč. sv. Martin, 1906.
32. Hornjoserbščina. I. Budyšin, 1967.
33. Jančák, P. Čeština v Ivanově Sele v Jugoslávii. — Slovo a slovesnost, Praha, 1971, roč. XXXII, č. 3.
34. Stolc, J. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949.
35. Stolc, J. Reč Slovákov v Juhoslávii. I. Bratislava, 1968.
36. Toporišič, J. Slovenski knjižni jezik. 3. Maribor, 1967.
37. Vesku V. O poreklu govora «banatskih Crnogoraca». — Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, XIV, кн. 2, 1971.
38. Záturecký, A. P. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1965.

* * *

АДЗП	— Антология дзецинскей поезиї бачванско-сримских руских писателюх. Руски Керестур, 1964.
АП	— Антология поезиї бачванско-сримских руских писателюх. Руски Керестур, 1963.
Г. Костельник	— Костельник Г. З мойого валала. (Идилски венец). Жовква, 1904.
Дю. Варга	— Варга Дю. Читанка за VI и VII класу основней школи. Руски Керестур, 1963.
Е. Кочиш	— Кочиш Е. Осушени слизи. Ляд на гарадичох. Нови Сад, 1968.
Ков. Цв	— Ковач М. Цихи води. (Вибрани приповедки). Нови Сад, 1970.
Ков. Чит.	— Ковач М. Читанка за II класу основней школи. Руски Керестур, 1963.
Костелник Бд	— Костелник В. Бисерни дражки. Роман v трох часцох. Нови Сад, 1971.
М. Кочиш	— Кочиш М. Крочаї. (Приповедки за дзеци). Руски Керестур, 1963.
НК	— Народни календар. Руски Керестур — Нови Сад.
НП, I, II	— Наша писня. Зборник народних и популярних писнюх югославянских Русинох. Руски Керестур. Кн. I, 1953; кн. II, 1954.
ОР	— Одгук з ровнини. Зборник приповедкох. 1941—1961. Руски Керестур, 1961.

- ПЗ — Пионирска заградка, Руски Керестур — Нови Сад.
 ПРЯ — Кочиш М. Правопис руского языка. (Школске виданє). Нови Сад, 1971.
 ПТР — Кочиш М. Приручни термилошки речник српскохрватско-русинско-украјински. Нови Сад, [1972].
 РК — Руски календар за јужнословянских /југославянских Русинох/Русинаох... Ср. Карловци — Руски Керестур — Нови Сад.
 РНП — Народни приповедки бачванских Русинох. (По етнографичних материялох В. Гнатиюка). Ред. Дю. Латак. Руски Керестур, 1967. (Сокращение дано по внешнему титульному листу: Руски народни приповедки).
 РНПи — Руски народни писні у записох В. М. Гнатиюка. Зред. и до друку пригатовел Дю. Латак. Руски Керестур, [1972].
 РС — Руске слово, Руски Керестур — Нови Сад.
 Фейса Жл — Фейса Я. Желени листочка. (Писні за дзеци). Руски Керестур, 1964.
 Ш — Шветлосц: Нови Сад.
 Ш. Чакан — Чакан Ш. Басни. Нови Сад, 1971.

СОКРАЩЕНИЯ

болг.	— болгарский	макед.	— македонский
болг. бан.	— болгарско-банатский	пол.	— польский
венг.	— венгерский	рум.	— румынский
в.-слов.	— восточнословацкий	словен.	— словенский
диал.	— диалектное	срхв.	— сербско-хорватский
зак.-укр	— закарпатско-украинский		

ЗНАЧЕНИЕ ВАЛЕНТНОГО И КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА СЛОВ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ЭСТОНСКИХ СЛОВАРЕЙ

А. И. Пихлак

Переводной словарь является важнейшим средством в общении разноязычных народов. В нашей стране этим орудием являются прежде всего словари, где сопоставляются русский и национальные языки, т. е. русско-национальный и национально-русский словари. Совершенно очевидно, что развитие этой отрасли языкознания имеет большое практическое значение. Настоящая статья посвящена вопросу улучшения русско-эстонской лексикографии, ее дальнейшего теоретического и практического развития.

I

История русско-эстонских словарей не уходит в далекое прошлое. Первым из них можно считать труд Д. Мевеса «Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках», Рига, 1876. Если не считать словарей со словником менее 20000 заглавных русских слов и терминологических русско-эстонских словарей, то список имеющихся словарей этого типа ограничивается менее чем десятью наименованиями. Это «Русско-эстский словарь, составил Я. А. Кервь, Таллин, 1889», «Русско-эстонский словарь, составленъ подъ редакціей Т. Кузика, Ревель, 1900», «Русско-эстонский словарь, составилъ И. Ю. Юркатамъ, Юрьев, 1904», «Систематический русско-эстонский словарь, составилъ М. М. Нейманъ, Ревель, 1929», «Н. Г. Каротамм, Русско-эстонский словарь, М., 1940», «Русско-эстонский словарь, составил проф. П. Арумаа, с грамматическим введением и при участии лектора Б. Правдина, Тарту, 1940» (второе неизмененное издание под названием П. Арумаа, Б. Правдин, И.-В. Вески, Русско-эстонский словарь, Таллин, 1975), «Русско-эстонский словарь, составил В. Мухель, Таллин, 1953» (шестое дополненное издание, Таллин, 1977). Наиболее полным

из названных словарей является РЭС Арумаа (превышает другие по объему вдвое). Все перечисленные словари пытаются так или иначе учесть интересы носителей двух языков и совместить три типа пользования: установку на носителя русского языка, переводящего с русского на эстонский, и установку на носителя эстонского языка, изучающего русский язык или переводящего с русского на эстонский. Ср. «словарь предназначается в первую очередь в качестве пособия для эстонцев при чтении русской... литературы, и еще в большей степени при непосредственном изучении русского языка. С другой стороны, как издательство, так и редактор словаря со своими сотрудниками полагают, что данный словарь может удовлетворить практические и культурные потребности русских, которые с той или иной точки зрения интересуются эстонским языком» (предисловие к РЭС Арумаа). Поэтому в них встречаются разные способы построения словарных статей заглавных однозначных и многозначных слов: простые перечисления эквивалентов, перечисления с особой пунктуацией («переводы, вполне тождественные по значению, различаются запятыми, а переводы, не вполне тождественные по значению и имеющие разные смысловые оттенки, отделяются друг от друга точкой с запятой» — предисловие к РЭС Каротамма), перечисления эквивалентов с применением помет, указывающих на сферу употребления заглавного слова (бот, зоол, ист), стилевые особенности (разг, поэт), грамматическую принадлежность (перех, нареч) и грамматическую сочетаемость (от чего-л, чему-л) и область употребления, т. е. типическую, семантически мотивированную лексическую сочетаемость или «семантическую сочетаемость». Семантическую сочетаемость показывают в виде «ключевых слов», помещенных в скобках перед или после переводного эквивалента: «ершистый püsti, turris (вопе); fig. trostlik, tõrges, jonnakas (парень)» (РЭС Арумаа) — а также помет, дополняющих или ограничивающих значение приблизительных переводных эквивалентов, т. е. помет, приводящих приблизительные переводные эквиваленты в подлинное соответствие с заглавным словом: «нашив-ка... (aukraadi) pael» (РЭС Мухеля). Как правило, словари дают часть этих помет на русском, часть на эстонском языках, исключение составляет разве РЭС Каротамма, где уже в предисловии недвусмысленно указано, что «при словах даются указания на область употребления данного слова, грамматические ремарки, а также стилистические пометы. Все эти указания относятся к русским словам и даются на русском языке» (т. е. словарь имплицитно ориентирован на русского читателя), и небольшой словарь Б. Правдина (Русско-эстонский словарь Б. Правдина, Тарту, 1936), в котором все пометы даются на эстонском языке, т. е. словарь ориентирован на носителя эстонского языка (ср. предисловие к этому словарю: «käesoleva sõna-

raamatu eesmärgiks on hõlbustada vene keele õppimist ning vene kirjanduse lugemist»).

Проиллюстрируем сказанное примерами из русско-эстонских словарей (в основном будем пользоваться РЭС Арумаа и РЭС Мухеля, учитывая объем первого и недавнее появление второго); в целях экономии места словарные статьи приводятся не полностью, а только в части, интересующей нас; опущенное отмечаем троеточием.

1. Простое перечисление эквивалентов: «люмпенпролетариат *lumpenproletariaat, kaltsakproletariaat, põhjakiht, pätid*» (РЭС Арумаа), «кладбище... *surruaed, kalmistu*» (РЭС Мухеля)

2. Перечисление эквивалентов с применением ограничительной пунктуации: «крем *kreem, vahukoog; saapamaäre, nahavoie*» (РЭС Арумаа), «втемную *pimesi, pimedast peast; huupi*»

3. Использование помет стиля и сферы употребления: «кликать... *lõtk. hõikama, huikama, hõiskama, hüüdma; hüsteeriliselt karjuma*» (РЭС Арумаа; *lõtk.* относится к «кликать», а не к эстонским эквивалентам), «балбес... *kõnek. põlgl. tobu, tõplane*» (РЭС Мухеля; *kõnek. põlgl.* относится к входной и выходной частям одинаково), «забияка... *kõnek. tülinorija, riukukk, kakleja*» (РЭС Мухеля; *kõnek.* относится только к «забияка», хотя эта помета должна бы по-видимому относиться и к *riukukk*), «кущение... *ag. võtsumine*» (РЭС Мухеля; *ag.* относится к входной и выходной частям одинаково), «загиб... 2. полит. *kõrvalekaldumine, põige*» (РЭС Каротамма). Случаев, где помета стиля или сферы употреблений относилась бы только к выходному слову, т. е. указывали на признак, по которому это слово не соответствует входному, нами не было обнаружено, хотя они возможны.

4. Использование грамматических помет: «посреди 1. *adv. keskel, keskpaigas; 2. prep. (с. gen) kesk, keset*» (РЭС Арумаа), «мазать... *määgima ... intrans. ebaruhtalt määgima* (на рояле)» (РЭС Арумаа), «мостить несов... *sillutama, prügitama; laudadega katma*» (РЭС Мухеля). Грамматические пометы относятся так же, как и пометы (3) или только к входной части, или к обеим частям одновременно, но третий случай (к выходной части) тоже возможен.

5. Использование помет, указывающих на семантическую сочетаемость входного слова: «пучить *täis ajama (kõhtu), kergitama (pääd), pungile ajama (silmi)*» (РЭС Кузика), «обложка... *kaitsepaber, katterpaber, (vihikukaane) ümbris-paber*»... (РЭС Мухеля), «вырубать... *üles lõõma (tuld)*» (РЭС Керва), «линять *pleekima, valastuma* (материя)» (РЭС Арумаа), «сдавать... *üürile andma* (квартиру)» (РЭС Арумаа), «напевать *viisi laulma; omaette laulma, ümiseма* (тихо)» (РЭС Арумаа), «бить... *tapma, lahtima* (loomade kohta)» (РЭС Мухеля).

6. Использование помет, указывающих на грамматическую сочетаемость входного слова: «лакействовать... fig. end sulaslikult alandama (перед кем-н)» (РЭС Арумаа), «прицеливаться... 1. (в кого-л, во что-л) sihtima; (к чему-л) poolima, kiikama» (РЭС Мухеля).

7. Использование помет в виде поясняющего контекста к входному слову: «напевать... valet kaebama (начальству на кого-н) ...» (РЭС Арумаа).

8. Использование помет, разграничивающих значение слова выходного языка: «отхаживать 1. (кого-л) (hoolitsemisega) terveks ravima» (РЭС Мухеля), «сдавать... ära v. kätte v. üle andma; (tulis, võitluses) alla andma; (raha ülejääki) tagasi andma (с рубля мелочью)...» (РЭС Арумаа), «доярка (palgeline) lüpsinaine» (РЭС Арумаа), «зарезать... surnuks pistma, surnuks pussitama; tapma (looma)» (РЭС Мухеля).

9. Использование помет энциклопедического характера для пояснения смысла входного и выходного слов: «обломовщина... kirj. obloomovlus (I. Gontšarovi romaani «Oblovov» peategelase järgi) ...» (РЭС Арумаа), «коровик... (bot) lehmamokk, kopsikas (seen)» (РЭС Мухеля).

Такая система построения словарных статей позволяет носителю эстонского языка понять и переводить русские тексты на эстонский язык, но позволяет ли она носителю русского языка переводить с русского на эстонский и носителю эстонского языка получить правильное представление о словах русского языка? Обратимся к некоторым примерам из фактического материала.

Русские слова «путь» и «дорога» получают в РЭС Арумаа трактовку «путь ... tee, teekond...; rada; matk» (дорога tee; teekond; matk), а в РЭС Мухеля трактовку «путь ... tee, teekond...» «дорога ... tee, teekond, reis, matk». Переводы указывают, что «путь» и «дорога» несинонимичны, однако разницу между ними эстонский читатель не узнает. Правда, он может прибегнуть к иллюстративному материалу, к переводам, напр., «какими путями missugusel teel, kuidaviisi, kustkaudu», «быть в дороге teel v. matkal olema»; однако недостаточная характеристика значений слов в словарных статьях затемняет также смысл выделенных особо словосочетаний. Как указывают исследователи, семантика слова «путь» в русском языке отвлеченнее семантики слова «дорога», некоторые значения первого не совпадают со значениями второго (Боровков, 1957, 146). По Словарю современного русского литературного языка, М., 1950—1965 (ССРЛЯ) «путь» это 1. полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога, 2. место, по которому можно или нужно пройти, проехать, проехать, 3. линия движения в какую-либо сторону, к какому-либо месту (обычно заранее определенному, намеренному; направление, 4. процесс езды, передвижения; поездка, путешествие,

5. органы в виде каналов, в которых совершается какая-либо деятельность животного организма, 6. средство, способ достижения чего-л, образ действия, 7. прок, толк, 8. в русских княжествах и в Московском государстве ведомство, управление княжеским или государевым имуществом; доход с должности, с имущества; «дорога» это 1. полоса земли, служащая для езды и ходьбы, 2. направление, путь следования, 3. процесс езды, передвижения; поездка, путешествие, 4. уда с блесной для ловли шук. Очевидно, что в данном случае русско-эстонские словари совершенно не справились с задачей раскрытия значения русских слов «путь» и «дорога». Еще один пример. Русские слова «повеса, лодырь, шалопай», толкуются в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1934—1940) следующим образом: «повеса» — бездельник, шалун, проводящий время в проказах, «лодырь» — бездельник, «шалопай» — бездельник, повеса (а «бездельник» — человек ленивый, пребывающий в постоянной праздности, лентяй, «лентяй» — тот, кто постоянно ленится, кто неохотно, лениво работает, лодырь, «шалун» — тот, кто шалит, резвится, проводит время в проказах). Развертывая теперь толкования этих трех слов, получим, что «лодырь» — это «человек ленивый, пребывающий в постоянной праздности», «повеса» и «шалопай» — «человек ленивый, пребывающий в постоянной праздности и проводящий время в проказах». По РЭС Арумаа «повеса» — *vallatu; võrukael; logard; vallatu jõnglane, ragun*, «лодырь» — *looder, logard, päevavaras*, «шалопай» — *looder, logard; vedeleja, laiskur, tolgu*. По РЭС Мухеля «повеса» — ... *võrukael, logard*, «лодырь» — *looder, logard, päevavaras*, «шалопай» — *logard, looder*. Тут совершенно очевидно стремление составителей русско-эстонских словарей копировать толкования слов в толковых словарях русского языка (ср. «шалопай» бездельник, повеса, *logard, looder/looder, logard; vedeleja, laiskur, tolgu*), упуская из виду, что пользующийся толковым словарем извлекает значение искомого слова из суммы значений толкующих синонимов (шалопай = бездельник + повеса), а пользующийся переводным словарем этого не делает: для него «шалопай» или *logard, looder* или *vedeleja, laiskur, tolgu* (в РЭС Арумаа).

Вероятность получения ошибочного представления о заглавных словах особенно велика, когда они незначительно отличаются семантически, напр., когда набор семантических множителей (о них ниже) одного слова включает только один дополнительный множитель по сравнению с набором другого слова. Напр. «доставить» (о существительных, связанных с положительными или отрицательными эмоциями: доставить радость, удовольствие, много хлопот), «причинять» (о существительных, связанных только с отрицательными эмоциями: причинять неприятность, убытки, беспокойство), приблизительно также соот-

носятся «задумывать-замышлять», «распространять-распускать» (Сукаленко, 1976, 83—84). В русско-эстонских словарях это различие отражается, но настолько имплицитно, что пользующиеся словарем носители эстонского языка наверняка не догадаются об этом, ср. «доставлять... tekitama (rope); sünnitama, tegema (удовольствие) ... причинять... põhjustama, tekitama (убытки, беспочвенность) (РЭС Арумаа), «доставлять... 2. (что-л. кому-л) valmistama, põhjustama, tekitama, sünnitama, причинять... põhjustama, tekitama, tegema п. вред kahju tekitama, kahjustama» (РЭС Мухеля). Е. С. Истрина вполне справедливо расценила как недостаток русско-национальных словарей нанизывание синонимов без уточнения семантических границ, особенно в тех случаях, когда значение слова более или менее резко отграничено и когда нагромождение синонимов вызывает недоумение — что они значат — богатое ли отражение данного понятия в другом языке или наоборот, отсутствие в нем подлинного соответствия (Истрина, 1944). Труд составителей русско-эстонских словарей усложняется тем, что эти словари разрабатываются на основе данных толковых словарей русского языка, дающих часто вместо исчерпывающих круговые толкования. Напр., глагол «вырабатывать» в одном из значений толкуется в ССРЛЯ как «производить, выделять что-л» (В древних могилах Вендских нашлись копья... искусно выработанные с серебряной оправой и насечкой); «производить» в свою очередь толкуется как «вырабатывать, изготовлять, выпускать» (Его жена будет производить ткань), «выделять» как «делать из какого-то материала какие-то предметы, доводить что-л. обработкой до годного к употреблению состояния, производить, вырабатывать» (Здесь кузнецы выделяли оружие), «делать» как «производить что-л, вырабатывать» (Я гайки делаю, а ты для гаек делаешь винты), «изготовлять» как «делать, вырабатывать, производить». (Семенов один изготовляет десятки миллионов ложек). За исключением фразы «... доводить что-л. обработкой до годного к употреблению состоянию», все приведенные толкования повторяют друг друга. По словарю получается, что **вырабатывать** (самовары) является синонимом к **выпускать** (самовары), толкование которого дано как «производить, вырабатывать товары, изделия» (Завод выпускает продукцию отличного качества). Тем не менее интуиция, а также сравнение контекстов, где встречаются эти глаголы, подсказывает, что **вырабатывать** (самовары) отличается от **выпускать** (самовары) по признаку «тщательности производства» (ср. неправильно «рабочие вырабатывали брак»). Вполне естественно, что переводные словари дают обоим этим глаголам одинаковые соответствия: tootma (изделия, товары).

Из сказанного можно сделать вывод о первом основном недостатке русско-эстонских словарей: стремление к приведению

максимального числа переводящих синонимов без учета наличия аналогичного синонимического ряда во входном языке, что приводит к потере точного смысла русского слова и затушеванию различия между переводящими синонимами.

II

Второй недостаток русско-эстонской лексикографии касается представления в словаре сведений о сочетаемости слов. Подобно значению, сочетаемость является неотделимой стороной слова, создающей совместно со значением и звуковой оболочкой его качественную характеристику. Поэтому изучение слова неотделимо от изучения его сочетаемости — синтаксической и лексической. Вслед за Ю. Д. Апресяном, синтаксическую (грамматическую) сочетаемость будем трактовать как способность данного слова подчинять словоформы некоторых синтаксических классов и подчиняться словоформам некоторых синтаксических классов, а лексическую сочетаемость — как способность данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного списка (Апресян, 1974, 60—61). Известно, что часто в прямой связи с синтаксической сочетаемостью слова находится его лексическое значение или оттенок значения. Напр., «возбуждать: «возбуждать что-кого» (приводить в беспокойное состояние; волновать), «возбуждать кто-что» (поднимать, ставить на обуруждение общественности, учреждения и т. п.), «возбуждать кто-что — в ком» (способствовать появлению, возникновению чего-либо, вызывать что-либо), «возбуждать кого против кого-чего» (Махароблидзе, 1971, 10—11, также ССРЛЯ). Если показ сочетаемости в определенной степени необязателен в толковых словарях (учитывая, что носитель языка знает сочетаемость автоматически), то в двуязычных словарях он абсолютно необходим, так как задача научить активному употреблению слова (слова выходного языка для носителя входного языка и наоборот) более существенна для двуязычного словаря, чем для толкового. Здесь в первую очередь нужен показ синтаксической сочетаемости (по крайней мере для глаголов, отглагольных существительных и предлогов): грамматические системы двух языков никогда не совпадают, и если в двуязычном словаре не будут зафиксированы значения слов в зависимости от их дистрибуции, то изучающий язык неизбежно будет переносить языковые грамматические навыки родного языка на изучаемый. Действительно, как может изучающий эстонский язык русский правильно употребить глагол «mitte hoolima» (пренебречь), если в русско-эстонских словарях не указывается, что в эстонском языке этот глагол требует объекта в элативе, а не в родительном (как в русском языке), или как может эстонец, изучающий русский язык, правильно употребить глагол «поклоняться»,

если этот глагол имеет в русском языке объект в дативе, а не в генитиве (как в эстонском языке).

Не менее важен и показ лексической сочетаемости, зависящей исключительно от нормы и законов данного языка. Слова, сочетающиеся только по законам языка, имеют одинаковые значения, но каждое из этих значений имеет много различных словесных выражений, причем выбор последних в основном зависит от ключевого слова. Следовательно, лексические наполнения — это комбинаторно обусловленные варианты одного и того же значения или одинаковой лексической функции. Напр., расхождения в лексическом выражении таких глаголов как «погаснуть» (об огне), «закончиться» (о войне), «утихнуть» (о ветре), «пройти» (о моде), «пропасть» (об аппетите) целиком обусловлены соответствующими существительными, с которыми сочетаются данные глаголы, сами же глаголы имеют одно и то же значение или лексическую функцию «конца действия». Поскольку лексическая сочетаемость непосредственно связана с идиоматикой языка, описание в двуязычных словарях случаев расхождения этой сочетаемости совершенно необходимо. Напр., функция «высокая степень качества»: англ. ringing (букв. звенящий) frost — трескучий мороз — эст. paukuv (букв. хлопающий) külm; англ. heavy (букв. тяжелый) rain — сильный дождь — эст. ränk (букв. тяжелый) vihm; англ. strong (букв. сильный) tea — крепкий чай — эст. kange (букв. сильно насыщенный) tee. Особенно часты факты несовпадения лексических выражений внутри одной и той же функции в двух языках тогда, когда в одном языке, несмотря на наличие нескольких ключевых слов, лексическое наполнение остается одинаковым, в отличие от другого языка, где ключевые слова меняют лексическое выражение, напр., мелкие деньги — reengaha, lahtine raha, мелкая буржуазия — väikekodanlus, мелкий вид — pisiliik, мелкие куски — väikesed tükid, мелкие интересы — väikesed huvid, väiklased huvid, мелкое озеро — madal järv, мелкая тарелка — madal-taldrik, praetaldrik (РЭС Арумаа). Носители языка овладевают идиоматической лексической сочетаемостью автоматически, но эта проблема является настоящей загадкой для людей, изучающих данный язык в качестве неродного.

Русско-эстонские словари, ориентированные в основном на носителя эстонского языка, полностью игнорируют показ грамматической сочетаемости в выходной части словаря, но они отражают весьма непоследовательно и неполно также и грамматическую сочетаемость русских слов. Напр., в РЭС Мухеля глагол «возбуждать» (полную грамматическую сочетаемость которого мы показали выше) трактуется как: возбуждать (кого-л, что-л) 1. esile kutsuma, alustama, algatama, üles tõstma 2. (кого-л, против кого-л, против чего-л) õhutama, ässitama 3. (кого-л) erutama, ärritama — опускает таким образом соче-

таемость «кто-что-в ком»; сочетаемость русских существительных показывается выборочно (**ключ** чего-л, от чего-л), но **крепление** — сочетаемость не показана, хотя можно было бы «что-л к чему-л»; сочетаемость показывается часто недифференцированно к тем или иным значениям — «вязать (кого-л, что-л, чем-л) 1. siduma 2. kuduma, heegeldama — непонятно, к каким значениям относятся сочетаемости «кого-л, что-л, чем-л». Если в РЭС Мухеля синтаксическая сочетаемость русских слов показана все же довольно полно, то в других русско-эстонских словарях этот вопрос фактически обходится вниманием.

Существуют многочисленные случаи расхождения идиоматической лексической сочетаемости, и словарь должен их отражать. Видимо, теория лексических функций дает возможность привести подачу лексической сочетаемости в словарях в определенную систему (Сукаленко, 1976, 81). (Отметим, что не все случаи идиоматической сочетаемости удается подвести под какую-нибудь абстрактную лексическую функцию — ср. черный лес — lehtpuumets, черное духовенство — kloostrivaimulik; mungaseisus, mungad, черная дичь — jah. mustulukud, metssead; черный хлеб — rukkileib). На самом деле, хотя существующие русско-эстонские словари и приводят лексическую сочетаемость; это делается довольно бессистемно. Напр., в РЭС Арумаа сочетания, выражающие в словарной статье **черный** лексическую функцию «отрицательное качество в высокой степени», разбросаны по всей статье (черная душа — must v. alatu hing, черная дума — kuri v. halb e. raha mõte и т. д.), причем опущено, напр., «черная зависть». Если бы составитель ставил себе цель последовательно отражать в эстонском языке эту функцию, не было бы ни пропусков, ни разброса сочетаний одного качества. В РЭС Арумаа при слове **характер** нет сочетания «выдержат характер» (iseloomu välja pidama, iseloomule ustavaks jääma), при слове **приговор** есть «вынести приговор» (otsust tegema), но нет «привести в исполнение приговор, обжаловать приговор», при слове **снег** есть «снег идет», но нет «выпал снег, сошел снег», при слове **экзамен** есть «выдержать экзамен», но нет «провалиться на экзамене». Двухязычные словари и не должны приводить всю идиоматическую лексическую сочетаемость входного языка, но должны фиксировать все случаи несовпадения лексических выражении одной и той же функций при одном и том же ключевом слове. В рассматриваемых словарях же часто приводятся сочетания слов, которые на эстонский язык переводятся неидиоматически и показ которых поэтому совершенно не оправдан. Напр. в РЭС Арумаа: **завязывать**... завязывает шнуром, лентой paelaga, lindiga kinni siduma, но отсутствует сочетание «завязывать дружбу», в которой «завязывать» выражает лексическую функцию «начало», получающую в эстонском языке условное соответствие «sõbrust alustama»; **выжигать**...

выжигать клеймо (tulise rauaga) märki sisse põletama v. kõrvetama; солнце выжигает посевы päike kõrvetab külvi ära; выжигать по дереву (tulise riistaga) puusse põletama v. joonistama; грозою выжгло несколько дворов impers. äikesega on mitu talu maha põlenud; выжигать уголья süsi v. miili põletama — в этих сочетаниях «клеймо» обуславливает перевод sisse põletama v. kõrvetama, «солнце» — перевод kõrvetama, «по дереву» — põletama v. joonistama + инессив обстоятельства — остальные же сочетания ничего нового о слове не сообщают, они излишни. Наблюдаются случаи, где составители не делают разницы между отдельными значениями слова и различным словесным выражением одного и того же значения: в словарной статье **жгучьсть** (РЭС Арумаа) в качестве значения слова «жгучий» дается lõikav, tegav (сатира); где «сатира» — ключевое слово, указывающее на семантическую сочетаемость, а в качестве лексической сочетаемости приводятся «жгучий мороз» (lõikav pakane) «жгучий вопрос» (põletav küsimus), «жгучий брюнет» (väga tume brunett) — трудно увидеть разницу между «жгучей» сатирой и «жгучим» морозом, если они оба переводятся при помощи эстонского «lõikav». Из-за несистематизированной подачи материала наблюдаются повторения, ср. РЭС Арумаа дает сочетание «прохладительный напиток» дважды: в статье **напиток** и в статье **прохлада**. Видимо, надо проводить одну линию: приводить лексическую сочетаемость под ключевым словом или под варьирующим.

Из существующих русско-эстонских словарей только РЭС Арумаа показывает достаточно полно лексическую сочетаемость: другие же (в основном, видимо, в силу объема) делают это от случая к случаю.

Отсюда вытекает второй основной недостаток русско-эстонских словарей: сопоставляются значения без регулярного указания на правила их сочетания и употребления, т. е. на правила их лингвистического бытия и реализации, что очень затрудняет использование таких словарей в активной речевой практике и при изучении словарного состава русского языка.

III

Чтобы двуязычные русско-эстонские словари действительно были доброкачественными справочниками по словоупотреблению, чтобы они отвечали основному требованию, предъявляемому к двуязычным словарям — принцип установления эквивалентных отношений элементов лексики двух языков, приписания слову входного языка оптимального варианта в выходном языке, где потери смысла не будет либо вообще, либо она будет минимальной, — они должны быть не только переводными; но тол-

ково-комбинаторно-переводными, т. е. включать регулярно: 1. заглавное слово и его грамматические характеристики, 2. толкование значения заглавного слова и его перевод на эстонский язык, 3. основные сочетания слов (лексические и грамматические). Они должны быть ориентированными на определенный язык: в словарях, рассчитанных на носителя эстонского языка, языком толкования должен быть эстонский; в словарях, рассчитанных на носителя русского языка, языком толкования должен быть русский. В словарях, рассчитанных на носителя эстонского языка должна характеризоваться синтаксическая сочетаемость русских слов; в словарях, рассчитанных на носителя русского языка, должна характеризоваться синтаксическая сочетаемость эстонских слов (поскольку грамматическая система является неотъемлемой принадлежностью данного языка, характеристика синтаксической сочетаемости русских слов должна даваться в русской терминологии, а синтаксическая сочетаемость эстонских слов — в эстонской терминологии). Случаи расхождения лексической сочетаемости должны приводиться одинаково как в словарях, рассчитанных на носителя русского языка, так и в словарях, рассчитанных на носителя эстонского языка (простое перечисление определенных словосочетаний в одном языке без сопоставления со словосочетаниями другого языка превратило бы их в обычный иллюстративный материал).

Необходимость регулярного приведения толкования обусловлено тем фактом, что при составлении двуязычных словарей (особенно тех, в которых представлены далекие языки) вопросы перевода вызывают едва ли не самые значительные трудности как объективного, так и субъективного характера, преодоление которых в конечном итоге зависит только от возможностей и усилий самих лексикографов. Конечно, в русско-эстонских словарях дело не настолько сложно как, скажем, в турецко-русских словарях, где, по словам А. А. Юлдашева, добрая половина турецких слов (и почти все глаголы) ником образом не может быть адекватно переведена на русский язык путем прямого подбора собственно лексических соответствий (Юлдашев, 1972, 406). Отсюда и объективная необходимость нанизывания за неимением лучшего малоэквивалентных вариантов перевода, с определенной полнотой и точностью отражающих природу переводимого слова часто лишь в своей совокупности, без указания степени их соответствия этому слову ни в отдельности, ни в совокупности. Сочетая возможно близкий прямой перевод с предельно сжатым и строгим описательным (толкованием) — в таком комбинированном способе перевода заложена наиболее перспективная возможность для устранения вышеотмеченных типичных недостатков решения вопросов перевода в переводных словарях, рассчитанных на массового читателя (Юлдашев, 1972, 411—412).

Сама по себе идея составления толково-комбинаторно-переводных словарей не нова. Л. В. Щерба высказал уже в 1940 г. мысль, что радикальным решением вопроса о двуязычных словарях было бы создание таких словарей, которые, по сути дела, были бы толковыми иноязычными словарями на родном языке пользующегося словарем, и где могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование (Щерба, 1940, 115). Е. Истрина пишет, что определенные слова требуют в двуязычных словарях прежде всего регулярного толкования, без которого не может быть усвоено подлинное значение каждого из них, не может быть найден и более подходящий перевод их на другой язык. Она рекомендует в связи с этим для передачи подобных лексических соответствий а) расчлененная значения русского слова, снабжать каждый семантический раздел толкованием или кратким уточняющим пояснением, чтобы сразу становилось ясно, о каком значении идет речь, б) при каждом значении указывать те реальные переводы, которые наиболее для этого значения приемлемы (Истрина, 1944, 87—89). Л. П. Ступин, анализируя английские двуязычные словари, приходит к выводу, что двуязычной лексикографии необходимы словари нового, толково-комбинаторного типа, с указанием дистрибуции значения слова — «вопрос об их создании уже давно стоит на повестке дня» (Ступин, 1968). Американский лексикограф И. Е. Яннуччи предлагает тип двуязычных словарей, координированных с толковым: переписывается словарная статья из толкового словаря исходного языка, а затем ко всем значениям словарной статьи толкового словаря приводится перевод, при этом нумерация полностью совпадает в двух частях словарной статьи (ср. англ. *country*... п. 2. *rural parts, as opposed to cities or towns; usually with «the»* фр. п. 2. *campagne* (Яннуччи, 1962). Конечно, членение значений в двуязычном словаре должно при этом непрерывно следовать за членением в толковом словаре исходного языка, но это отвечает одному из основных требований к двуязычному словарю: выходной язык должен находиться в функциональной зависимости от входного языка и вовлекаться в словарь лишь постольку, поскольку это требуется для описания значений слов входного языка (Берков, 1973, 12). В дискуссии по двуязычной лексикографии, проводимой в течение нескольких лет на страницах журнала «Русский язык за рубежом» (1971—1975), многими авторами предлагается включить в содержание словарной статьи сведения о значении лексических единиц путем их перевода, толкования и иллюстрации употребления слов.

Наиболее сложной теоретически и трудно реализуемой практически является проблема семантизации лексических единиц входного языка путем толкования. Это толкование не должно представлять собой «всеобъемлющее» описание, абсолютное

определение значений, а должно сделать в первую очередь наглядными семантические отношения между словами, близкими по значению, т. е. должно представлять собой «объяснительный минимум» для слов, близких по значению. Это предполагает, что весь словник исходного языка должен быть предварительно разбит на лексико-семантические группы (ЛСГ), объединяющие слова 1) одной части речи, 2) с сопоставимыми и взаимосвязанными лексическими значениями, 3) имеющими в своем содержании общий (базовый) семантический компонент и 4) связанные между собой отношениями уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений (определение ЛСГ дано по: Ф. П. Филин, О лексико-семантических группах слов. «Языковедские исследования в честь на акад. Стефана Младенова», София, 1957, стр. 353; цит. по Кузнецовой, 1974, 4). Правильность объединения слов в ЛСГ подтверждается, если элементы, по которым различаются между собой отобранные слова, представляют собой детализацию одного компонента, общего для всех этих слов (Селиверстова, 1967, 127). Следует тут же оговориться, что выделение ЛСГ — чисто технический прием, облегчающий анализ, фактически же словарный состав языка обладает свойством непрерывности, семантической дискретности, обусловленной тем фактом, что в языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении, каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других — образно говоря, «за выбранной карточкой потянется вся картотека» (Караулов, 1976, 66—76). Как показывает опыт, цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента (ук. соч. 77).

В ЛСГ входят, конечно, не многозначные слова, а слова, взятые в одном значении, т. н. моносемы. Это значение отождествляется с той знаковой информацией, которую получит человек, владеющий данным языком, при восприятии означающего слова, представленного в звуковой или графической цепочке, а также — при мысленной речи — в их психическом корреляте (знаковая информация — информация о денотате слова). В значение входит только та часть общего набора сведений о данном классе объектов, которое будет передано слушателю при произнесении соответствующей звуковой цепочки (Селиверстова, 1975, 6—9). Проведение исследования под углом зрения того, что сообщается о денотате, позволило бы отбросить очень многие из тех значений, которые выделяются в словарях. Напр. значения слова «класс» — уровень спортивной подготовки (футболист высокого класса), уровень литературной подготовки (журналист высокого класса), уровень научной подготовки (физик высокого класса) охватываются значением «уровень профес-

сиональной подготовки (Апресян, 1974, 246). Моносемой является, таким образом, слово, охватывающее столько значений, сколько может быть описано одним толкованием.

Для составления «описательного минимума» значений слов необходимо все выделенные ЛСГ подвергнуть валентному и компонентному анализу значений. В трактовке этих двух типов анализа следует исходить из их единства: хотя валентность и определяется как сочетательная способность одноуровневых средств языка (Степанова, 1973, 8), она основана в первую очередь на понятийном содержании языкового знака, на глубинной структуре высказывания (Зоммерфельдт, 1971) и проявляется в свойстве языковой единицы требовать для эксплицитной реализации своей семантики определенных распространителей. Такую валентность можно назвать «семантической» или «активно-семантической». Каждой из семантических валентностей слова соответствует переменная в толковании его значения (Апресян, 1974, 60—61, 120). Сущность валентного анализа заключается, таким образом, в выявлении активных семантических валентностей — обязательных переменных в толковании слова. На практике их определение сводится к установлению участников описываемой словом ситуации и приписанию им содержаний или ролей. Ситуацией обладают все языковые единицы, так как «значение слова представляет собой комплекс условий, которые должны быть выполнены, чтобы слово могло обозначать» (Вейнрейх, 1762, 29). Под ситуацией понимается все, что составляет определение предмета, обозначающего данным словом: в экстралингвистическом плане ситуации соответствует та обстановка или те условия, в которых находится рассматриваемый предмет, а в лингвистическом плане — контексты, сочетаемость и совместная встречаемость слов, обозначающих объекты и явление внешнего мира. Путь осмысления ситуации — от ЛСГ слов к отдельным словам.

Проиллюстрируем анализ ситуации «приобщения объекта» из работы Кузнецовой, 1974, стр. 8—10. Этой ситуацией характеризуется ЛСГ, базовой единицей которой является «братъ». Под ситуацией «приобщения объекта» понимается один из типов действий-отношений, при котором целью субъекта, производящего действие, является приобщение к себе какого-либо объекта, существовавшего до действия отдельно и независимо от него. В результате осуществления действия между субъектом и объектом устанавливаются отношения совместимости, которые в общем виде могут быть интерпретированы как отношения владения. Общим функциональным признаком глаголов ЛСГ «братъ» является их способность выступать в качестве предикатов во фразах, содержащих в себе информацию о той или иной разновидности ситуации «приобщения объекта». Типичные семантические валентности этой ситуации — позиция субъекта

действия, позиция объекта действия, позиция места-источника, позиция второго субъекта, с которым связан объект (т. е. позиция контрагента), позиция цели приобщения. В отдельных случаях в зависимости от конкретного глагола некоторые из этих позиций могут опускаться, могут появиться некоторые другие, новые: напр., в ситуации «аренды» (Апресян, 1974, 120) появляются позиции места и цели. Ю. Д. Апресян приводит в книге «Лексическая семантика» 25 валентностей, которые могут быть семантическими хотя бы при некоторых словах: это Sub (субъект), Contrag (контрагент), Cap (глава), Obj (объект), Content (содержание), Adr (адресат), Recip (получатель), Via (посредник), Is (источник), Loc (место), Ab (начальная точка), Ad (конечная точка), Itin (маршрут), Med (средство), Instr (инструмент), Mod (способ), Cond (условие), Motiv (мотивировка), Caus (причина), Result (результат), Dest (цель), Asp (аспект), Quant (количество), Period (срок), Temp (время), отмечая, что значение субъекта, объекта, главы, контрагента, содержания, адресата, получателя всегда являются частью значения соответствующего предикатного слова; значения начальной точки, конечной точки, инструмента и средства являются чаще содержанием семантической валентности, чем чисто грамматической зависимости; все остальные значения чаще являются содержанием чисто грамматической зависимости, чем семантической валентности (ук. соч., стр. 125—126).

Поскольку компонентный анализ является анализом составляющим сложных значений и поскольку семантические валентности являются по сути дела также частями сложных значений, можно считать, что валентный анализ является первым этапом компонентного анализа, а именно анализом по «неуточненным» семантическим компонентам (множителям). Понятие семантического множителя или дифференциального признака является важнейшим понятием при описании лексических значений. Семантический дифференциальный признак (СДП) понимается как предельные, минимальные единицы семасиологического уровня, формулирующие значение слова. При данном уровне развития науки эти признаки формализации не поддаются и могут описываться только интуитивно, и поэтому их выделение в значительной мере зависит от исследователя. Чтобы описать набор семантических множителей в лексических значениях слов детальнее и объективнее, необходимо сравнить значение данного слова с остальными словами исследуемой ЛСГ, при этом сложные значения должны описываться через более простые. Это однако не значит, что более простые значения в принципе невозможно разделить на более мелкие составные части: они являются самыми простыми только для данного уровня, для данной ЛСГ (Сукаленко, 1976, 3—4).

Поскольку глаголы ЛСГ обычно имеют частично разные

семантические валентности, в ходе исследования пытаются сперва найти признак, по которому разделяются все члены ЛСГ с одинаковыми семантическими валентностями, далее признаки, которые выделяются только у слов одного из подмножеств, полученных в результате первого членения и т. д. вплоть до признака, идентифицируемого в двух-трех словах (причем безразлично, будет ли этим признаком основной признак роли валентности или специфический признак роли). В принципе исследователя интересуют только такие признаки, так как именно они функционируют как релевантные для различения языковых единиц друг от друга, т. е. как дифференциальные признаки. Именно эти признаки и составляют основу «объяснительного минимума» толкований слов.

Проследим сказанное на примере ЛСГ конструктивных глаголов. Под ситуацией «конструктивного действия» понимается действие, при котором целью субъекта является создание предмета из материала, подвергая последний простейшему физическому воздействию или преобразованию. Типичными семантическими валентностями этой ситуации являются позиция субъекта Sub, позиция создаваемого объекта Obj₁, позиция подвергающегося обработке объекта Obj₂ (и конечно позиция действия Pred). Кроме этих позиций, те или иные конструктивные глаголы могут характеризоваться и распределяться по позициям: способа осуществления действия Mod (ковать меч), средство осуществления действия Med (тачать сапоги), качества осуществления действия Qual (сколачивать балаган), орудия осуществления действия Instr (вязать кружева), намерения цели субъекта, осуществляющего действие Int (воздвигать арку), условие, при котором осуществляется действие Cond (составлять скелет). Содержания семантических валентностей можно назвать их сверхпризнаками, базовыми признаками. В группу конструктивных глаголов с семантическими валентностями Sub, Pred, Obj₁, Obj₂, Mod, Instr входят «вязать (кружева), пряхть (полотно), ткать (сукно), строгать (гроб), долбить (ульи), резать (кресты), выпиливать (рамки), точить (фигурки), молоть (муку)». Позиция Sub имеет при всех этих глаголах СДП «лицо», позиции Obj₁ и Obj₂ — СДП «предмет», позиция Pred — СДП «каузировать стать». При первом делении эти глаголы распадаются на две группы — глаголы, роль Mod которых имеет признак «плетением» (вязать кружева, пряхть полотно, ткать сукно) и глаголы, роль Mod которых не имеет этого признака (строгать гроб, долбить ульи и т. д.). Первая группа, в свою очередь, распадается на глаголы, роль Instr которых имеет признак «спицами» (это «вязать (кружева)») и на глаголы, роль Instr которых не имеет этого признака: последние больше не делятся, так как все имеют признак роли Instr «машиной». Глаголы второй группы подвер-

гаются аналогичной операции, при которой выясняется, что Mod в глаголах «точить (фигурки)» и «строгать (гроб)» характеризуется признаком «обработкой», в глаголе «молоть (муку)» — признаком «дроблением», в глаголе «долбить (ульи)» — признаком «извлечением части из подвергающегося обработке объекта», в глаголах «резать (крестики)», «выпиливать (рамки)» — признаком «извлечением создаваемого объекта из подвергающегося обработке объекта». Instr в этих глаголах характеризуется признаком «спицами» (для «вязать (кружева)»), «машиной» (для ткать (сукно), точить (фигурки), молоть (муку)), «острым орудием» (для «строгать (гроб), долбить (ульи), резать (кресты)»), «пилой» (для «выпиливать (рамки)»). Мы не утверждаем, что у того или иного глагола не имеется больше СДП, однако в рамках данной ЛСГ именно они обеспечивают разграничение смысла глаголов, т. е. дают основу для построения минимальных адекватных толкований.

Данные о СДП этой группы глаголов могут быть для наглядности изображены в виде таблицы, где по левой вертикали записаны названия СДП и где по верхней горизонтали записаны глаголы. Если глагол характеризуется наличием признака, в клетку на пересечении координат ставим знак +, если он безразличен к данному признаку (напр., «плетением» к «резать (кресты)») или если он уточняется более специфичным СДП (напр. «острым орудием» уточняет СДП «орудием»), клетку оставляем пустой.

		вязать (кружева)	ткать (сукно)	точить (фигурки)	молоть (муку)	строгать (гроб)	долбить (ульи)	резать (крестики)	выпиливать (рамки)
Sub	лицо	+	+	+	+	+	+	+	+
Obj ₁	предмет	+	+	+	+	+	+	+	+
Obj ₂	предмет	+	+	+	+	+	+	+	+
Pred	каузировать статью	+	+	+	+	+	+	+	+
Mod	плетением	+	+						
Mod	обработкой			+		+			
Mod	извлечением части из Obj ₂						+		
Mod	извлечением Obj ₁ из Obj ₂							+	+
Mod	дроблением				+				
Instr	спицами	+							
Instr	машиной		+	+	+	+			
Instr	острым орудием						+	+	+
Instr	пилой								+

Все выделенные СДП должны отражаться в толковании соответствующих глаголов. По возможности толкование должно представлять связное предложение (по крайней мере толкование глаголов), поэтому каркас толкования — формула активной семантической валентности — должен быть грамматически соответствующим образом оформлен. Согласно изложенному, «вязать (кружева)» должно толковаться как «Лицо А каузирует стать предмет В плетением предмета В спицами», глагол «прясть (полотно)» и глагол «ткать (сукно)» как «Лицо А каузирует стать предмет В плетением предмета В машиной». Поскольку глагол «делать» является базовой единицей ЛСГ конструктивных глаголов, им целесообразно для упрощения текста толкования заменить признак «каузировать стать». Отметим, что в некоторых имеющихся словарях применяется такой тип толкования. Напр., в словаре испанского языка М. Молинера (M. Moliner, *Diccionario de use del espanol*, Madrid, 1966) толкование построено именно таким «объяснительным минимумом»: определяемый термин характеризуется через родовое понятие (сверхпризнак) и дифференциальные признаки. Напр., *planta compuesta es la planta que tiene flores en cabezuela*, где термин — *planta compuesta*, родовое понятие, *planta* и СДП *flores en cabezuela* (Караулов, 1976, 21—22).

Какова должна быть единица метаязыка описательного минимума? Должны ли это быть искусственные образования, составляющие язык, в корне отличный от языка объекта, или это должен быть язык, построенный из единиц самого языка объекта? Описание, базирующееся на искусственном метаязыке, ориентировано на автоматическую обработку текста (языка объекта) и полностью исключает субъекта-носителя с его неконтролируемым знанием языка. Из-за крайней сложности подачи подобный словарь слишком труден для широкого читателя (Сукаленко, 1976, 9). Противостоящее этому обычное толкование рассчитано прежде всего на субъекта-носителя — в таких толкованиях вряд ли необходим специальный искусственный язык, и упорядочены они должны быть на основе «наивного» реализма субъекта-носителя языка, на основе понятий, которыми оперируют средние носители языка (Караулов, 1976, 65—66). В толкованиях придется допускать, кроме частей сложных значений, некоторые сложные значения целиком (напр. слова типа «плетением» = перевивая (полосы, нити и т. д.), соединить в одно целое); это условие также диктуется установкой словаря на субъекта-носителя языка, а не на машину. Именно поэтому мы не можем идти по пути полного разложения сложных значений, как это делает, напр., Ю. Д. Апресян, ср. «завидовать» — X завидует Z — у Y — а = X не имеет Z — а, а Y имеет Z, и X испытывает отрицательную эмоцию, каузируемую желанием, чтобы Y не имел Z — а, а X имел Z (Апресян, 1974,

107). Не надо также, во что бы то ни стало избегать тавтологии и круговых толкований. Если в недавней лексикографической литературе круговые определения, употребление синонимов при отсутствии их семантического тождества считались совершенно нежелательными, то в новейших работах они допускаются (Сукаленко, 1976, 9), т. к. задачей толкового словаря является не разработка строгой и логически непротиворечивой теории лексических значений, а экспликация внутреннего содержания слова (Кацнельсон, 1972, 132). Более того, «аксиоматическое построение толкового словаря как формализованной системы, регулируемой законами формальной логики... представляется принципиально невозможным» (Денисов, 1974, 13).

Синтаксическую сочетаемость представляется удобнее всего показывать в виде моделей управления, в которые входят только обязательные синтаксические валентности. В моделях управления можно использовать известные символы классов слов. Для конструктивных глаголов русского языка такой моделью управления является $N_n^1 V N_a^2$.

Из изложенного становится очевидным важность для лексикографии анализа значений слов по валентностям и компонентному составу. Тем самым словарь станет необходимой частью полного теоретического описания языка, а не только памятником лексики или практическим пособием для его носителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
 Берков 1973 — В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии. М., 1973.
 Боровков 1957 — А. К. Боровков. Из опыта составления русско-национальных словарей. Лексикографический сборник, 1957, вып. I.
 Вейнрейх 1962 — U. Weinreich. Lexicographic definition in descriptive semantics. IJAL, vol. 28, N : 2, part 4, 1962.
 Денисов 1974. — Г. Н. Денисов. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
 Зоммерфельдт 1971 — К. Е. Sommerfeldt. Zur Valenz des Adjektivs. Deutsch als Fremdsprache, 1971, N : 2.
 Истрина 1944 — Е. Истрина. Заметки по двуязычным словарям. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, том III, вып. 2—3.
 Караулов 1976 — Ю. Н. Караулов. Общая и русская идеография. М., 1976.
 Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
 Кузнецова 1974 — Э. В. Кузнецова. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов. АДД, М., 1974.
 Махароблидзе 1971 — Г. А. Махароблидзе. Проблема сопоставительно-типологического анализа неродственных языков (на материале русского языка и грузинского). АДД, Тбилиси, 1971.
 Селиверстова 1967 — О. Н. Селиверстова. Обзор семантических работ по компонентному анализу. — НДВШ, Филологические науки, 1967, № 5.

- Селиверстова 1975 — О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Степанова 1973 — М. Д. Степанова. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). М., 1973.
- Ступин 1968 — Л. П. Ступин. О недостатках существующих двуязычных словарей (на материале английского языка). — В сб.: Проблемы германской филологии. Рига, 1968.
- Сукаленко 1971 — Н. И. Сукаленко. Некоторые принципы составления двуязычных словарей. АКД, Л., 1971.
- Сукаленко 1976 — Н. И. Сукаленко. Двуязычные словари и вопросы перевода. Харьков, 1976.
- Щерба 1940 — Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — ОЛЯ, Изв. АН СССР, 1940, № 3.
- Юлдашев 1972 — А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
- Яннуччи 1962 — J. A. Iannucci. Meaning discrimination in bilingual dictionaries. IJAL, vol. 28, N: 2, part 4, 1962.

Оглавление

М. А. Шелякин. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий	3
Б. М. Гаспаров. Структура русского языка с типологической точки зрения (Введение в социограмматику). Статья вторая. Морфология имени	23
П. С. Сигалов. Способы словообразования в их отношении к синхронии и диахронии	45
А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития). I. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии	56
А. Д. Дуличенко. Язык русин Югославии и его соотношение с языками и диалектами карпато-дунайского ареала (грамматический аспект)	100
А. И. Пихлак. Значение валентного и компонентного анализа слов для составления русско-эстонских словарей	123

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 486.
Проблемы описания системы языка и ее функционирования. Труды по рус-
ской и славянской филологии. XXX. Серия лингвистическая. На русском языке.
Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.
Ответственный редактор М. Шелякин. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор
25. 06. 1978. Подписано к печати 10. 12. 1979. Бумага печатная № 1 60×90 1/16.
Печ. листов 9,0. Учетно-издат. листов 9,61. Тираж 700. МВ-09663. Зак. № 3498.
Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. II.

Цена 1 руб. 40 коп.